

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА
ФИЛИАЛ МГУ В ГОРОДЕ СЕВАСТОПОЛЕ

ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

ИСТОРИЯ, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА

ВЫПУСК IV

СЕРИЯ В. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

ИЗБРАННЫЕ МАТЕРИАЛЫ
МЕЖДУНАРОДНЫХ НАУЧНЫХ КОНФЕРЕНЦИЙ
«ЛАЗАРЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ»

К 255-ЛЕТИЮ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

**МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА
ФИЛИАЛ МГУ В ГОРОДЕ СЕВАСТОПОЛЕ**

ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

ИСТОРИЯ, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА

ВЫПУСК IV

СЕРИЯ В. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

**ИЗБРАННЫЕ МАТЕРИАЛЫ
МЕЖДУНАРОДНЫХ НАУЧНЫХ КОНФЕРЕНЦИЙ
«ЛАЗАРЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ»**

**Севастополь
2010**

Причерноморье. История, политика, культура. Выпуск IV. Серия В. Международные отношения. Избранные материалы Международных научных конференций «Лазаревские чтения» / Под общей редакцией В.И. Кузицина. - Севастополь: Филиал МГУ в г. Севастополе, 2010. – 84 с.

Сборник содержит статьи, подготовленные по материалам отобранных оргкомитетом для публикации докладов профессоров, преподавателей и студентов Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова и Филиала МГУ в г. Севастополе, сотрудников научных и музейных учреждений России, Украины, Крыма и Севастополя, прочитанных на заседаниях Международных научных конференций «Лазаревские чтения» в 2007-2009 гг.

Представленные статьи будут интересны широкому кругу специалистов в области политической истории и политологии.

Редакционная коллегия:

Трифонов В.А.,	кандидат химических наук, доцент, директор Филиала МГУ в г. Севастополе.
Иванов В.А.,	доктор физико-математических наук, профессор, академик НАН Украины, зам. директора Филиала МГУ в г. Севастополе по научной работе.
Кузицин В.И.,	доктор исторических наук, профессор, советник декана исторического факультета МГУ, зав. кафедрой истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе (главный редактор).
Усов С.А.,	доктор политических наук, профессор кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе.
Филимонов С.Б.,	доктор исторических наук, профессор кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе, зав. кафедрой истории России ТНУ им. В.И. Вернадского (зам. главного редактора).
Юрченко С.В.,	доктор политических наук, профессор кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе, профессор кафедры новой и новейшей истории ТНУ им. В.И. Вернадского, зам. директора по научной работе КРУ «Ливадийский дворец» (зам. главного редактора).
Бойцова Е.Е.,	кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе, проректор по научной работе Севастопольского городского гуманитарного университета.
Ставицкий А.В.,	кандидат философских наук, доцент кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе.
Мартынкин А.В.,	кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе.
Ушаков С.В.,	кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе.
Хапаев В.В.	зам. заведующего кафедрой истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе (ответственный секретарь).

Публикуется по решению Оргкомитета Международной научной конференции «Лазаревские чтения»

Точка зрения авторов может не совпадать с точкой зрения редколлегии.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие _____	6
Геополитика	
<i>Логвинов О.А.</i> Геополитические и цивилизационные аспекты внешней политики Турции в 90-е гг. XX столетия	10
<i>Малафеев Л.Ф.</i> Современные тенденции усиления российского влияния в Причерноморье	19
<i>Юрченко С.В.</i> Украина: проблема выбора внешнеполитической концепции	21
Международная безопасность	
<i>Плужник П.Б.</i> Международные встречи в Ливадии и перспективы развития энергетического сектора в Крыму	28
<i>Тимоненков Р.П.</i> Некоторые аспекты развёртывания военных баз США, НАТО и ЕС в Черноморском регионе	31
Диалог цивилизаций	
<i>Мартынкин А.В.</i> Исламизм в XX-XXI веках. Цивилизационный взгляд	38
<i>Пашковский П.И.</i> Нурсултан Назарбаев: Ментальные предпосылки интеграционных устремлений	42
История международных отношений	
<i>Деникевич С.В.</i> Кавказский вопрос во внешней политике России времен Крымской войны	50
<i>Шамрин О.А.</i> Уинстон Черчилль и проекты самоуправления Индии в 1920-1940 гг.	54
<i>Шамрин О.А.</i> Турция в военно-политических планах Великобритании в 1939-1940 годах	57
Научное творчество студентов	
<i>Зусманович Д.Д.</i> Доктрина Трумэна как предпосылка начала холодной войны	64
<i>Чаюн Л.А.</i> Деятельность командующего Черноморским флотом И.В. Касатонова в период распада СССР	72
<i>Шевченко Е.И.</i> Проблема бюрократии в Украине и возможные пути ее решения	76
Сведения об авторах _____	83

ПРЕДИСЛОВИЕ

Международная научная конференция «Лазаревские чтения» проводится в Филиале МГУ в городе Севастополе с 2002 года. С 2005 года в рамках конференции работает секция «Международные отношения в Причерноморье». Необходимость выделения этой секции в самостоятельное направление возникла в связи со значительным интересом участников конференции к проблематике, связанной с различными аспектами международной политики в Причерноморье. Ведь наш регион является не только важнейшим транспортным узлом и транзитным коридором в международной торговле. В Причерноморье, которое с древнейших времен стало оживленным перекрестком на путях развития различных цивилизаций, как нигде, сопрягаются социокультурные традиции православия, ислама, иудаизма и западного христианства. Чтобы способствовать дальнейшему мирному сосуществованию и взаимовлиянию представителей различных культур в регионе, важно достигать понимания особенностей развития различных цивилизаций Причерноморья в исторической ретроспективе.

Учитывая высокий интерес участников конференции к вышеобозначенной проблематике, уже в 2006 году в рамках секции «Международные отношения в Причерноморье» успешно прошли круглые столы «Проблемы межцивилизационного взаимодействия в Причерноморье» и «Вступление России и Украины в ВТО: проблемы и перспективы». В 2007 году, совместно с секцией «Новая и новейшая история России и стран Причерноморья», в рамках конференции был проведен круглый стол «Россия и Украина: проблемы взаимодействия в сфере культуры и экономики».

В предлагаемом сборнике на суд читателей выносятся избранные статьи, подготовленные участниками конференции в 2007-2009 годах. Статьи представлены в пяти разделах, отражающих основные направления научной дискуссии в рамках секции: геополитика, международная безопасность, диалог цивилизаций, история международных отношений; отдельный раздел посвящен научному творчеству студентов.

В статьях первого раздела глубокому анализу подвергнуты геополитические позиции «тяжеловесов» Причерноморья – России, Турции и Украины. Авторы исследований отмечают глубокие изменения геополитической ситуации в Причерноморье, произошедшие в начале XXI века под влиянием ряда факторов политического, экономического и культурно-цивилизационного характера. Так, в статье О.А.Логвинова рассмотрен процесс постепенного возвращения Турции к роли геополитического лидера региона. Причем, как справедливо отмечает профессор Л.Ф.Малафеев, наблюдаемое как в политике, так и в экономике сближение Турции и России, неуклонно укреплявшей в последние годы свои позиции в Причерноморье, значительно уменьшает влияние в регионе непричерноморских государств, в том числе, США. В этой изменяющейся геополитической ситуации выбор Украиной своей внешнеполитической концепции представляется сложной задачей. Анализу особенностей этого противоречивого процесса посвящена статья профессора С.В.Юрченко «Украина: проблема выбора внешнеполитической концепции».

Материалы второго раздела – «Международная безопасность» - логически продолжают и дополняют исследования уже упомянутых нами авторов «геополитического» раздела. В статье Р.П.Тимоненкова содержится серьезный анализ процесса усиления военного присутствия США, НАТО и ЕС в Черноморском регионе

путем переноса своих военных баз в Причерноморье из Западной и Центральной Европы. Анализу вопросов энергетической безопасности Украины и, прежде всего, Крыма посвящена статья постоянного и активного участника работы секции П.Б.Плужника.

В разделе "Диалог цивилизаций" в статье А.В.Мартынкина представлен анализ влияния культурно-цивилизационных факторов на процесс появления и развития такого опасного феномена, как исламский экстремизм. Оригинальный подход к анализу процессов межкультурного взаимодействия содержится в статье П.И.Пашковского «Нурсултан Назарбаев: Ментальные предпосылки интеграционных устремлений».

Статьи раздела "История международных отношений" посвящены малоизученным, но актуальным и в настоящее время вопросам дипломатии и международной политики в Причерноморье. С.В.Деникевич представила свой анализ политики России на Кавказе в период Крымской войны. В статьях О.А.Шамрина рассматриваются вопросы внешней политики Великобритании на Востоке. Особенно интересный материал представлен в его статье «Турция в военно-политических планах Великобритании в 1939-1940 годах».

В раздел «Научное творчество студентов» вошли различные по своей направленности исследования. Д.Д.Зусманович представил анализ Доктрины Трумэна, справедливо видя в ее содержании элементы, оказавшие непосредственное влияние на развертывание «холодной войны» между Западом и СССР. Совершенно иной теме посвящена статья Л.А.Чаюн, в которой впервые в современной историографии серьезно анализируется роль адмирала И.В.Касатонова в процессе раздела Черноморского флота СССР. Автор акцентирует внимание ученой общественности на том, что, во многом, благодаря позиции и активной деятельности именно адмирала И.В.Касатонова у России в Черном море остался военноморской флот. В статье Е.И. Шевченко еще раз поднимается «вечный» вопрос методов борьбы с бюрократией, на этот раз, в Украине.

Оргкомитет Международной научной конференции «Лазаревские чтения» приглашает историков, политологов, культурологов, а также студентов, магистрантов и аспирантов соответствующих специальностей, проживающих в государствах Причерноморья, к научному сотрудничеству, аргументированным и толерантным дискуссиям, как на заседаниях конференции, так и на страницах сборника «Причерноморье. История, политика, культура».

Оргкомитет

I

ГЕОПОЛИТИКА

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ И ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ТУРЦИИ В 90-Е ГГ. XX СТОЛЕТИЯ

Логвинов О.А.

Черноморский флот Российской Федерации

В 1993 году в американском журнале «Foreign Affairs» была опубликована статья С. Хантингтона¹ «Столкновение цивилизаций?». Она вызвала большой интерес в научном мире, ее идеи завоевали много сторонников и породили не меньшее число противников.

Ключевым положением теории С. Хантингтона является то, что основополагающая причина конфликтов в новом мире не связывается с идеологией и экономикой. Важнейшая причина конфликтов будет определяться культурным, цивилизационным фактором.

С. Хантингтон писал о 1300 конфликтах между западной и исламской культурами и делал вывод о том, что после окончания идеологического раскола Европы (в конце 80-х – начале 90-х годов XX столетия) вновь проявилось ее культурное разделение: между западным христианством, с одной стороны, и ортодоксальным христианством и исламом, – с другой.

Концепция С. Хантингтона, представляющая собой взгляд с Запада на проблему базовых противоречий в мире, парадоксальным образом может быть воспринята отдельными государствами, относимыми к незападной, нехристианской цивилизации в качестве идеологической основы их международной активности. К таким государствам, при всей интегрированности в западные структуры, по целому ряду параметров относится Турция.

Цели политики США в регионе Восточного Средиземноморья, где находится Турция, были сформулированы и стали осуществляться на практике администрациями президентов Г. Трумэна и Д. Эйзенхауэра.

Американское руководство, прежде всего, учитывало ряд специфических геополитических и экономических характеристик, которые существенно отличали Восточное Средиземноморье от других зон региона. К числу таких специфических черт можно было отнести:

- географическую близость к границам Советского Союза и других стран социалистического содружества, а также соседство Восточного Средиземноморья с районом Ближнего и Среднего Востока и зоной Персидского залива;
- наличие опасных международных очагов напряженности и кризисных ситуаций;
- концентрацию в этом районе важных нефтяных и торговых коммуникаций [7, с. 129-130].

Поэтому, первые шаги по включению прибрежных государств в сферу своего влияния, США предприняли сразу же после окончания Второй мировой войны. Этот период был отмечен началом «холодной войны», усилением гонки вооружений и созданием Североатлантического союза.

Способность Турции контролировать зону Восточного Средиземноморья и Черноморские проливы была определяющей для приема Турецкой республики в Североатлантическое сообщество. Вступление в НАТО существенно сказалось на последующей внешнеполитической ориентации страны. В условиях возраставшей зависимости Турции от НАТО атлантизм превратил ее в ту политическую и идеологическую базу, на которой затем укреплялась гегемония США.

Развал СССР и последовавший за ним роспуск Организации Варшавского договора открыли для Турции возможность активизировать свою политику в новых регионах. Со-

¹ Хантингтон Сэмюэль (Samuel P. Huntington) - профессор Гарвардского университета, директор Института стратегических исследований им. Дж. Олина при Гарвардском университете. Автор таких известных в России работ, как: «Дискуссия вокруг цивилизационной модели» (1993 г.); «С. Хантингтон отвечает оппонентам» (1994 г.); «Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка» (1996 г.); «Запад: уникальность, а не универсальность» (1996 г.); «Мировой кризис по Самуэлю Хантингтону» (2001 г.); «Это не столкновение культур» (2001 г.); «Спасение придет с Востока» (2002 г.); «Век мусульманских войн» (2002 г.).

храня как основу внешней политики военно-политическое сотрудничество с западными странами и перспективы принятия ее в Европейский Союз, Турция активизировалась в новых республиках Центральной Азии и Кавказа, на Балканах. Вместе с тем, она не умаляла и значения стран Ближнего и Среднего Востока с точки зрения своих геополитических и цивилизационных интересов.

Вместе с тем, новая геополитическая обстановка привела к усложнению процесса поддержания безопасности Турции в региональном масштабе. Это, в первую очередь, относится к ее политическим, военным и цивилизационным аспектам. Поэтому в отношениях с соседями у Турции продолжают оставаться сложные проблемы.

В связи с новой обстановкой, изменилось отношение к Турции ее союзников. Что касается стратегических интересов США, то они продолжают уделять значительное внимание своим отношениям с Турцией, особенно в связи с американо-иракскими и американо-иранскими проблемами, а также из-за повышенных американских интересов на Кавказе и в Центральной Азии. Турция начала восприниматься как влиятельная держава, занимающая центральное место в международных отношениях в регионе.

Преследуя свои экономические и политические цели, Турция попытается взять на себя роль «моста» между Западом и новыми государствами Центральной Азии и Южного Кавказа. До этого такую же функцию она выполняла в отношении стран Ближнего и Среднего Востока. Союзники Турции считают ее политику важнейшим фактором в обеспечении сотрудничества, политической и экономической стабильности в регионе. Отстаивая свои интересы в Центральной Азии, на Кавказе, на Ближнем и Среднем Востоке, Турция пытается не упустить из виду и важных стратегических задач, отвечающих интересам ее натовских союзников. Одной из таких задач является противостояние возрастающему в мусульманском мире радикально-религиозному экстремизму [18].

США традиционно продолжают занимать особое место во внешней политике Турции. В свое время США сыграли решающую роль в приеме Турции в НАТО. В отношениях Турции с США определяющую роль играет сотрудничество в военной области. Турция со стороны США оказывается военная и экономическая помощь, большая, нежели другим союзникам по НАТО.

Вместе с тем, военное, военно-промышленное и экономическое сотрудничество двух стран регламентировано договорной системой, в которой основными ныне действующими соглашениями являются:

- безвременное соглашение об оказании помощи Турции, подписанное в 1947 г. Соглашением предполагается запрет на использование предоставленного Турции американского вооружения вне целей, для которых оно поставляется, а предоставляется оно для обеспечения национальной независимости и безопасности страны [2, с. 754; 11, р. 162-164].
- соглашение о сотрудничестве, подписанное и вступившее в силу в марте 1959 г. Этим соглашением предусмотрена возможность оказания правительством США всевозможной помощи, включая переброску в Турцию, по ее просьбе, американских вооруженных сил в случае агрессии против нее. Оно также не оговаривает срока действия, но может быть денонсировано одной из сторон [11, р. 258-260];
- соглашение о сотрудничестве в области обороны и экономики, подписанное в марте 1980 г. в рамках Северо-Атлантического договора. Соглашение было подписано на 5 лет с автоматическим продлением на каждый следующий год.

Знаковыми в отношениях двух стран являются и обязательства США, связанные с борьбой против терроризма, являющегося важной проблемой для Турции. В 1987 г. США подтвердили решимость сотрудничать с правительством Турции в борьбе против терроризма и в противодействии любой деятельности по финансированию, поддержке и помощи террористической деятельности [1, р. 367]. В 1999 г. государственный департамент США включил в список основных террористических группировок в мире и Рабочую партию Курдистана, ведущую сепаратистскую деятельность в Турции [4].

Однако серьезную дискуссию в Турции вызвал факт использования авиацией США против Ирака авиабазы (АвБ) в Инджирлике, находящейся вблизи турецкого города Ада-

на. В связи с кризисом в Персидском заливе, государства антииракской коалиции во главе с США и Великобританией приняли меры по подрыву позиций режима Хусейна, встали на путь поддержки сепаратистского курдского движения в Ираке.

С этой целью в 1991 г. были созданы «зоны безопасности», запретные для полетов иракской авиации:

- северная зона – часть Ирака севернее 36-й параллели;
- и южная зона – южнее 32-й параллели, позже расширенная до 33-й параллели.

В этих зонах ВВС США, Великобритании и Франции проводили операции «Северный дозор» и «Южный дозор», направленные на недопущение подавления режимом Багдада курдского движения с целью создания курдского государства в Северном Ираке, а также создания на юге Ирака «независимой шиитской зоны», поддерживаемой Ираном.

Для Турции проблемной являлась северная зона, установленная в связи с операциями багдадских властей против курдов, а также туркмен и арабов [14]. Поддержка курдов противоречила интересам Турции. Сложность позиции турецкого руководства, в данном случае, заключалась в том, что она твердо придерживалась принципов корпоративности НАТО, и тем самым, не шла на запрет использования АВБ Инджирлик американской авиацией, хотя в интересы Турции не входило создание какого-либо независимого курдского государственного образования.

Подводя черту в рассмотрении отношений с США, можно сказать, что Турция продолжает рассматриваться Соединенными Штатами в качестве преданного союзника в регионе. От этих отношений зависят характер и размер американской военной и экономической помощи, американская поддержка на мировой арене.

Однако, достаточно сдержанное отношение турецкого руководства на военную операцию США и Великобритании против Ирака в 2003 г. продемонстрировало мировому сообществу преобладание национальных (турецких) интересов над корпоративными.

Весьма нелегкой проблемой для Турции является ее стремление вступить в Европейский Союз. Многолетняя борьба за это увенчалась включением Турции в список кандидатов «второй волны» в декабре 1999 г. на встрече лидеров Евросоюза. Важным фактором, способствовавшим решению этой проблемы, была позиция США, Германии и Великобритании.

Под влиянием США изменилась и позиция Греции, которая на этот раз сама предложила рассмотреть кандидатуру Турции, несмотря на то, что раньше была категорически против присоединения Анкары к ЕС.

С просьбой о вступлении в Евросоюз (тогда он назывался Европейское экономическое сообщество (ЕЭС)) Турция впервые обратилась в 1959 году.

Только в сентябре 2005 года Европарламент проголосовал за начало переговоров о вступлении Турции в Евросоюз.

Уже в начале октября того же года, в Люксембурге начались переговоры, результатом которых было выдвижение Евросоюзом около 150 условий, обязательных для выполнения Турцией до вступления в ЕС [9].

Основными из них являются:

- полное соответствие "копенгагенским критериям", которые включают в себя демократическое устройство страны, верховенство права, конкурентоспособную рыночную экономику и свободную прессу;
- признание суверенитета Гаагского трибунала;
- выполнение всех обязательств по таможенному союзу со странами ЕС;
- признание геноцида армян;
- прекращение притеснения национальных меньшинств, в частности, курдов;
- признание Кипра и полное сотрудничество в деле решения кипрской проблемы;
- нормализация отношений с Грецией [3].

Необходимость кардинальных реформ во многих областях воспринималась в Турции в 90-е годы XX столетия с пониманием. Задача интеграции с Европейским союзом в качестве полноправного члена в 90-х годах прошлого столетия в Турции была первостепенной. Интересы безопасности определяли приоритетное прозападное направление турец-

кой внешней политики. Считалось, также, что со всех точек зрения для Турции нет какого-либо другого международного сообщества, вступление в которое было бы столь естественным. А такие региональные организации, как «Организация Черноморского экономического сотрудничества» или «Организация экономического сотрудничества» не могли считаться альтернативой ЕС.

Вместе тем, многолетний опыт отношений ЕС с Турцией не давал оснований предполагать, что она скоро будет принята в сообщество, несмотря на усилия США.

В настоящее время условия, выдвинутые странами-членами ЕС перед Турцией, рассматриваются руководством страны как, мягко говоря, неприемлемые. В вопросе приема Турции в ЕС Европарламент обратился и к кипрской проблеме. Он призвал Евросоюз, ООН и кипрское правительство использовать все возможности, чтобы положить конец разделу Кипра. В связи с этим от Турции требовалось осуществление резолюций СБ ООН [21, р. 726].

Де-юре, Республика Кипр признана всеми основными международными организациями. В 1960 году она стала членом ООН, а с 1961 года вошла в Совет Европы. Политика кипрского правительства со времени приобретения независимости была направлена на превращение страны в торговый, финансовый и туристический центр Восточного Средиземноморья за счет привлечения на остров иностранных инвестиций [8].

В 1974 году прогрессивно настроенные офицеры национальной гвардии Кипра совершили антиправительственный переворот, основной целью которого было присоединение (энозис) острова к Греции, где в то время у власти находилась хунта «черных полковников» [6].

Под предлогом восстановления конституционного порядка и защиты этнических ту-рок на остров, по плану операции "Аттила", были введены турецкие войска общей численностью около 30 тыс. человек. Оккупация северной части острова привела к фактическому разделу страны на два обособленных района [25].

В октябре 1983 года на оккупированной Турцией территории была провозглашена "Турецкая республика Северного Кипра" ("ТРСК"). В ноябре этого же года Совет Безопасности ООН большинством голосов принял резолюцию № 541, в которой потребовал отмены одностороннего решения турецкой общины и вывода иностранных войск. В настоящее время ни одно государство, кроме Турции, не признало "ТРСК" и не установило с ней дипломатических отношений.

Разделение острова на два национальных анклава продолжается в настоящее время. Тем самым сохраняется напряженность в отношениях между Турцией с одной стороны и Кипром с Грецией с другой. Неоднократно отношения между двумя соседями стояли на грани вооруженного конфликта.

Например, в 1996 году, когда было подписано соглашение о закупке Республикой Кипр и размещении на острове российских зенитных ракетных комплексов дальнего действия С-300 [1].

Но не только Кипр является камнем преткновения в отношениях между Турцией и Грецией. Начиная с 1973 года, помимо серьезных разногласий в подходах к решению кипрского вопроса, между Турцией и Грецией возникли еще и противоречия по правовым проблемам использования ресурсов Эгейского моря.

Спор между двумя странами о господстве в Эгейском море имеет давние корни и отношение мирового сообщества к его содержанию далеко не однозначно.

В настоящее время можно выделить следующие довольно неравнозначные элементы, по которым обе страны не могут договориться:

- ширина территориальных вод Греции;
- проблема континентального шельфа;
- правила использования воздушного пространства в Эгейском море;
- демилитаризация отдельных греческих островов;
- суверенитет над отдельными малыми островами и скалами в приграничных районах [24; 15; 12].

Эти проблемы в 90-е годы XX столетия также неоднократно приводили обе страны на грань военного конфликта:

- в ноябре 1994 года во время одновременного проведения национальных учений ВМС двух стран в международных водах Эгейского моря обстановка вышла из-под контроля. Необходимо заметить, что учения проходили на фоне очередной попытки Афин добиться расширения территориальных вод в Эгейском море и заявления турецких властей о том, что они будут рассматривать это расширение как причину для объявления войны Греции [26];

- одно из наиболее острых противостояний возникло в 1995 году из-за суверенитета над небольшими островами Имия, находящимися в восточной части Эгейского моря¹ [16, р. 3]. Турецкий грузовой теплоход сел на мель в районе островов Имия. После долгих переговоров с греческими спасательными службами и консультаций с судовладельцем греческая помощь была, все-таки, принята, и греческий буксир снял теплоход с мели и сопроводил его в ближайший турецкий порт.

Напряженность вокруг островков начала возрастать в январе 1996 года, когда несколько турецких военнослужащих высадились на самый крупный из них, где сняли греческий флаг, установленный в период спасательных работ, и подняли турецкий флаг.

Спустя несколько суток на островки высадилось подразделение греческих ВМС, которое восстановило греческий флаг. После чего ВМС обеих стран направили в район конфликта свои боевые корабли. Обстановка достигла пика напряженности, когда армейское подразделение ВС Турции высадилось на меньший из островов.

С целью предотвращения боевого столкновения между силами двух стран НАТО командование американского 6-го флота вынуждено было направить в район конфликта свой эсминец [5]. Только срочные переговоры руководителей обеих стран помогли снизить уровень военного противостояния и отвести из района контингенты вооруженных сил.

После неудачных попыток вступления в ЕС Турция предприняла попытки реанимировать региональные договоренности.

Еще 1992 г. во многом по инициативе и при активном участии Турции были развернуты два крупных региональных проекта экономического взаимодействия:

- Черноморское экономическое сотрудничество (ЧЭС), объединяющее одиннадцать государств Причерноморья и ряд балканских стран;
- Организация экономического сотрудничества (ОЭС), в которую вошли среднеазиатские государства СНГ и страны Западной Азии.

Идея создания организации Черноморского экономического сотрудничества как крупного регионального проекта была впервые выдвинута в 1990 г. автором турецкой экономической реформы, а впоследствии президентом страны Т. Озалом.

В течение короткого времени эта идея трансформировалась в конкретную политическую инициативу, поддержанную всеми причерноморскими и тяготеющими к бассейну Черного моря государствами.

Уже в июне 1992 г. в ходе встречи на высшем уровне в Стамбуле главы государств и правительств Азербайджана, Армении, Болгарии, Грузии, Греции, Молдовы, России, Румынии, Турции, Украины подписали Декларацию о Черноморском экономическом сотрудничестве.

Документы о создании ЧЭС предусматривают, в частности, следующие направления сотрудничества:

- морской, воздушный и автомобильный транспорт;
- связь и телекоммуникации;
- энергетика;
- туризм;

¹ Острова Имия находятся на удалении 1.9 морских миль от греческого острова Калолимнос (Kalolimnos), 5.3 миль от греческого острова Калимнос (Kalymnos), 3.65 миль от турецкого побережья и 2.3 миль от турецкого острова Кавус (Cavus).

- сельское хозяйство и переработка сельскохозяйственных продуктов;
- рыболовство;
- охрана окружающей среды;
- обмен технологией и проведение научных исследований;
- создание механизмов финансирования взаимной торговли и предпринимательской деятельности.

Организация экономического сотрудничества (ОЭС) была создана еще в 1985 г. Ираном, Пакистаном и Турцией, она стала преемницей Организации регионального сотрудничества в целях развития.

В 1992 г. состав ОЭС расширился, деятельность организации претерпела изменения и заметно активизировалась в результате принятия в число ее членов Азербайджана, Афганистана, Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Туркмении и Узбекистана. основополагающим документом ОЭС является Измирский договор 1977 года.

Основная цель организации — содействие экономическому развитию стран-участниц при опоре на их собственные ресурсы и с использованием их «исторической, культурной, религиозной и этнической близости».

Решить эту задачу предполагалось путем активизации регионального сотрудничества в сферах:

- промышленности (через совместные предприятия);
- торговли (путем устранения торговых барьеров);
- транспорта (эффективная дорожно-транспортная, авиационная и морская инфраструктура);
- финансов (общие банковские, страховые и инвестиционные службы);
- науки и техники (взаимная техническая и экспертная помощь);
- планирования (согласованная торгово-экономическая, таможенная и финансовая политика).

В первой половине 90-х годов Турция активизировала связь с тюркскими республиками бывшего СССР.

В 90-е годы мир стал свидетелем небывалой активности турецкой дипломатии и деловых кругов в Азербайджане, в тюркоязычных республиках Центральной (Средней) Азии. В Турции видели широкие перспективы связей с этими странами, указывая на общность цивилизационных корней их народов.

Хотя в обозримом будущем Турция вряд ли создаст какое-либо объединение тюркских государств, однако развитие ею отношений с ними во всех областях дает основание предполагать далеко идущие цели и в экономической, и в политической областях.

Вместе с тем, во внешней политике Турции наблюдаются пантюркистские подходы. Об этом свидетельствуют и практика, и позиции подавляющего большинства ее государственных и политических деятелей.

В Турции начали подчеркивать, что именно на нее возложена задача обеспечения сотрудничества, политической и экономической стабильности на Кавказе и в Средней Азии и большая обязанность открытия тюркских республик миру [17].

Военно-политические аспекты отношений Турции с тюркскими республиками — тема особая. Можно только напомнить о военной помощи Азербайджану, в т. ч. в обучении слушателей из этой республики в турецких военных учебных заведениях и стажировке сотрудников спецслужб в Полицейской академии, и в подготовке дипломатов [13]. Конечно, обучение в подобных учебных заведениях не может проводиться за рамками стандартов НАТО.

С ближневосточными соседями отношения Турции складывались нелегко. Новый этап в отношениях Турции со странами Ближнего Востока, а также Ирана начался после иракского вторжения в Кувейт в августе 1990 г.

С начала кризиса в Заливе Турция поддержала резолюции ООН о введении эмбарго против Ирака, присоединилась к санкциям США и Западной Европы против этой страны. Обе ветки нефтепровода к Средиземному морю Киркук (Ирак) — Юмурталык (Турция) были перекрыты, приостановлены все экономические связи [23].

Кризис имел для Турции серьезные последствия. В результате закрытия иракско-турецкого нефтепровода Турция лишилась основного источника поставок, а также отчислений за эксплуатацию нефтепроводов. Ирак занимал тогда второе место во внешнеторговом товарообороте Турции.

После окончания войны перед Турцией очень остро встала проблема курдских беженцев из Ирака, к которой она оказалась практически не готовой. Для Турции эта проблема носила и носит комплексный и, в высшей степени, политический характер.

После описанных событий ближневосточная политика Турции сделала особый акцент на отношениях с Ираком, Сирией, Ираном, Израилем.

Именно эти направления стали основными в ближневосточной политике Турции конца XX-го столетия.

Турецко-сирийские отношения в 90-е годы требуют особого освящения, т.к. стали фактором нестабильности в регионе, причем наиболее серьезным камнем преткновения является вопрос об использовании вод рек Тигра и Евфрата Турцией, Сирией и Ираком.

По мнению турецкого руководства, чтобы заставить Турцию принять условия Сирии в отношении вод Евфрата, *«она, Сирия, использует Рабочую партию Курдистана (РПК), предоставляет приют боевикам РПК, а также проводит их обучение и вооружение»* [22, р. 520]. Турецкая сторона была недовольна и тем, что Сирия, ссылаясь на турецко-израильское сближение, на всех последних форумах мусульманских стран и при двусторонних контактах с арабскими странами стремилась спровоцировать антитурецкие настроения.

Турецко-иракские отношения в исследуемый период складывались также достаточно сложно. После окончания войны в Персидском заливе в 1991 году на севере Ирака сложился вакуум власти. Рабочая партия Курдистана, по утверждениям турецкого руководства, перешла из Турции в Северный Ирак, оттеснила на юг проживавших здесь курдов и стала планировать разного рода террористическую деятельность [20].

Таким образом, по официальной версии турецкой элиты, военные операции Турции на севере Ирака были направлены против запрещенной РПК, которая вела вооруженную борьбу за создание курдского государства на востоке Турции. Примечательно, что в этих операциях турецким войскам оказывали помощь иракские курды, возглавляемые Барзани и поощряемые США.

На протяжении 90-х годов Турция продолжала оставаться активным членом Организации Исламская конференция (ОИК). На встречах ОИК Турция в отношении проблем арабского мира стремилась оставаться нейтральной; лишь по вопросам Палестины и Иерусалима она поддерживала политику арабских государств. Она также старалась остаться в стороне от обсуждения на встречах религиозных и идеологических вопросов, подчеркивая, что основной принцип ее политики — светскость [22, р. 413].

С точки зрения внешнеполитических проблем, для Турции был важен подход участников ОИК к кипрской проблеме, и здесь Турция, как правило, получала поддержку. В то же время, неприятным моментом для Турции стали решения восьмой встречи ОИК на высшем уровне, состоявшейся в Тегеране в декабре 1997 г., где подчеркивалось, что исламские страны, развивающие отношения с Израилем, должны пересмотреть эти отношения.

Что касается сотрудничества Турции с Израилем, то оно приняло активные формы с середины 90-х годов и вызывало беспокойство соседних арабских стран. Беспокойство переросло в резкие протесты после того, как стало известно, причем не сразу, о подписании Турцией с Израилем в феврале 1996 г. соглашения о военном сотрудничестве.

Оно предусматривало проведение совместных сухопутных, военно-морских, военно-воздушных маневров, возможность тренировочных полетов турецких самолетов в израильском воздушном пространстве, а израильских — в турецком, инструктаж турецких пилотов, создание специальной группы военно-стратегических учений, обмен информацией, включая электронную, прежде всего, в области борьбы с терроризмом и охраны границ.

Генералитет Турции считал, что их страна оказалась в «бермудском треугольнике», где, с одной стороны, Ближний Восток, с другой — Кавказ, а с третьей — Балканы, в том числе, и их традиционный соперник — Греция. Подобно израильтянам, они ощущают по-

требность в наличии рядом «сильного друга» [10, с. 465]. И именно эти стратегические расчеты составляли основу для развития турецко-израильских отношений в военной сфере.

Соседние страны выступили с резкой критикой столь быстрого военного турецко-израильского сближения. В феврале 1997 г. лидеры Египта, Сирии и Саудовской Аравии опубликовали совместное заявление, призвав Турцию пересмотреть свою позицию. Иран и Греция также выступили с нотами протеста.

Тегеран попытался создать другой военный блок «Иран — Сирия — Египет», противопоставив его турецко-израильскому.

Параллельно с партнерством в военной области успешно развивалось турецко-израильское экономическое сотрудничество. В апреле 1997 г. между двумя странами был подписан экономический договор. Соглашение об экономическом сотрудничестве предусматривало, в том числе, транспортировку товаров в Израиль морским путем, а затем через порт Хайфу в такие страны Ближнего Востока, как Кувейт и Саудовская Аравия. Таким образом, это соглашение открывает новые двери для Турции на Ближний Восток. Отмечалось, что соглашение одобрено США, что оно будет способствовать превращению Турции в ключевую державу региона [19].

Недовольство ряда мусульманских соседей Турции вызвано не только ее военным союзом с Израилем, но и операциями турецких вооруженных сил в Северном Ираке. В 1998 г. наметилась тенденция к стратегическому сотрудничеству двух стран на Кавказе, в первую очередь, с Грузией и Азербайджаном. Причем, сотрудничество должно было проводиться не только в отношении богатых нефтяных источников, но и в области обороны и безопасности. И этот план был полностью одобрен грузинской стороной.

Подводя краткие итоги всему вышесказанному, можно заключить, что, отстаивая свои геополитические интересы в Центральной Азии, на Кавказе, на Ближнем и Среднем Востоке, Турция одновременно служит здесь стратегической опорой своих западных союзников.

Руководство страны попыталось взять на себя роль своеобразного моста между Западом и новыми государствами Центральной Азии и Южного Кавказа, между мусульманским и христианским мирами.

Союзники Турции считают ее политику важнейшим фактором в обеспечении сотрудничества, политической и экономической стабильности в регионе.

Вместе с тем, одной из важнейших задач, стоящих перед Турцией, по мнению западных аналитиков, является противостояние возрастающему в мусульманском мире радикально-религиозному экстремизму.

Источники и литература:

1. Арбатов А. Кипр как зеркало новой европейской политики [Электронный ресурс] // Официальный сайт Российской объединенной демократической партии «Яблоко». 1998, 4 ноября. Режим доступа: <http://www.yabloko.ru/Publ/Articles/arbato-28.html>.
2. Военный энциклопедический словарь. М., 1984.
3. Европа. Журнал Европейского Союза. 2004, № 38.
4. Известия, 1999, 13 октября.
5. Корреспонденция «Анатолийского Агентства», 1996, 31 января.
6. Крахмалов С. События на Кипре // Зарубежное военное обозрение. 1974, №12.
7. Логвинов О. Военные аспекты Турецко-греческих отношений во второй половине XX столетия. Дисс... канд. ист. наук. М., 2004.
8. Логвинов О. К истории развития этноконфессионального конфликта на Кипре // Культура народов Причерноморья. Симферополь, 1999. № 10.
9. РИА "Новости", 2005, 02 ноября.
10. Турция между Европой и Азией. Итоги европеизации на исходе XX века. М., 2001.
11. Armaoğlu, Fahir. Belgelerle Türk-Amerikan Münasebetleri. – Ankara, 1991.
12. Aegean dispute [Электронный ресурс] // Энциклопедия «Википедия». Режим доступа: http://en.wikipedia.org/wiki/Aegean_dispute
13. Avrasya Dosyası. Nisan. 1994. № 6.
14. Cumhuriyet, 1996, 18 сентября.
15. Documents from the Ministries of Foreign Affairs of Greece and Turkey about the Imia Issue [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.hri.org/docs/aegean.html>;

16. Hellenic MFA: Turkish Foreign Policy and practice as evidenced by the recent Turkish claims to the Imia rocks. Athens, 1996.
17. Istanbul Ticaret, 1992, 15 мая.
18. Milliyet, 1993, 22 октября.
19. Milliyet, 1998, 09 августа.
20. Newsweek, 1995, 13 декабря.
21. Olaylarla Türk Dış Politikası. Ankara, 1982.
22. Turk Dış Politikası. Ankara, 1995.
23. Turkish Daily News. Ankara. 1990, 4-5 сентября.
24. Unlateral Turkish claims in the Aegean [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.hri.org/MFA/foreign/bilateral/aegeen.htm>.
25. Zafer, 1974, 21 июля.
26. Zafer, 1996, 8 августа.

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ УСИЛЕНИЯ РОССИЙСКОГО ВЛИЯНИЯ В ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

МАЛАФЕЕВ Л.Ф.

Таврический гуманитарно-экологический институт (г. Симферополь)

В современной литературе существует ряд понятий, связанных с принуждением Грузии к миру после вмешательства России для защиты Южной Осетии и Абхазии. Теперь уже очевидно, и это подтверждено официально международными экспертами, что именно Грузия начала военный конфликт. Существует широкая терминология определения этого конфликта и ситуации на Кавказе. «Кавказский кризис», «Кавказская война 2008 года», «военное столкновение России и Грузии» и ряд других. Если учитывать ситуацию сегодняшнего дня, когда не утихают террористические акты в Чечне, Дагестане, Ингушетии, то, наверное, мы вправе говорить о «Кавказском кризисе». Поэтому, думается, что наиболее оправданно говорить о Российско-грузинском военном конфликте 2008 года. Всем хорошо известны его результаты и значение. Спустя год после окончания конфликта, попытаемся осмыслить основные тенденции возрастающего влияния России в зоне Причерноморья. Компоненты этих тенденций многообразны и далеко не бесспорны, но они отчетливо проявляются в своей совокупности.

Первое, что совершенно очевидно, это дискредитация Грузии, как агрессора и назойливого претендента на вступление в НАТО. Одновременно с этим – закрепление России как главного игрока в «лабиринте кавказских противоречий». И как бы ни активизировался терроризм на Кавказе, авангардная роль России в регионе остается непоколебимой.

Другой фактор возрастающих тенденций усиления России в зоне Причерноморья, это ослабление геополитических позиций Украины в ее евро-атлантических притязаниях. Заинтересованность части политической элиты Украины в разжигании русофобии, вооруженной поддержке грузинской агрессии на Кавказе в итоге обернулась политическим фиаско. Бесплодными оказались попытки властей Украины воспрепятствовать возвращению Черноморского флота России в Севастополь после его присутствия у берегов Абхазии, а теперь и правовому утверждению защиты флотом морских границ этой республики. Кроме того, России удалось блокировать ряд шагов украинских властей по вступлению страны в НАТО. Не случайно официальные представители НАТО открыто заявили об отказе безоговорочно защищать территориальную целостность Украины. Примерно такой же резонанс был и со стороны Евросоюза.

Дополнением к этому послужило открытое обращение президента России Д.А. Медведева к президенту Украины В.А. Ющенко. В этом документе проведена четкая грань между отношением России к братскому украинскому народу и его правителям. Полным шоком для украинских властей стало принятие Федеральным собранием России закона о праве страны на вооруженную защиту своих соотечественников на территории другого государства. Испуг оказался настолько сильным, что В.А. Ющенко решил проинспектировать обороноспособность Украины и провести маневры в Крыму, а группа националистически настроенных представителей интеллигенции обратилась с письмом к правительствам США, Англии, Франции и Китая, призывая защитить территориальную целостность Украины от возможной агрессии.

Об усилении влияния России свидетельствует визит Патриарха Московского и Всея Руси Кирилла летом 2009 года на Украину, в том числе и в западные области, где он тоже был восторженно встречен. Его призыв к единству православия и отвержению его раскола на национальной основе был поддержан большинством населения Украины.

Еще одним свидетельством усиления влияния России в Причерноморье служит ее сближение с Турцией. Это подтвердил как визит президента Турции Абдуллы Гюля по приглашению президента Д.А. Медведева в Москву, в феврале 2009 г., так и достигнутые

договоренности о расширении сотрудничества этих двух стран. Впервые в истории российско-турецких отношений глава Турецкой Республики совершил государственный визит в Россию и посетил Татарстан как субъект Российской Федерации. Названный визит показал крепнущие отношения взаимного доброжелательства и дружбы и увенчался подписанием совместной Декларации о стратегическом партнерстве. Достигнута договоренность о совместном обеспечении безопасности Черноморского региона и Кавказа, урегулировании отношений в ближневосточном регионе, преодолении замороженных конфликтов на Кавказе, сотрудничестве военно-морских сил в Черном море. Анкара предложила создать Платформу стабильности и сотрудничества на Кавказе. Предполагается расширить торгово-экономическое и военно-техническое сотрудничество, транспортные связи. В сфере эксплуатации углеводородного сырья Россия обеспечивает 67 % потребностей Турции в газе, будет налажена совместная эксплуатация АЗС Турции российским Лукойлом и турецкими бизнесменами. Отношения двух стран в энергетической сфере вызвали раздражение в Вашингтоне, так как ослабляют позиции США в нефтегазовых регионах Ближнего и Среднего Востока. Визит турецкого президента в Татарстан открыл перспективы сотрудничества Казани и Анкары как в экономической сфере, так и в гуманитарно-религиозных отношениях в контексте роста доверия к исламу [1, с. 45-48]. Тем самым могут быть ослаблены экстремистские религиозные силы и на Кавказе. Подчеркну, что США рассчитывали сохранить Грузию как главного транспортера углеводородов с Кавказа. Таким образом, позиции России в зоне Юго-Восточного Причерноморья и Кавказа значительно окрепли.

Отметим еще один фактор укрепления России в Причерноморье. Речь идет, во-первых, о договоренности России, Абхазии и Южной Осетии по строительству военных баз России в этих регионах, введении военного контингента вместо так называемых миротворцев и, во-вторых, охране морских границ Абхазии Черноморским флотом России.

Подытоживая сказанное, можно констатировать, что спустя год после военного конфликта между Россией и Грузией, геополитические позиции России в Причерноморье заметно усилились и соответствуют общим тенденциям международного сотрудничества в обеспечении мира и безопасности народов.

Источники и литература:

1. Корицкий А. Россия и Турция: по пути к сотрудничеству и партнерству // Азия и Африка. 2009. № 4.

УКРАИНА: ПРОБЛЕМА ВЫБОРА ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ

ЮРЧЕНКО С.В.

Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского

Несколько существенных тенденций определяют измерение современной международной ситуации в аспекте выбора внешнеполитической концепции Украины.

Последние 15 лет наблюдается расширение НАТО за счет вступления в блок государств, входивших ранее в «советский блок» или бывших республиками Советского Союза. В 1990 г., в процессе объединения Германии, частью последней, а значит, и НАТО, становится ГДР. В 1999 г. в НАТО вошли Польша, Венгрия и Чехия. В апреле 2004 г. членами альянса стали Румыния, Болгария, Словения, Словакия, Литва, Латвия и Эстония. Количество государств-участников блока возросло до 26. Потенциальными кандидатами в члены НАТО являются и некоторые другие государства, в частности, Албания и Македония.

В условиях формирования новой системы международных отношений, НАТО, под американским руководством, продемонстрировала готовность и результативность использования военной силы в Югославии в 1999 г., Афганистане в 2001 г. Большинство членов альянса поддержали войну США против Ирака в 2003 г., направив в эту страну свои воинские контингенты.

Процесс расширения НАТО на Восток в целом негативно оценивается в России. *«Антироссийская направленность расширения НАТО, - отмечает, например, Л.Г.Ивашов, - прежде всего состоит в закреплении полученных в результате «победы» в «холодной войне» геополитических приобретений с тем, чтобы Россия даже после выхода из кризиса не смогла бы добиться адекватного усиления своего политического влияния в Европе. Кроме того, расширение НАТО объективно препятствует реинтеграции бывших советских республик. Прием в НАТО бывших союзников СССР по Варшавскому Договору также нанесет удар по российской экономике, так как стандартизация вооружений стран ЦВЕ в соответствии с требованиями альянса приведет к отказу от импорта военной техники из России»* [3, с. 254-255]. При этом подчеркивается расширение возможностей оказания давления на Россию с различных направлений; утрата стратегического предполя; императив изменения подхода к обороне страны; угроза ликвидации историко-культурной идентичности России.

«Расширение НАТО, - подчеркивает авторитетный исследователь А.И.Уткин, - объективно изолирует Россию от западной системы, и вся последующая логика ее действий... будет отныне направлена на то, чтобы создать противовес» [5, с. 415]. В одной из работ он еще более категоричен: *«Расширять НАТО можно только вооружившись идеей, что Россия никогда не поднимется. Но это может оказаться не так. И следует думать о порядке и о соотношении сил на крупнейшем мировом континенте»* [6, с. 346-347].

Украина занимает важное геополитическое положение в Восточной Европе. Исторически, Украина сформировалась как расколота страна с двумя различными культурами. Эти различия имеют многочисленные проявления, выделяя два региона: Восточную и Западную Украину. Региональные отличия четко проявляют себя на политическом уровне во время выборов.

После отказа от ядерного оружия возможности Украины в формировании результативной политики безопасности на внеблоковой основе представляются ограниченными. Кроме этого, Украина де-факто оказалась втянутой в конфликт между частью арабского мира и США, направив свой воинский контингент в Ирак.

Указанные обстоятельства ставят перед Украиной вопрос выбора внешнеполитической ориентации на конкретную военно-политическую силу. Эта проблема приобретает и серьезное внутривнутриполитическое значение, поскольку затрагивает проблему самоидентификации страны, исторические традиции населения, цивилизационную принадлежность.

В этих условиях власть последовательно декларирует приверженность Украины «европейскому выбору», стремление вступить в Европейский Союз и НАТО. В то же время, существующий политический режим служит интересам привилегированного слоя бюрократии и кланово-олигархических группировок. Проявляется диспаритет между развитием общественных процессов и сформированными моделями государственного управления. Необходимость трансформации «демократии для избранных», разделения государственной власти и финансово-экономического влияния становится все более очевидной.

В условиях исчерпания ресурса «либерализма сверху» на постсоветском пространстве наблюдается кризис идейно-политического развития правых политических сил.

В 1999 г. принимается новая стратегическая концепция НАТО, ориентированная на превращение альянса в средство поддержания мира и безопасности в Европе, форум обсуждения проблем континентальной безопасности, орудие защиты от любой угрозы государствам-членам блока. При этом подразумевались возможность расширения НАТО на Восток, расширение географической зоны действия альянса, изменение соотношения системы ответственности между НАТО и ООН в пользу блока.

Собственно, в Европе все отчетливее проявляются инициативы по достижению самостоятельности в области внешней политики и обороны, стремление Франции и Германии акцентировать отличие своих позиций от подхода США к ряду международных проблем. При учете многих факторов, связывающих два центра западной цивилизации и обеспечивающих их единение в обозримом будущем, есть основания говорить о том, что вектор исторического развития североатлантической зоны начал смещаться с центростремительного на центробежное направление.

В мировом соотношении сил все большую роль играют укрепляющие свои позиции Китай, Индия и другие государства.

Учет этих тенденций является важным для решения проблемы выбора вектора внешнеполитического развития Украины.

В результате дезинтеграции Советского Союза, стремления отделить себя от советского прошлого, приобщиться к ценностям передовых государств западной цивилизации, в 1990-е годы в политике Украины активизировался «западный вектор», что проявилось в формировании системы отношений с НАТО.

Первоначально в Декларации о государственном суверенитете Украины от 16 июля 1990 г. говорилось, в частности, о том, что страна *«торжественно провозглашает о своем намерении стать в будущем постоянно нейтральным государством, которое не участвует в военных блоках»*.

Первые контакты между Украиной и НАТО были установлены осенью 1991 г., и уже в марте 1992 г. Украина присоединилась к Совету Северо-Атлантического сотрудничества – организации, созданной в декабре предыдущего года на Римской встрече глав государств и правительств стран-членов НАТО.

В июле 1993 г. в «Основных направлениях внешней политики Украины», утвержденных Верховной Радой, говорилось о том, что *«провозглашенное... в свое время намерение стать в будущем нейтральным и внеблоковым государством должно быть адаптировано к новым условиям и не может считаться препятствием её полномасштабного участия в общеевропейской структуре безопасности»*.

В октябре 1993 г. Верховная Рада утвердила Военную доктрину Украины, в которой была использована формула «придерживаясь внеблокового статуса».

На встрече в верхах в Брюсселе в январе 1994 г. НАТО предложила реализацию Программы «Партнерство во имя мира», участие в которой приняла и Украина. Эта программа не гарантировала присоединения к альянсу в будущем, но предусматривала более тесное сотрудничество в сравнении с деятельностью в рамках ССАС.

С марта 1994 г. были начаты консультации Украины с НАТО в формате «16+1». Украина выступала за установление отношений «особого партнерства» с НАТО, рассчитывая избежать тем самым негативных последствий возможного расширения НАТО на Восток и превращения территории страны в «буферную зону». Начался процесс формализации этих отношений.

В январе 1997 г. Верховная Рада утвердила Концепцию (основы государственной политики) национальной безопасности Украины, в которой говорилось о «вхождении в существующие и создаваемые системы универсальной и региональной безопасности».

В мае 1997 г. в португальском городе Синтра прошло последнее заседание ССАС и первое заседание нового института – Совета Евроатлантического партнерства, который фактически объединил структуры ССАС и «Партнерства во имя мира», с целью улучшения координации сотрудничества стран-партнеров и государств-членов НАТО.

В июле 1997 г. во время проведения Мадридского саммита НАТО состоялось подписание Хартии об особом партнерстве между Украиной и НАТО. Документ зафиксировал политические обязательства сторон и регламентировал содержание «особого партнерства». Согласно документу, в числе других механизмов сотрудничества, была создана Комиссия Украина-НАТО. Реализация положений этого документа стала движущей силой в процессе европейской интеграции Украины.

В ноябре 1998 г. Указом Президента Украины была утверждена Государственная программа сотрудничества Украины с НАТО на период до 2001 г., ставшая основой для выработки ежегодных Рабочих планов и Индивидуальных программ партнерства.

В январе 2001 г. Указом Президента Украины была утверждена Государственная программа сотрудничества Украина-НАТО на 2001-2004 гг. В документе были усилены акценты на таких направлениях сотрудничества, как военная реформа в Украине и невоенные аспекты взаимодействия.

23 мая 2002 г. СНБО принял решение о подготовке новой стратегии отношений Украина-НАТО, конечной целью которой должно стать вступление страны в альянс. 8 июля 2002 г. Президент своим указом ввел это решение в действие.

Результатом работы Комиссии Украина-НАТО в ноябре 2002 г. стало принятие соответствующего Плана действий, который, в частности, предусматривает проведение политических, экономических, а также реформ в военной сфере и безопасности.

Верховная Рада 19 июля 2003 г. приняла Закон «Об основах национальной безопасности Украины», закрепивший, в частности, положение об *«обеспечении полноправного участия Украины в общеевропейской и региональной системах коллективной безопасности, достижении членства в Европейском Союзе и организации Североатлантического договора...»*.

15 июня 2004 г. Президент Украины утвердил новую военную доктрину Украины. В ней Украина официально заявила: она видит главным условием своей безопасности вступление в НАТО.

Впрочем, перспективы вступления Украины в НАТО оцениваются во временном отношении по-разному. З.Бжезинский, например, в «Великой шахматной доске» отмечал: *«Где-то между 2005 и 2010 годами Украина, особенно тогда, когда она добьется значительного прогресса в проведении реформ внутри страны и тем самым более четко определится как страна Центральной Европы, должна быть готова к серьезным переговорам как с Европейским Союзом, так и с НАТО»* [1, с. 105-106].

Но подобные планы входят в противоречие с реальностями выполнения соглашений между Украиной и НАТО. Анализ результатов имплементации в 1999 г. положений Государственной программы сотрудничества Украины с НАТО на период до 2001 г., подготовленный Министерством иностранных дел Украины свидетельствовал о крайне низком уровне её выполнения, который характеризовался такими показателями:

- п.3. Сотрудничество в сфере гражданско-военных отношений – 100% невыполнения;
- п.4.1. Военно-политическое сотрудничество Украины с НАТО: научные исследования в военно-политической сфере – 60% невыполнения;
- п.4.2. Военное сотрудничество Украины с НАТО: военное сотрудничество и взаимосовместимость – 50% невыполнения, подготовка военных кадров для сотрудничества с НАТО – 40% невыполнения, информационная поддержка сотрудничества в военной сфере – 80% невыполнения;

- п.5. Сотрудничество в области вооружений: стандартизация и совместимость систем вооружений – 60% невыполнения, сотрудничество в сфере военных технологий – 50% невыполнения, научные исследования и разработки в области вооружений – 100% невыполнения, другие направления сотрудничества – 100% невыполнения;

- п.6. Сотрудничество в области военной экономики – 80% невыполнения;

- п.9. Сотрудничество в области науки и технологий – 80% невыполнения;

- п.10. Сотрудничество в области охраны окружающей среды – 90% невыполнения;

- п.11. Сотрудничество в сфере телекоммуникационных и информационных систем – 100% невыполнения;

- п.14. Сотрудничество в космической области – 100% невыполнения;

- п.15. Информационное обеспечение сотрудничества Украины с НАТО – 70% невыполнения [2, с. 154-155].

Таким образом, эти результаты говорят о наличии серьезных проблем в процессе реализации программ.

Неоднозначным является также отношение политических элит и населения к проблеме вступления Украины в НАТО.

Сторонниками курса на интеграцию с Западом и вступления в НАТО выступали правые в Верховной Раде, лидеры финансово-банковского бизнеса, центристы в ВР, бизнесмены среднего уровня и верхушка Министерства обороны.

В то же время, сторонниками интеграции с Россией проявляли себя левые депутаты Верховной Рады, промышленники из украино-российских промышленно-финансовых групп, руководители предприятий ВПК, ориентированные на кооперативные связи с Россией и региональные лидеры Востока и Юга Украины.

На уровне политических партий Украины также наблюдается неоднозначное отношение к проблеме. КПУ однозначно выступает против правительственного курса в отношении Североатлантического альянса, критикуя власти за то, что они *«по-холоуйски отдают армию под НАТОвский контроль»*, и ратует за *«добровольное объединение братских народов России, Украины и Беларуси при сохранении суверенитета наших государств»*. При этом коммунисты обещают *«укрепить обороноспособность страны и внеблоковый статус Украины»*, как это отмечалось, например, в *«Воззвании VI (XXXIV) внеочередного съезда Компартии Украины к народу Украины»* накануне выборов 2002 г.

Коммунистов поддерживают социалисты. На парламентских выборах в пользу восточного вектора внешней политики Украины и с антизападных позиций выступала Прогрессивная социалистическая партия, не прошедшая в Верховную Раду на выборах 2006 и 2007 гг.

Партии, претендующие на центристские позиции, заявляли и о «европейском выборе», и об укреплении отношений с Россией, не акцентируя свое отношение к НАТО. Примером такой политики может служить ориентация также потерпевшей поражение на выборах 2006 г. СДПУ(о). *«Программные приоритеты и задачи деятельности СДПУ(о)»* во внешнеполитической сфере были определены как *«вхождение Украины в мировые и европейские международные организации. Развитие связей с Россией на условиях партнерства, равноправия и взаимовыгоды; создание системы общеевропейской коллективной безопасности при участии стран Западной, Центральной, Восточной Европы и России»*.

Правые партии в ВР последовательно поддерживали ориентацию на укрепление отношений с Североатлантическим альянсом.

При этом во время выборных кампаний политические партии, кроме левых, не стремятся акцентировать сюжеты, связанные с отношениями между Украиной и НАТО, поскольку фиксация своей позиции в любом случае будет вести к сокращению электоральной поддержки, что проявилось и в практике Партии регионов.

Отношение населения Украины к проблемам взаимоотношения страны с НАТО, вплоть до вступления страны в Североатлантический альянс, характеризуется влиянием целого ряда факторов. Их воздействие определяет негативный и позитивный подходы к этим вопросам.

К факторам формирования негативного отношения к НАТО относятся:

- непонимание стремления альянса к расширению на Восток в условиях, когда с этого направления отсутствует какая-либо угроза;
- опасения по поводу того, что Украина может стать «буфером» между расширившейся НАТО и Россией;
- наращивание военной силы у границ страны, в то время как Украина реформирует свои вооруженные силы;
- примеры нелегитимного, с точки зрения международного права, использования военной силы в политике НАТО, например, в Югославии;
- усиление экологической опасности в связи с расширением блока;
- расширение угрозы террористической деятельности на территории Украины в связи с возможным вступлением в НАТО и расширением географии действий альянса;
- значительные расходы, связанные со вступлением в НАТО;
- историческая инерция, связанная с сорокалетним противостоянием с Североатлантическим альянсом;
- незнание целей и основных направлений деятельности НАТО.

Факторами, определяющими позитивное отношение населения Украины к НАТО, являются:

- осознание того, что полномасштабное участие в системе глобальной и региональной структур безопасности является базовым компонентом национальной безопасности;
- Конституция Украины не содержит положения о нейтралитете и внеблоковости страны;
- существует опыт соседних государств, «две волны» расширения НАТО, которые рассматриваются как выбор народов и правительств в пользу демократии, стабильности и прогресса;
- НАТО имеет возможности стабилизировать вечно беспокойный центрально-европейский регион;
- возникли и обрели четкие очертания новые угрозы безопасности и миру, а Североатлантический альянс продемонстрировал возможности урегулирования конфликтов;
- на Вашингтонском саммите НАТО в апреле 1999 г. была принята новая стратегия реагирования на вызовы XXI века, провозглашающая приверженность альянса демократическим ценностям, правам человека, поддержанию мира и стабильности в Евро-атлантическом регионе на основе комплексного подхода, не ограничивающегося только военной сферой;
- между НАТО и Россией нет противостояния, а спорные вопросы решаются на основе открытого диалога, особенно после терактов 2001 г.;
- через первоначальную интеграцию в систему евро-атлантической безопасности Украина станет членом ЕС, что улучшит социально-экономическое положение страны.

Воздействие этих факторов определяет результаты опросов общественного мнения, последовательно демонстрирующих противоречивое и, в целом, негативное отношение населения Украины к вступлению в НАТО и расширению блока на Восток. При этом внешнеполитические приоритеты населения имеют четкую региональную привязанность. В Центре, на Востоке и Юге Украины большинство опрошиваемых видят в НАТО «агрессивный военный блок», а на Западе страны большинство жителей оценивают НАТО как «оборонный союз» [4, с.47]. Отмечается различие и в отношении к Североатлантическому альянсу со стороны разных возрастных групп.

Таким образом, опросы показывают, что проблемы отношений Украины с НАТО относятся к тем, которые «разделяют страну» и вряд ли являются перспективными для ак-

центрирования в случае проведения курса, направленного на укрепление объединения «двух берегов Днепра».

В то же время, отмечается усиление активности и организационное оформление действий сторонников различных подходов. Например, 20 октября 2003 г. официально образовалась Лига «Украина – НАТО», в которую вошли более 40 украинских общественных организаций, поддерживающих евроатлантическую интеграцию Украины и ориентирующихся на усиление информированности общественности. А события, связанные с массовыми протестами против проведения в Крыму совместных украино-американских учений в 2006 г. продемонстрировали решимость на другом полюсе общественных настроений.

В своем отношении к внешнеполитическим проблемам украинское общество раздвоено. Поэтому сложно говорить о четкой внешнеполитической перспективе страны. Какой бы вектор ни был избран, одна часть населения будет его поддерживать, а другая критиковать. В этом отношении внешнеполитические проблемы, в особенности, отношения с НАТО, будут выступать в качестве разделяющих факторов.

В Украине, несомненно, существует противоречие между политической элитой и обществом в выборе внешнеполитического вектора. Внешнеполитический вектор большей части элиты устремлен на Запад, включая достижение вступления в НАТО. В то же время, большая часть общества ориентируется на Восток, укрепление отношений с Россией и интеграцию постсоветского пространства.

Проблема вступления Украины в НАТО, по демократическим стандартам, должна рассматриваться в качестве такого вопроса, который нуждается в широкой общественной дискуссии и, в конечном счете, выносится на референдум согласно Разделу III Конституции государства.

Политическая ситуация в Украине не способствуют актуализации вопроса о вступлении Украины в НАТО.

Объективно Украина стремится сохранить баланс отношений между Россией и НАТО, хотя и ощущает периодическое усиление воздействия то с одной, то с другой стороны. Такое положение вещей не может быть стабильным длительное время. В конечном счете, Украина окажется перед окончательным выбором, однако, время для этого выбора еще не пришло.

Оценивая готовность НАТО к принятию Украины в члены альянса, не следует упрощать ситуацию. Сейчас перед НАТО стоит проблема встраивания в систему отношений блока новых членов, а это требует времени и средств. Западу придется принять во внимание реакцию России, которая вызовет неоднозначное отношение в самих государствах западной цивилизации.

Украина может быть быстро включена в систему безопасности Запада только в случае резкого ухудшения ситуации в России: ослабления центральной власти, усиления регионов, распада государства и возникновения конфликтов. Однако подобный сценарий в настоящих условиях является маловероятным.

Источники и литература:

1. Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М., 2003.
2. Біла К.О. Особливе партнерство Україна-НАТО як проблема національної та європейської безпеки: Дис... канд. політ. наук: 23.00.04. К, 2002.
3. Ивашов Л.Г. Россия или Московия? Геополитическое измерение национальной безопасности России. М., 2002.
4. Пашков М., Чалий В. Українське-російське співробітництво в оцінках населення України // Національна безпека і оборона. 2003. №1.
5. Уткин А.И. Вызов Запада и ответ России. М., 2003.
6. Уткин А.И. Мировой порядок XXI века. М., 2002.

II

МЕЖДУНАРОДНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ВСТРЕЧИ В ЛИВАДИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО СЕКТОРА В КРЫМУ

Плужник П.Б.

Крымское республиканское учреждение «Ливадийский дворец-музей»

Ливадия, обязанная своей широкой известностью, прежде всего, историческим встречам ведущих политиков XX века, состоявшимся здесь в середине прошлого столетия, с 1998 года вновь начинает играть заметную роль в международной жизни, символически объединяя прошлое с современностью. За короткий период времени здесь было проведено множество мероприятий разного уровня, посвященных рассмотрению широкого круга вопросов и решению актуальных проблем по различным направлениям международной деятельности. Редкая из проведенных здесь встреч не касалась экономической сферы. Традиционным для ливадийских встреч стало обсуждение проектов в области энергетики. Начало рассмотрению этих вопросов было положено уже в сентябре 1999 года на саммите глав государств-участников Балто-Черноморского экономического сотрудничества, собравшем руководителей 22 стран региона и представителей 7 международных организаций. На этой международной конференции серьезное внимание было уделено реализации общих проектов в области экологии, транспорта, связи и энергетики, включая создание новых транспортных коридоров, способных соединить Скандинавию с югом Европы через территорию Украины - восстановление торгового пути «из варяг в греки», а также Среднюю Азию и Закавказье с Европой. В дальнейшем энергетическая тематика прошла красной нитью через большинство ливадийских встреч различной политической направленности и формата. Наиболее заметные из них — заседание Совета глав правительств СНГ 1999 года (проект программы «Высоконадежный трубопроводный транспорт»), саммиты ГУУАМ 2001-2003 годов (проект транспортного коридора «TRASECA: Европа-Кавказ-Азия», проект евро-атлантического нефтетранспортного коридора транспортировки каспийских энергоресурсов), III-й Трансатлантический форум парламентариев Европы, США и Канады 2004 года по углублению международного сотрудничества.

Неизменный интерес всех участников международных встреч в Ливадии, включая принимающую сторону, к вопросам энергетики объясняется стремлением каждого из них добиться устойчивости своей национальной экономики и, прежде всего, за счет диверсификации поставщиков, потребителей и маршрутов транспортировки углеводородов. Поиск альтернативы сложившемуся на этом рынке шаткому равновесию спроса и предложения – естественный процесс и непременное условие функционирования свободного рынка, основанного на конкуренции, определяющей культуру потребления, оптимальную стоимость и высокое качество товара. Напротив, характерная для централизованного, социалистического хозяйства монополия, оказавшись в условиях либеральной экономики, превращается в инородное тело, серьезно деформирующее рынок и угрожающее обществу возможностью достижения известных экономических и политических целей, в обход общепризнанных норм.

Мировой энергетический рынок, как составная часть общего рынка, также пребывает в состоянии постоянного поиска устойчивого баланса между спросом и предложением, находить который в последнее время становится все сложнее. Причина тому хорошо известна. Современная цивилизация вплотную подошла к той черте, за которой возможность наращивать объемы добычи нефти и газа привычным интенсивным способом, в глобальном масштабе, практически исчерпана. Наступает время, когда растущий спрос на традиционные виды энергоносителей, возможно, будет удовлетворять только за счет совершенствования технологии добычи, переработки и потребления нефти и газа. Растущий дефицит энергоносителей заставляет мировую экономику обратиться к запасам, прежде всего, на шельфе морей, разработка которых еще вчера считалась дорогостоящей и нерен-

табельной. Эта, уже достаточно отчетливо проявившаяся тенденция, дает Крыму шанс обрести свою новую, современную миссию, не ограниченную лишь функциями транзитной территории.

На уровне общественного мнения укоренилось убеждение в том, что Восточная Европа не располагает достаточным количеством пригодных для промышленной эксплуатации месторождений нефти и газа, но это не так. Еще в 1949-1951 годах СЭВ был подготовлен первый энергетический баланс этого региона, согласно которому Албания, Болгария, Венгрия, Польша, Румыния и Чехословакия могли в течение, минимум, 20 лет обеспечивать свою потребность в энергоносителях за счет собственной добычи и взаимных поставок. Однако, в 1960-х годах, по экономическим и политическим соображениям, было принято решение осуществлять поставки энергоресурсов в этот регион из сибирских месторождений СССР. Национальные запасы стран Восточной Европы были законсервированы и даже засекречены. Настало время вспомнить о них. В полной мере это касается и Украины.

Точных сведений о запасах углеводородов в Украине нет. Широкомасштабная разведка здесь почти не ведется с середины 80-х годов, а значительная часть материалов геологических исследований советского периода, оказавшись в Москве, сейчас недоступна. По осторожным оценкам геологов, украинские запасы нефти не уступают румынским. В настоящее время, вкладывая достаточно скромные средства в развитие собственной добычи углеводородов, Украина, тем не менее, ежегодно получает около 20% от потребляемого объема нефти (4 млн. тонн) и около 30% от потребляемого объема газа (19 млрд. м³). Весьма привлекательны прогнозные запасы углеводородов на шельфе Азовского и Черного морей. В национальной двухсотмильной экономической зоне совокупные начальные извлекаемые ресурсы углеводородов оцениваются в 1.53 трлн. тонн условного топлива (около 30% всех ресурсов углеводородов Украины), что в переводе с осторожного бюрократического языка означает — сколько углеводородов находится на шельфе пока неизвестно, но они есть, и их запасы могут быть очень велики. Велика вероятность того, что значительные запасы нефти и газа имеются на больших глубинах, свыше 5 тыс. метров. Сверхглубокие скважины перестают быть экзотикой. Необходимость глубокого бурения становится мировой тенденцией и не относится только к Украине, пока остающейся, на фоне глубокой зависимости от импорта энергоносителей, в стороне от этой тенденции.

Для мировой экономики в целом осталось два резервных источника наращивания объемов добычи нефти и газа — освоение труднодоступных месторождений и разработка шельфа. Мировая нефтедобыча все активнее переходит на морской и океанический шельф. Успешные примеры его разработки показывают Великобритания, Норвегия, США, Азербайджан, Казахстан и другие страны. К 2010 году ожидается, что доля энергоресурсов, добытых на шельфе, превысит 50% от общего количества, и дальше эта цифра будет расти. В ближайшие десятилетия шельфу предстоит стать главной ареной борьбы за ископаемые углеводороды. Нефтегазовые гиганты и независимые компании уже сейчас любым путем пытаются внедриться в перспективные проекты оффшорной нефтегазодобычи. Растет интерес к добыче на шельфе и на постсоветском пространстве. Сегодня сотрудничество в разработке черноморского шельфа Украине предлагают ведущие мировые нефтегазовые компании Канады, Великобритании, США, Турции и России. Формально, при наличии политической воли и грамотных экономических решений, Украина способна за счет собственных ресурсов обеспечить свою энергетическую безопасность.

Минерально-сырьевой комплекс всегда играл важную роль в экономике Крыма. Особое место в этом комплексе занимают углеводороды - природный газ, нефть и конденсат, разработка которых ведется здесь давно, но в небольших объемах. При том, что топливно-энергетический потенциал Крыма специалистами признан наиболее перспективным направлением развития хозяйственной и социальной сфер республики, черноморский шельф освоен всего на 4-5%. Залежи на глубокой воде - свыше 200 метров, пока изучены мало, при том, что самые перспективные нефтегазовые структуры Черного моря находятся на глубине 4-5 тыс. метров. Уже сегодня стремительно растущие цены и спрос делают добычу с больших глубин достаточно перспективным занятием, а выгодное рас-

положение черноморского региона относительно маршрутов экспорта энергоносителей может в значительной степени компенсировать сложные геологические и природные условия добычи. А пока единственная национальная компания, которая занимается морской добычей углеводородов - ГАО «Черноморнефтегаз», ведет разработку месторождений лишь на доступной для нее глубине, не превышающей 50-70 метров. Являясь государственной, компания не имеет возможности привлекать и тратить необходимые ей средства на точную разведку и закупку оборудования. Добытый газ реализуется только населению полуострова (около 0,6 млрд. кубометров в год), что едва покрывает расходы на его добычу и транспортировку. Запрет на реализацию газа промышленным предприятиям (потребность около 1,4 млрд. кубометров в год) лишает компанию значительной части дохода. В результате чего нынешние возможности ГАО «Черноморнефтегаз» не перекрывают даже потребности Крыма, составляющие около 2,0 млрд. кубометров газа в год.

Необходимость диверсификации поставок энергоносителей заставляет государство формулировать свои стратегические приоритеты и бизнес-подходы по разработке черноморского шельфа, которому отводится значительная роль в вопросах обеспечения энергетической безопасности. Разработка энергетической стратегии заметно оживила соответствующие процессы вокруг шельфа, однако, в случае самостоятельного развития добывающей промышленности, получить отдачу с наиболее перспективных и богатых глубоководных месторождений можно лишь через 20-25 лет. Единственно разумным решением в этих условиях является приглашение, на приемлемых условиях, иностранных компаний и создание с помощью их передовых технологий современной материально-технической базы по добыче и переработке нефти и газа, отвечающей всем существующим экологическим требованиям.

Полномасштабная разработка черноморского шельфа со временем потребует создания на полуострове мощного, многопрофильного центра, способного координировать, организовывать и обеспечивать функционирование этого уникального направления нефтегазовой отрасли. В этом вопросе альтернативы Севастополю нет, учитывая его уникальное географическое положение, хорошо защищенный крупный незамерзающий морской порт с сетью глубоководных бухт, благоприятные судоходные фарватеры и транспортные подходы, а также промышленный, научно-технический и культурно-исторический потенциал. Начиная с 1992 года руководители, политики, бизнес и общественность пытаются определиться с новой, современной концепцией развития Севастополя. Оригинальные идеи есть, но цельных оригинальных проектов, способных обеспечить «прорыв» в будущее, открывающих новую страницу истории и указывающих надежные ориентиры для устойчивого, динамичного и эффективного развития региона, пока предложено не было. Сейчас судьбу города определяет воля случая. Нет сомнения, жизнь сама решит эту проблему, только не следует обнадеживать себя в этом случае предсказуемым и благоприятным результатом. Для успешного развития Севастополю нужен не надуманный прожект, а жизнеспособный, перспективный и значимый в общегосударственном масштабе проект, предлагающий реальный продукт, который будет иметь устойчивый спрос в обозримом будущем.

Распад СССР обрушил градообразующую роль советской военно-морской базы и лишил Севастополь его главного, традиционного значения — военно-политического. Сегодня сходит на нет и боевой потенциал. Это объективная реальность, о прошлом можно сожалеть, но вернуться в него не представляется возможным, жить придется настоящим, строя будущее, нравится это кому-то или нет. Военно-морская база, удерживающая экономику города, приходит в ветхость. Старую конструкцию необходимо срочно заменять новой. Представляется, что с учетом исторических традиций и менталитета населения, с миссией, близкой по значимости прежней, сегодня может выступать только один проект, сохраняющий привычный, вселяющий горожанам гордость «особый», государственный статус и обеспечивающий высокий уровень жизни — это организация полномасштабной разработки черноморского нефтегазового шельфа с центром в Севастополе и развитие на прилегающей территории разнообразных смежных отраслей, способных производить конкурентоспособную продукцию и услуги.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВЕРТЫВАНИЯ ВОЕННЫХ БАЗ США, НАТО И ЕС В ЧЕРНОМОРСКОМ РЕГИОНЕ

ТИМОНЕНКОВ Р.П.

Черноморский флот Российской Федерации

Известно, что использование вооруженных сил (ВС) для достижения политических целей – явление историческое. Во все времена это было связано с военными конфликтами и их специфическим содержанием – вооруженной борьбой. С середины прошлого века в западных СМИ регулярно появлялись сообщения, объединенные одним рефреном – «русские идут!». Окончание «холодной войны», распад Организации Варшавского договора и дезинтеграция СССР, создали для военных и политиков Запада непростую ситуацию отсутствия реального противника, существование которого оправдывало наличие гигантских военных расходов и многочисленных вооруженных сил. Новый век начался с крупных изменений в мире, но, как показывает новейшая история, к сожалению, эти изменения влекут за собой новые войны и военные конфликты.

В современных условиях приходится считаться с тем, что не только не исчезли полностью прежние источники и причины войн, но появляется немало новых довольно острых социально-политических, экономических, территориальных и межнациональных противоречий между государствами и целыми мировыми регионами. Помимо этого возникают острые классовые и этнические противоречия внутри государств, порождающие гражданские войны и конфликты, представляющие опасность и для окружающих их стран. Учитывая реалии нового времени, многие авторитетные эксперты в военной области считают, что эволюция военного искусства и военных доктрин ведущих государств мира в ближайшей перспективе могут идти по следующим главным направлениям:

1. Отказ от ядерного оружия как главного средства ведения войны, использование его только как средства сдерживания. Прекращение глобальной военной конфронтации между двумя коалициями государств, переход к партнерству и сотрудничеству.

2. Подготовка своих стран и вооруженных сил к обеспечению безопасности и решению военных задач в одной или нескольких локальных войнах и военных конфликтах, выступая по возможности объединенными коалиционными группировками войск. Вместе с тем - подготовка к отражению агрессии и участию в крупномасштабной войне, если она по тем или иным причинам разразится.

3. Военное строительство сосредоточится на качественном совершенствовании обычных вооружений, повышении боевой мощи, мобильности войск и подготовке вооруженных сил к ведению военных действий с применением обычных средств, но с постоянным учетом угрозы применения ядерного оружия [1, с. 94-95]. На основе прогноза стратегических условий до 2020 года американские эксперты выявили и зафиксировали в официальных документах ряд основных тенденций мирового развития, выдвигающих перед США потенциальные проблемы в обеспечении национальной безопасности и реализации своих глобальных интересов. Одним из существенных по влиянию на перспективное военное планирование США и подходы к решению силовых задач представляется фактор присутствия за рубежом, что считается критическим средством для защиты интересов США и формирования нужной стратегической среды в мирное время.

Фактически речь идет о создании целой сети новых американских военных баз по всему миру. Так, в апреле 2006 года турецкая газета "Джумхуриет" сообщила, что США прорабатывают вопрос создания на территории Турции трех военно-морских баз. Они будут обладать таким же правовым статусом, как американо-турецкая база ВВС Инджирлик, которая расположена в Турции со времен "холодной войны". По публикуемым данным, уже выбрано два места для американских баз: порты Искендерун на побережье Средиземного моря и Урла - в Эгейском море. Третья база может быть создана в порту Мордоган близ города Измир на побережье Эгейского моря. При выборе мест для баз американцы

исходят из возможности использования ныне действующих турецких портов и создания на их основе новых, так как там планируется базирование крупнотоннажных судов, больших военных кораблей, в том числе авианосцев. При этом изначально Вашингтон добивался размещения одной из баз на черноморском побережье Турции, однако получил отказ в связи с тем, что Анкара выступает против нарушения Конвенции Монтрё, регламентирующей правила судоходства в зоне черноморских проливов. Этот документ, подписанный 70 лет назад, запрещает постоянное нахождение в Черном море военных флотов не прибрежных государств [3].

Однако в регионе Черного моря, помимо Турции, странами, размещающими базы США, хоть и не военно-морские, уже стали Болгария и Румыния. Создавая такие базы, Соединенные Штаты решают сразу несколько задач. В частности, придвигают их ближе к кризисным районам, которыми, с точки зрения американских интересов, являются, в том числе Балканы, Закавказье и, естественно, Ближний Восток. Одновременно американцы видят прекрасную возможность сэкономить на содержании баз, что вряд ли можно сделать в Западной Европе. Далее, основой для размещения баз может стать готовая военная инфраструктура - аэродромы, склады, жилищный фонд и т.д. Наконец, Вашингтон закрепляет свои позиции в странах, которые рассчитывает использовать в случае разногласий по каким-либо вопросам со «старой Европой», а в Черноморском регионе и с Турцией с учетом возникновения таких проблем. А такие проблемы возникали, и не единожды - например, в 1973 году Германия, Испания, Греция и Турция отказали США в использовании своего воздушного пространства, что существенно осложнило проведение воздушно-транспортных перебросок под условным наименованием «Nickel Grass» в Израиль в ходе арабо-израильской (Октябрьской) войны. Через 30 лет, в 2003 году воздушные и морские переброски американских ВС для подготовки второй войны в Ираке (операция «Iraqi Freedom») также проводились в условиях политических разногласий внутри блока НАТО. Во-первых, разногласия, вызванные необходимостью соблюдения государствами альянса собственных интересов в сфере приобретения и управления потоками нефтересурсов в Ближневосточном регионе возникли между США, Германией и Францией. Во-вторых, Пентагон рассчитывал, что основным плацдармом для проведения военной операции в Ираке станет Турция, где разместится около 62 тысяч солдат и более 250 самолетов. Тем не менее, парламент Турции запретил не только размещение американских войск на территории Республики, но и направление своего воинского контингента в Северный Ирак. Поэтому в настоящее время США самостоятельно и в целом НАТО стремятся играть все более активную роль в Черноморском регионе. Например, оказывать влияние на выбор маршрутов транзита энергоносителей, как это было в случае с проектом нефтепровода через турецкий порт Джейхан, наращивать взаимодействие с Причерноморскими государствами по программе «Партнерство ради мира» (ПРМ). При этом эффективность такой дипломатии западные специалисты рассматривают с точки зрения реализации четырех ее основных составляющих:

- осуществление прямых контактов между военными разных стран (в целях установления взаимопонимания и доверия на общечеловеческом уровне);
- продвижение демократических преобразований (отношения между гражданским и военным секторами общества, гражданский контроль над вооруженными силами);
- повышение оперативной совместимости (доктрин, вооружения и военной техники, взглядов на применение ВС);
- достижение целей реальной безопасности (нераспространение ОМП и контроль над вооружениями) [5].

Повышение оперативной совместимости между объединенными вооруженными силами (ОВС) НАТО и вооруженными силами стран-партнеров является, по оценкам западных специалистов, стратегически важной, четко сформулированной и результативной задачей. Основной упор в этой области делается на совместные учения, создание многонациональных воинских формирований различного уровня и оказание содействия в модернизации вооружений и военной техники, что, по существу, означает перевод на стандарты НАТО всех государств, ориентируемых на возможное вступление в альянс. При этом

главной целью такой деятельности официально провозглашается укрепление взаимопонимания и доверия между бывшими противниками – своего рода «взаимовлияние умов», что, по мнению тех же англичан, является ни чем иным, как «разоружением сознания». Рассматривая перспективы расширения альянса, не следует забывать и о том, что политика «открытых дверей» служит средством постоянного давления на Россию, хотя одновременно при этом декларируется стремление к развитию полномасштабных связей между ней и НАТО.

Однако существует мнение, что вопрос о приеме новых членов в НАТО может быть официально снят с повестки дня по мере укрепления позиций Североатлантического союза в странах Центральной и Восточной Европы и с учетом произведенных в них преобразований, тем более что подавляющее большинство стран Европы со временем вступят в Европейский союз (ЕС). С учетом российской жесткой позиции по данной проблеме это решение со стороны НАТО может быть представлено как шаг навстречу озабоченности России и даже в обмен на какие-либо уступки с ее стороны. Хотя, по мнению автора, вопрос о приеме новых членов в НАТО еще долго останется одним из рычагов давления на Россию. Подкрепляют это мнение, например, недавние политические шаги по отношению к российским миротворцам со стороны Грузии,¹ которая является страной-кандидатом на вступление в альянс. Показательна по данному вопросу и первоначальная позиция США в Совете Безопасности ООН. Несомненно, тема расширения НАТО требует отдельного и более глубокого рассмотрения, но уже сейчас со всей определенностью можно говорить о том, что окончательное решение этого вопроса теперь зависит и от исхода борьбы за военно-политическое влияние в мире между США, стоящих во главе НАТО и Европейским Союзом, создающим свои объединенные ВС.

Особый интерес вызывает развитие отношений между НАТО и Украиной - крупнейшей страной Восточной Европы. Украина в этом году отмечает десятилетие сотрудничества с НАТО под патронажем США. Этот рубеж был ознаменован проведением на базе Севастопольского военно-морского института не особо афишируемого, но первого **стратегического** многонационального командно-штабного учения НАТО «Кооператив Мэрлин» по программе «Партнерство ради мира». Уже более 10 лет вооруженными силами НАТО идет интенсивное освоение украинской территории, особенно со стороны Черного моря. На полигонах Украины на регулярной основе проводятся военные маневры сухопутных войск, с каждым годом возрастает количество кораблей объединенных военно-морских сил НАТО, посещающих Черное море для отработки задач совместно с военно-морскими силами Украины, а со времени начала коалиционных операций в Ираке и Афганистане самолеты военно-транспортной и заправочной авиации США и Великобритании практически ежедневно используют для полетов воздушное пространство Украины над Черным морем. Эти факты показательны с точки зрения продолжения формирования благоприятных для интересов НАТО условий военно-политической обстановки в Восточной Европе путем достижения совместимости ВС США, НАТО и стран-кандидатов на очередное вступление в альянс для повышения эффективности проведения многонациональных операций в любых условиях обстановки. И снова со всей очевидностью подтверждается тот факт, что НАТО выступает весомым политическим инструментом в Причерноморье, а расширение является важнейшим элементом стратегии альянса.

В настоящее время, по заявлениям высшего политического руководства Украины, курс страны на вступление в НАТО остается неизменным, но окончательное решение будет принято только на основании результатов общенационального референдума, который будет проведен по этому вопросу. На данном этапе отношение украинского общества к вступлению в НАТО неоднозначно, особенно в южных и восточных областях страны, где особенно много противников такого шага. Напомним, что в 2006 г. премьер-министр Украины Виктор Янукович заявил в Брюсселе, что страна пока не готова выполнять план действий по вступлению в альянс, поскольку стремление вступить в НАТО не находит поддержки в украинском обществе. При этом В. Янукович отметил, что за последние два

¹ Данная статья написана в 2007 г., до начала «пятидневной» войны 2008 г. и признания Россией независимости Абхазии и Южной Осетии (прим. ред.).

года поддержка интеграции в НАТО на Украине снизилась, а в интервью ряду европейских масс-медиа он заявил, что *«низкая поддержка вступления Украины в НАТО в украинском обществе свидетельствует о том, что политика государства в этом вопросе является неудачной»* [4].

Кроме того, с практической точки зрения, не все страны, объявленные кандидатами на очередное вступление в альянс, нужны НАТО, и, прежде всего США, в качестве полноправных членов этой военно-политической организации, заявившей о своих претензиях на глобальное господство. При этом использование их ресурсов и территории в интересах альянса и его ведущих членов возможно и без официального оформления членства в Североатлантическом союзе, что показал опыт использования территории Македонии в Балканских событиях конца 90-х годов. Не следует забывать и о том, что в июне 2003 года бывший президент Украины Леонид Кучма подписал закон о ратификации Меморандума о взаимопонимании между правительством Украины и штабами главнокомандующих ОВС НАТО на Атлантике и в Европе, предоставляющий войскам альянса право быстрого доступа на территорию Украины.

Как мы уже отметили ранее, в современных условиях и в ближайшем будущем наиболее предсказуема и вероятна угроза возникновения локальных войн и конфликтов. Поэтому требуется первоочередная готовность армий и флотов к решению задач в таких войнах с использованием обычных вооружений, а в связи с этим, многократно возрастает роль мобильных сил. В этой связи и с учетом запрета постоянного нахождения в Черном море военных флотов не прибрежных государств, рассмотрим основные аспекты возможного развертывания в Причерноморском регионе, например, воздушно-транспортных баз США, НАТО или ЕС для организации перебросок войск.

Отметим, что в настоящее время глобальной системой воздушных перебросок обладают только США, но в недалеком будущем речь уже может идти и о базах системы воздушных перебросок всех ОВС НАТО, т.к. она находится в стадии активного формирования. Помимо этого не будем забывать и о том, что конечной целью создания ЕС провозглашается его преобразование в военно-политический блок как основы нового центра силы, позволяющего западноевропейским странам проводить относительно независимый от США и НАТО военно-политический курс. Для этого в ЕС уже разработана концепция безопасности, в соответствии с которой создаются силы быстрого реагирования Союза. Причем, способность многонациональных сил к оперативному взаимодействию, их готовность к переброскам в различные регионы, в том числе и за пределы Европы, способность к длительным действиям определяются как основные задачи. Таким образом, Евросоюз намерен иметь такие силы, которые будут высокомобильными и маневренными, для чего создается европейское командование глобальных воздушных перебросок.

Для США мобильность войск приобрела особую остроту в связи с ведением боевых действий в Ираке и Афганистане, возрастанием напряженности вокруг ситуации с иранскими ядерными объектами и запусками баллистических ракет Северной Кореей, опасением террористических угроз, участием в гуманитарных и миротворческих операциях. Помимо этого непрерывно идет расширение американского военного присутствия в мире после событий 11 сентября. За последние годы на Евразийском континенте были созданы и продолжают создаваться десятки новых военных объектов вооруженных сил США – от Балкан до китайской границы.

Воздушные переброски, как важнейший элемент системы стратегических перебросок, являются, по мнению руководства США, жизненно важным и сильным инструментом проявления воли и решительности нации. Они вызывают к жизни такие реалии, как всеобъемлющее присутствие и мощь государства, которые, в свою очередь, на сегодняшний день лежат в основе стратегии национальной безопасности Америки. Эта стратегия устанавливает «безусловность боевого превосходства», необходимого при формировании благоприятного международного окружения для разрешения в свою пользу кризиса любой напряженности и готовности к любым непредсказуемым событиям. Воздушные переброски играют центральную роль в достижении США этих целей. Демонстрируя с помощью этого военно-политического инструмента способность оказывать влияние далеко за пре-

делами страны, США формируют выгодные для себя международные отношения. Ощутимость же и внушительность этого влияния зиждется на возможности адекватно реагировать на кризисную ситуацию любой напряженности по всему миру, используя потенциал созданного в 1992 году командования воздушных перебросок (КВП) США со штабом на авиабазе Скотт (шт. Иллинойс). КВП является воздушным компонентом объединенного командования стратегических перебросок ВС США. Оно предназначено для доставки личного состава вооруженных сил и грузов по всему миру для любых видов действий (от гуманитарных до боевых) и включает в себя самолеты военно-транспортной авиации, самолеты-заправщики, силы и средства обеспечения перебросок действующих ВВС, ВВС национальной гвардии и резерва ВВС США. Кроме того, КВП привлекает к воздушным переброскам гражданские воздушные суда. В качестве основных баз КВП использует 12 континентальных авиабаз и более 900 самолетов. Гражданские авиакомпании готовы предоставить КВП до 508 лайнеров «Боинг»-747-400, «Боинг»-767, ДС-10, МД-11 [2].

Опыт вооруженных конфликтов с участием ВС США показывает, что зачастую возникает необходимость срочных перебросок большого количества сил и средств на дальние расстояния. В основном такие переброски выполняются на тыловые «безопасные» промежуточные авиабазы, где создается внутренняя инфраструктура для дальнейшего движения людей и грузов к пунктам предназначения. Это замедленный, трудоемкий и дорогой процесс. И, хотя, новейшая история конфликтов выявила возможность воздушных перебросок ресурсов непосредственно в районы ведения боевых действий, на сегодняшний день эта возможность, по различным причинам, таким как: неподготовленность аэродромов, отсутствие необходимой инфраструктуры, противодействие противника и т.д., не всегда становится реальностью. В то же время, современные боевые действия становятся все более быстротечными, высокоэффективными и при этом нуждающимися в такой же быстрой всесторонней поддержке.

Тем не менее, большие тыловые промежуточные авиабазы, такие, например, как бывшая Рейн Майн (Германия) сокращаются. В последние годы Пентагон вкладывает большие средства в совершенствование системы стратегической воздушной переброски войск на основе замены постоянных баз транспортными узлами и небольшими передовыми пунктами базирования, через которые вооруженные силы смогут попадать в районы боевых действий.

Все это – составная часть глубокой «трансформации» американских вооруженных сил, цель которой заключается в приведении в соответствие с современными требованиями самих воинских формирований, мест дислокации, численности и боевого потенциала вооруженных сил США. При этом особо важным считается передовое базирование воздушных и морских сил, а также заблаговременное передовое базирование бронетанковой техники, систем вооружений и другой военной техники, которую могут задействовать прибывающие войска.

Итак, можно сделать вывод о том, что военно-политическая обстановка в мире вынуждает США, НАТО и ЕС к активной военной деятельности на ежедневной основе и во все более возрастающих масштабах. Имевшие место в последние десятилетия войны и вооруженные конфликты подтвердили объективную закономерность увеличения объема задач, решаемых системой воздушных перебросок, которая в будущем подвергнется еще большей нагрузке, т.к. в настоящее время и в ближайшей перспективе военно-транспортная авиация останется основным, а в ряде случаев и единственным средством обеспечения мобильности воинских контингентов. Поэтому ведущие в экономическом отношении государства уделяют развитию военно-транспортной авиации и системе ее базирования особое внимание как мощному, гибкому и мобильному средству вооруженной борьбы.

Каковы же сильные и слабые стороны передислокации воздушных баз США, НАТО или ЕС на территорию Причерноморья? К выгодным сторонам такого шага можно отнести:

- в экономической сфере – необходимы лишь разумные затраты на модернизацию авиабаз, невостребованных в настоящее время, и сопутствующих им транспортных инфраструктур

– железных дорог, автострад, мостов, трубопроводов и т.д., относительно дешевое содержание баз, дешевая местная рабочая сила, привлекаемая к обслуживанию баз;

- в военной сфере – рост количества баз высокого класса, приближение их к кризисным районам, возможность передового заблаговременного складирования вооружений и техники, относительно развитая вспомогательная инфраструктура транспортного обеспечения, использование этих баз в случае ограничений на функционирование баз в других странах, возможность ведения постоянной разведки сопредельных государств, постоянное взаимодействие с ВС стран базирования, постоянное военное присутствие, в том числе, в противовес Черноморскому флоту Российской Федерации;
- в политической сфере – рост политического влияния на различные ситуации в регионе, возможность усиления политического давления на страну присутствия и сопредельные государства, решение задачи «разоружения умов», политический противовес присутствию в Причерноморье ВМФ Российской Федерации, постоянное информационное и экономическое воздействие с целью создания благоприятного общественного мнения.

К слабым сторонам можно отнести:

- не всегда доброжелательное отношение коренного населения к зарубежному военному присутствию;
- более сильная подверженность зарубежных баз асимметричным угрозам со стороны как коренных, так и мировых радикальных группировок;
- необходимость нести бремя финансовых затрат на содержание контингента, баз и сопутствующей инфраструктуры;
- отрицательная позиция России по отношению к созданию военных баз в непосредственной близости от ее границ;
- возможные запреты на использование баз в зависимости от складывающейся международной и внутренней политической обстановки.

И, наконец, в качестве вывода автор предлагает рассмотреть соответствия между созданием иностранных военных баз и некоторыми пунктами «доктрины Трумэна», заменяя, при этом слово Евразия на слово Причерноморье и считая США переменной величиной – США, НАТО, ЕС:

- предотвращение консолидации геополитического пространства Евразии под господством какой-либо иной силы, чем Соединенные Штаты;
- постоянное расчленение этого пространства для предотвращения нежелательной консолидации, которая в будущем может стать враждебной американской политике «открытых дверей»;
- установление постоянного политического и военного присутствия Америки на европейском континенте. Расширение сферы американского влияния и действия (периметра) доктрины Монро на другую сторону Атлантического океана. Посредством этого США, помимо своей традиционной роли морской супердержавы, превратятся в силу, прочно утвердившуюся в Евразии, становясь, таким образом, также и континентальной силой;
- установление режима «решительного перевеса сил» США в Евразии, т. е. американской гегемонии над всей Европой.

Напомним, что цели доктрины были изложены в главном и основополагающем для США документе «холодной войны» - Меморандуме Совета Национальной Безопасности от 1950 года под номером 68 (NSC-68).

Источники и литература:

1. Гареев М.А. Война и военное искусство в меняющемся мире//Международная жизнь.1994. № 3.
2. Официальный сайт ВВС США [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.af.mil>
3. Сайт «NEWSru» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.newsru.com>
4. Украинская Телекомпания ICTV 18.03.2007 г.
5. Defense Diplomacy: A New Framework for Analysis. TCMR 1.9. Anthony Forster. December 2000.

III
ДИАЛОГ
ЦИВИЛИЗАЦИЙ

ИСЛАМИЗМ В XX-XXI ВЕКАХ. ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ВЗГЛЯД

МАРТЫНКИН А.В.

Филиал МГУ им. М.В. Ломоносова в г. Севастополе

Террористические акты в Нью-Йорке и Вашингтоне 11 сентября 2001 года, пятилетней годовщине которых были посвящены в этом году траурные мероприятия в США, не только кардинально изменили международную обстановку и императивы международной политики практически всех государств мира, но и поставили человечество на грань давно уже предсказываемого столкновения христианской и исламской цивилизаций. Возможно, именно инициирование такого столкновения и являлось главной целью террористов, рассчитывавших, видимо, на более жесткий и несбалансированный ответ США и их союзников и, соответственно, на более болезненную реакцию на такой ответ со стороны исламского мира. Таким образом, террористы исламистской организации Усамы Бен Ладена попытались реализовать свою концепцию ответа на вызовы процесса глобализации по западному образцу, ответа на вызов западно-христианской цивилизации.

В этой связи хотелось бы отметить, что, несмотря на многочисленные в прошлом случаи проявления христианско-исламских противоречий, и возникавшие из-за этого конфликты и войны, никогда, даже в эпоху крестовых походов, характер этого противостояния не был таким всеобъемлющим, как в начале третьего тысячелетия. По-видимому, это вызвано, в первую очередь, процессом глобализации, затронувшим в последнее время практически все стороны жизни на планете Земля. Этот процесс, осуществляющийся, в основном, по западному сценарию, вызывает неоднозначные оценки исламской элиты. Например, бахрейнская исследовательница Фаузия Рашид так оценивает его с точки зрения мусульман: *«Глобализация в период после второй войны в Заливе и распада СССР стала капиталистическим и экономическим инфитаксом, означающим углубление рыночной политики и всеобъемлющий контроль за товаропотоками как высшей ценностью, определяющей все стороны жизни сегодня, олицетворяя при этом высшую ступень победы капитализма... Это привело к тому, что мир, веками боровшийся за свободу и идеологический плюрализм, ныне подчинен единственной идее – идее капитализма. В этих условиях глобализация может лишь укрепить различия между странами и народами, сделав богатых еще богаче, а бедных – беднее».*

Противодействие глобализации по западному образцу в исламском мире в последние годы стало принимать характер глобализации по панисламскому образцу, что вызвало еще большую напряженность в междивизиционных отношениях. Причем, наиболее активную роль в глобализации по панисламскому образцу играют, несмотря на попытки использования этого процесса в своих интересах такими государствами как Иран и Саудовская Аравия, различного рода исламистские движения¹, так как процесс носит не геополитический, а именно цивилизационный характер.

Поэтому интересно было бы проследить процесс эволюции интересов исламистских движений и организаций с XIX века по настоящее время. По мнению мусульманского историка Т. аль-Бишри [3, с. 18-20], процесс приспособления исламской религии к требованиям реального мира можно разделить на три этапа.

Первый этап (середина XVIII – середина XIX веков) характеризовался потерей легитимности султана Османской империи как халифа (лидера всего исламского мира) и подь-

¹ Здесь и далее термин "исламистское движение" (в противоположность термину "исламское движение") используется для обозначения движений, стремящихся прийти к власти, либо достичь каких-либо других *политических целей* (зачастую насильственным путем), используя лозунги, основанные на экстремистских концепциях идеологов, самовольно узурпировавших право единственно верного толкования священных исламских текстов.

емом в связи с этим религиозных фундаменталистских движений на окраинах империи (ваххабиты в Аравии, сенуситы в Ливии, сторонники махди в Судане и т.д.).

Второй этап (конец XIX – начало XX веков) – период колониальной экспансии западных государств в исламском мире, вызвавшей "*глубокий кризис исламской самоидентификации*". Именно в этот период практически все страны Азии и Северной Африки не раз захлестывали волны политизированного ислама.

Первая волна исламистского (то есть политизированного исламского) экстремизма была поднята благодаря активности турецкого султана Абдул-Хамида II (1876 – 1909), попытавшегося сплотить разваливавшуюся Османскую империю, противопоставив ценности исламской цивилизации буржуазным ценностям Западного мира. Собственно говоря, именно политика натравливания своих мусульманских подданных на подданных-христиан, проводившаяся султаном Абдул-Хамидом II ради укрепления собственной авторитарной власти, и способствовала появлению современной высокополитизированной теории панисламизма, отношение к которой современных политиков так противоречиво. Благодаря политической и финансовой поддержке султана получили возможность творить такие *«глашатаи панисламизма, как афганский теолог и общественный мыслитель Джамаль ад-Дин аль-Афгани и египетский политический деятель Мустафа Камиль»* [2, с. 95]. Эта первая современная волна исламистского экстремизма, прокатилась по Османской империи, оставив после себя озера крови и слез. Но она не только не помогла укрепить власть «повелителя правоверных» - халифа Абдул-Хамида II, но и явилась еще одним фактором усиления вмешательства западных держав во внутренние дела империи. Справедливости ради надо отметить, что турецкие политики, свергнувшие в январе 1913 года безвольного султана Мехмеда V и руководившие массовым уничтожением армян в начале XX века, отнюдь не были сторонниками восстановления истинно исламского порядка в Османской империи. Это были вестернизированные представители турецкой элиты (зачастую даже члены масонских лож), беспринципно считавшие правомерным использование любых средств для сохранения империи. Так, Талаат-паша (министр внутренних дел в 1913-1917 гг.) был гроссмейстером «Великой ложи Востока Турции». Таким образом, в данном случае вполне уместно, чтобы ответственность за эти преступления частично была возложена и на западную цивилизацию.

Возвращаясь к султану Абдул-Хамиду II, отметим, что для сохранения империи он хотел сделать то же самое, что попытался сделать 11 сентября 2001 года У. Бен Ладен для создания нового «халифата» - столкнуть исламскую цивилизацию со всеми остальными, в первую очередь, с наиболее активной и агрессивной на современном этапе развития человечества западной цивилизацией. Как показал опыт турецкого султана, этот путь оказался тупиковым.

Третий этап (с начала XX века по настоящее время) исламского ответа на вызов западно-христианской цивилизации характеризуется ослаблением влияния традиционного ислама и ростом влияния ислама политизированного.

Поражение Османской империи в первой мировой войне привело не только к ее распаду и появлению на ее окраинах новых зависимых от стран Запада государств, колоний и подмандатных территорий. Для мусульман всего мира наиболее значимым при этом явилась ликвидация в 1924 году Ататюрком стамбульского османского халифата и самого института халифа - повелителя правоверных, являвшихся символами единства «исламской уммы» (нации) и их замена режимом светской националистической республики. Вообще 1924 год был «тяжелым» годом для исламской цивилизации, так как именно с этого момента резко усилилась организованная и поддерживаемая на государственном уровне странами Запада миссионерская экспансия протестантской церкви в арабском и исламском мире. Всего через месяц после ликвидации института халифата, 3 апреля 1924 года, в Иерусалиме прошел четвертый конгресс протестантских миссионерских организаций, «провозгласивший официальный курс на «христианизацию» мусульман-арабов в связи с благоприятным «упадком духа и веры в ислам» [3, с. 20-21]. Одновременно, опять же при поддержке колониальных держав, прежде всего, Великобритании, резко возросла еврейская эмиграция в Палестину, обострившая ситуацию в регионе настолько, что в 1929 году

религиозный спор между иудеями и мусульманами о статусе мечети Аль-Акса и «Стены плача» в Иерусалиме закончился крупным восстанием по всей Палестине, вошедшим в историю под названием «Аль-Бурак» [3, с. 21].

Таким образом, к концу 20-х годов прошлого века, в результате целой серии войн (в том числе, первой мировой) и революций исламское цивилизационное пространство было растерзано, раздроблено и лишено политического лидерства, а народы, исповедующие ислам, подверглись с одной стороны массивной культурно-идеологической экспансии западных государств, а с другой – светской националистической пропаганде собственных политических лидеров.

В этих условиях сразу в двух регионах мира ислама появились лидеры и организации, взявшие на себя *«роль выразителя того самого политического «измерения» ислама, которое раньше был призван воплощать халиф»* [1, с. 33]. Этими лидерами стали Хасан аль-Банна на арабском востоке и Абу ль-Аля Маудуди на Индийском субконтиненте. А организациями – «Ассоциация Братьев-мусульман», созданная Хасаном аль-Банна в 1928 году, и «Джамаат-и Ислами», основанная Абу ль-Аля Маудуди в 1941 году. Теперь, благодаря появлению трудов Х.аль-Банна и, в еще большей степени, А.Маудуди, постулаты исламской религии стали превращаться в идеологию политической борьбы, а основной целью исламистов теперь был приход к власти в какой-либо стране. При этом надо учитывать, что этого можно было достичь только на волне антиколониальной борьбы исламских народов против засилья английских, французских, итальянских и др. колонизаторов. Поэтому не удивительно, что в рядах «Свободных офицеров», пришедших в 1952 году к власти в Египте, было много сторонников «Ассоциации Братьев-мусульман». Руководство «Ассоциации» даже считало, что только ее представители смогут достойно осуществлять властные полномочия в послереволюционном Египте. Однако это противоречило интересам националистически настроенных «Свободных офицеров». Столкновение этих двух организаций (и двух идеологий – панисламизма и национализма) в борьбе за власть в Египте в начале 50-х годов вызвало волну исламистского экстремизма в этой стране. Загнанная руководством Египта во главе с Г.А. Насером в подполье "Ассоциация Братьев-мусульман" с одной стороны, и капитулянская прозападная политика А. Садата, пришедшего к власти после Г.А. Насера, - с другой, создали идеологические, политические и социальные предпосылки для формирования во второй половине 70-х годов XX века наиболее экстремистски настроенными "братьями-мусульманами" новых исламистских движений - "Аль-Джихад аль-исламий" ("Исламский джихад"), "Аль-Джамаа аль-исламийа" ("Исламская группа"), "Ат-Такфир ва-ль-хиджра" ("Искупление и исход") и др.

Одновременно в 50-70-х годах продолжалась деятельность в Пакистане партии Абу ль-Аля Маудуди «Джамаат-и Ислами», во многом способствовавшей появлению в 80-х годах на территории соседнего Афганистана движения «Талибан».

Таким образом, к концу 70-х годов XX века завершился этап идеологического и организационного оформления основ современного суннитского исламистского экстремизма – первый этап глобализации по панисламскому образцу.

Второй этап такой глобализации – этап интернационализации, активного распространения идей и организационных подразделений суннитских исламистов - начался в конце 70-х и продолжался до середины 80-х годов прошлого века.

Этому в немалой степени способствовали два основных события. Во-первых, это исламская революция в Иране, продемонстрировавшая реальность создания исламского государства путем захвата всей полноты власти насильственным (революционным) путем. Во-вторых, это война в Афганистане, способствовавшая консолидации различных суннитских исламистских движений в борьбе с общим врагом и давшая им возможность использования в своих интересах "государственного ресурса" различных стран, разыгрывавших в ходе этой войны свою карту в борьбе с влиянием СССР (США, Саудовская Аравия, Пакистан, Египет, Иран и др.). Большую роль сыграли также такие результаты этой войны, как отсутствие сильной центральной власти и появление на территории Афганистана районов, подконтрольных только лидерам исламистских движений, служивших базой для подго-

товки новых членов движения, местом отдыха боевиков, размещения управленческих структур и т.д.

Третий этап глобального «ответа» исламистов на «вызов» Запада начался в 1989 году после вывода ограниченного контингента советских войск из Афганистана и продолжается вплоть до настоящего времени. Основным содержанием этого этапа стали создание в 1996 году У.Бен Ладеном на основе многочисленных разрозненных и зачастую конфликтующих друг с другом исламистских движений, организаций и групп единой структуры – "Международного исламского фронта джихада против иудеев и крестоносцев" и начало практической реализации глобальных целей этой структуры. Ядром этой структуры стала организация У.Бен Ладена «Аль-Каида», очень напоминающая коммунистический интернационал.

Таким образом, современный исламистский экстремизм является фактически одной из форм сохранения исламской цивилизацией своей самобытности перед лицом экспансии цивилизации западной, абсолютизирующей свой собственный исторический опыт и стремящейся выдать его за общемировой. Опасность этой формы состоит в том, что ее сторонниками все более политизируется ислам как религиозно-мировоззренческая система. Справедливости ради надо сказать, что в ответ на современные процессы глобализации происходит политизация всех мировых религий, что было выявлено в ходе шестилетней (с 1989 по 1995 г.) работы 40 ученых - представителей различных вероисповеданий в Чикаго, Кембридже и Американской академии общественных наук в рамках исследований под названием «Проект фундаментализма». Эта политизация ислама наносит вред, прежде всего, самому исламскому обществу. Лидеры исламских государств накопили богатый опыт борьбы с этим явлением, хотя не всегда эта борьба была для них успешной.

Этот опыт нуждается в тщательном изучении. Однако уже сейчас совершенно очевидно, что поскольку проблема исламистского экстремизма носит цивилизационный характер, то и решать ее логичнее в цивилизационном пространстве ислама. Прежде всего, с позиций традиционных течений ислама. При этом ни в коем случае нельзя отождествлять джихадистскую идеологию современных исламистов с подлинным исламом, как это делают некоторые журналисты, идя на поводу представителей политизированных движений других современных цивилизаций.

Кроме этого, хотелось бы отметить еще один аспект этой проблемы, особенно актуальный накануне десятилетней годовщины трагических событий в Нью-Йорке и Вашингтоне. Использование цивилизационных факторов различными государствами, либо группами государств, для достижения каких-либо геополитических целей, весьма опасно и, как правило, оборачивается против самих инициаторов этого процесса.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что в современном мире, в результате объективного процесса глобализации, возрастает опасность обострения межцивилизационных противоречий, разрешение которых наиболее продуктивно в рамках межцивилизационного диалога, а не конфронтации.

Источники и литература:

1. Кепель Ж. Джихад. Экспансия и закат исламизма / Пер. с фр. В.Ф.Денисова. М., 2004.
2. Медведко Л.И. Россия, Запад, Ислам: «столкновение цивилизаций»? Мировые и «другие» войны на разломе эпох. Жуковский, М., 2003.
3. Ражбадинов М.З.. Египетское движение «Братьев-мусульман». М., 2004.

**НУРСУЛТАН НАЗАРБАЕВ:
МЕНТАЛЬНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИНТЕГРАЦИОННЫХ УСТРЕМЛЕНИЙ**

ПАШКОВСКИЙ П.И.

Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского

Президент Республики Казахстан давно зарекомендовал себя как наиболее активный политической лидер в отношении выдвижения масштабных интеграционных проектов на постсоветском пространстве. По существу, все серьёзные интеграционные образования, действующие здесь в настоящее время, явились итогом его предложений и реализовывались при непосредственном участии казахстанской стороны. Кроме объективных причин этого, объясняющихся социально-экономической и военно-политической целесообразностью, существует культурно-психологическое измерение проблемы, определяющее её «скрытые детерминанты», корнящиеся в менталитете социальной общности или отдельной личности [7; 14].

В свою очередь, политическое сознание и поведение личности складывается в ходе интериоризации внешних для неё целей и ценностей политической системы, семьи, ближайшего окружения. Основные знания, нормативные суждения и представления человека о политике не являются продуктом только лишь его индивидуальной практики. Они впитываются личностью из общественной среды в процессе социализации [25; 27]. Так, американский исследователь А. Шлезингер-младший отмечал, что *«в течение своей жизни люди склонны формироваться под воздействием событий и идей, преобладающих на момент обретения ими политического сознания»* [38, с. 52]. Полученные знания, ориентации, ценности и установки в совокупности образуют политический менталитет, который определяет стиль мышления и чувствования личности (как носителя определённой политической культуры или субкультуры), продуцируя возникновение у неё конкретных политических взглядов и настроений. Последнее позволяет человеку идентифицировать себя с какими-либо политическими ценностями, что детерминирует определённое поведение, глубинные предпосылки которого могут быть неосознанны им самим [32].

Настоящая публикация имеет своей целью освещение сущности основных ментальных предпосылок интеграционных устремлений президента Казахстана, сегодня явно недостаточно изученных.

Особенности менталитета советской политической элиты и казахстанского лидера, как выходца из её рядов, а также объяснения мотивации его политического поведения наиболее полно представлены в трудах американской исследовательницы М. Олкотт [22], казахстанских экспертов Р. Темиргалиева [28] и А. Тойганбаева [29], российского специалиста Д. Фурмана [34]. Этапы формирования политической элиты Казахстана и культурно-психологическую специфику её представителей рассматривают казахстанские учёные Д. Ашимбаев [1; 2], И. Ерофеева [10], Е. Журабаев [11], российский эксперт Г. Мирский [15]. Политические настроения в Казахстане в 1945–1985 годах успешно характеризует казахстанская исследовательница Ж. Кыдырлина [13]. Украинскому историку С. Шевелеву [40] принадлежит квалифицированный обзор основных тенденций внутренней и внешней политики стран Центральной Азии и Закавказья на рубеже XX–XXI веков. Специфика этно-национальных процессов в новых независимых государствах в связи с вопросами их внешне- и внутривнутриполитических курсов раскрывается украинским учёным В. Петровским [23]. Анализ проблем распада СССР, глобальных и региональных причин, предпосылок и последствий этого события, их воздействия на мышление политических элит государств постсоветского пространства проводились американскими экспертами З. Бжезинским [3], С. Хантингтоном [35], британским историком Дж. Хоскингем [36] и российскими специалистами С. Кара-Мурзой [12], А. Уткиным [30; 31], И. Фрояновым [33] и А. Шубиным

[39]. Интеграционные инициативы Н. Назарбаева сквозь призму концепции евразийства рассмотрены российским политологом А. Дугиным [9].

Источниковая база данной работы представлена выступлениями, статьями и книгами президента Казахстана [4 – 6; 16 – 21], документами его официального сайта [24], а также воспоминаниями политических деятелей – современников и свидетелей рассматриваемых событий [8; 26].

В процессе исследования были использованы исторический, социально-критический, деятельностный (социально-психологический), функциональный и бихевиористский методы.

Поскольку политический менталитет формируется в условиях и под влиянием конкретной социальной среды, для его анализа необходимо охарактеризовать основные вехи биографии исследуемой личности в контексте социально-психологического климата эпохи [14; 25; 32].

Нурсултан Абишевич Назарбаев родился 6 июля 1940 года в селе Чемолган Кескеленского района Алма-Атинской области. После работы с 1960-го по 1969 год на Карагандинском металлургическом комбинате, в 1969-1973 годах он числится на комсомольской и партийной работе в городе Темиртау (Карагандинская область). С 1973-го по 1977 год – секретарь парткома Карагандинского металлургического комбината. А в 1977-1979 годах – секретарь, второй секретарь Карагандинского обкома партии. Уже в 1979 году Н. Назарбаев вступает в должность секретаря Центрального Комитета Компартии Казахстана, которую занимает до 1984 года. 1984-1989 годы – Председатель Совета Министров Казахской ССР. В 1989-1991 годах он – первый секретарь Центрального Комитета Компартии Казахстана. Одновременно с февраля по апрель 1990 года – Председатель Верховного Совета Казахской ССР. С апреля 1990 года и по сегодняшний день – президент Республики Казахстан [24].

О кристаллизации политического менталитета Н. Назарбаева, по-видимому, можно говорить, начиная с первой половины 1970-х годов – достижения им стадии определённой политической зрелости в процессе работы секретарём парткома. Но важно понимать, что политическая социализация не завершается с моментом достижения какой-либо стадии, так называемой, политической зрелости. *«...Она продолжается всю жизнь. Этапы и стадии дальнейшего политического развития определяются не только собственно возрастными изменениями, но освоением новых политических ролей, опытом личного участия. Базовые представления человека о политике, его политическая картина мира могут меняться, корректироваться, но её основные параметры фиксируются в структуре личности»* [37, с. 227]. Огромную роль в процессе социализации играет политическая система общества, в рамках которого формируется исследуемая личность. *«Действие любой политической системы, - пишет российская исследовательница Е. Шестопал, - зависит от её способности психологически воздействовать на индивида, побуждая его к поступкам, которые соответствуют целям системы»* [37, с. 254]. Советская политическая система, основывающаяся на базе коммунистической идеологии, породила у населения в целом и партаппаратчиков в частности особое восприятие вопросов национального единства. *«Приоритетным для неё являлись не права личности в этой сфере, а классовые отношения и политика пролетарского интернационализма»*, - уточняет казахстанский эксперт Ж. Кыдырлина [13, с. 66].

Биография президента Казахстана не могла не впитать в себя «дух» своего времени. Вместе с тем, пример Н. Назарбаева – это скорее частный случай, нежели типичная биография талантливого и высокопоставленного партийного чиновника. Отмечается, что в процессе карьерного роста у него не возникало проблем в общении ни с функционерами партии, среди которых преобладали русские, ни с «сельскими казахами», в обществе которых он вырос. При этом он сумел выработать в себе бюрократические навыки и обеспечить покровительство со стороны начальства, что помогло ему продвинуться в высшие эшелоны «партийной олигархии» Казахстана в рекордно короткие сроки [22, с. 45]. Характеризуя психологические особенности казахстанского лидера на фоне общих ментальных черт политических управленцев КПСС, казахстанский учёный А. Тойганбаев писал,

что «менталитет партийных управленцев (ярким их примером является Назарбаев)» был изначально направлен на формирование политического мышления всесоюзного масштаба. Таким образом, «Назарбаев стал воспитанником политической школы, ориентированной на вполне общегосударственные, а не на республиканские задачи» [29]. Указанные аспекты наглядно проявятся в годы «перестройки», когда произойдёт их видимое «обогащение» новыми ментальными качествами.

На всесоюзном уровне казахстанский лидер заметно проявил себя уже в 1980-е годы. Председатель Совета Министров СССР Н. Рыжков, например, вспоминал: «Особенно хорошо узнал я Нурсултана Абишевича в 80-е годы, когда он был Председателем Совета Министров Казахской ССР. ...Он, как правило, активно выступал на расширенных заседаниях правительства страны, которые проводились ежеквартально. Конечно, в первую очередь, Назарбаев ставил вопросы, касающиеся развития Казахстана, но не ограничивался только этим: его кругозор, масштаб мышления были значительно шире» [26, с. 67].

Политический зенит Н. Назарбаева наступает в 1990 году после того, как он, будучи президентом Казахской ССР, блестяще выступает на Съезде народных депутатов Советского Союза [12; 30; 39]. В дальнейшем авторитет и, соответственно, властные амбиции казахстанского лидера продолжали расти. Весьма показательно подтверждает это курьёзный инцидент, произошедший в 1990 году. Якобы тогда некий российский советник, приглашённый из Москвы для оказания помощи в вопросах строительства политических институтов, «как-то выпивая с Назарбаевым после ужина, упрекнул президента в том, что он скорее выглядит добрым диктатором, чем демократом. Назарбаев ответил, что из этих трёх слов ему понятно только «диктатор» [22, с. 38].

Лидер Казахстана принимал активное участие в составлении нового союзного договора, являясь противником дезинтеграции СССР. Многие прочили его на пост вице-президента, а предвидя со временем всё более вероятную отставку М. Горбачёва, даже президента «обновлённого» Союза. Известно, что в его поддержку высказывались одновременно представители Межрегиональной депутатской группы (Г. Старовойтова) и группы «Союз» (В. Алкснис). Но вице-президентом М. Горбачёв «выбрал тряпичного Янаева», так как «перспектива сильного и опирающегося на общенациональную коалицию «второго» лица выглядела для слабого президента откровенно пугающей». Однако, в случае принятия договора о создании конфедерации Союза Суверенных Государств, пост премьера, скорее всего, достался бы именно казахстанскому лидеру [29]. Последнее подтверждает и сам М. Горбачёв, оценивая содержание встречи в Ново-Огарёво 30 июля 1991 года по поводу подписания союзного договора. «В связи с этим вёлся разговор о Назарбаеве, - признавался президент СССР, - чтобы его сделать премьером. Назарбаев говорит: я пойду только в том случае, если это будет реальная работа, а не просто так в качестве мальчика для битья» [8, с. 48]. Объективность подобного свидетельства выражается в описании явных властных амбиций президента Казахстана, носящих всесоюзный масштаб, что проявляется и в текстах других источников.

Именно в это время он был, пожалуй, единственным советским партийным лидером, который одновременно пользовался активной поддержкой населения и других крупных политических деятелей, при этом, сохраняя (даже после августовского путча) рабочие отношения с М. Горбачёвым и Б. Ельциным [26; 29; 36]. Более того, перспективность фигуры Н. Назарбаева отмечали и видные зарубежные политики. Характерная ситуация сложилась в ходе визита государственного секретаря США Дж. Бейкера в Москву в середине марта 1991 года. На встрече в Спасохаузе (здании американского посольства), посвящённой грядущему всесоюзному референдуму, присутствовал практически весь политический бомонд СССР и многие известные общественные деятели. Среди них были лидеры Грузии, Армении и Азербайджана, митрополит Кирилл, главный редактор «Литературной газеты» Ф. Бурлацкий, Г. Попов, А. Собчак и др. Казахстанский президент пришёл после приёма. В защиту М. Горбачёва – весьма характерно – тогда по существу высказался лишь он один, заявив, что «в глубине сердца» президент СССР – честный реформатор. «После ужина, - отмечает российский исследователь А. Уткин, - Бейкер сказал своим помощникам, что Назарбаев – наиболее практичный и реалистичный политик в зале, он произвёл

на госсекретаря наилучшее впечатление» [31, с. 125-127]. А уже 16 сентября 1991 года в условиях нарастания центробежных тенденций, государственный секретарь США, знакомясь с наиболее влиятельными лидерами союзных республик, первым посетил именно президента Казахстана в Алма-Ате [31, с. 195].

Реакция казахстанского лидера на решения «беловежской тройки» была отрицательной. *«Н. Назарбаев не принимал участия в позорном беловежском событии, - пишет Н. Рыжков, - политическая прозорливость спасла его от этого»* [26, с. 68]. М. Горбачёв, вспоминая встречу с президентом Казахстана сразу после заключения беловежских соглашений, говорил: *«...Он (Назарбаев. – П. П.) был обижен. Они хотели его пригласить туда и не позвали. ... Он не поехал и правильно сделал. Он от этого только укрепил себя. На нашей встрече он сказал: “Раз сделали помимо нас, вопреки всем, я должен ехать назад, собраться и всё обсудить”»* [8, с. 60]. Так президент Казахской ССР будто бы отреагировал на известия об образовании СНГ, что выглядит весьма правдоподобным.

Почти всю первую половину декабря 1991 года Н. Назарбаев пытался помочь М. Горбачёву договориться о создании аморфной конфедеративной структуры взамен СССР, однако, среди высших республиканских руководителей, практически никто этот проект не воспринял. Впоследствии именно в Алма-Ате 21 декабря 1991 года пять центрально-азиатских государств (включая Казахстан) объявили о своём желании вступить в СНГ, как новую структуру интеграции, кардинально отличную от условий предлагаемого ранее союзного договора [31; 33; 39]. Незадолго до этого, 16 декабря 1991 года, руководство Казахстана провозгласило независимость республики. Американская исследовательница М. Олкотт подчёркивает, что *«Казахстан был последней республикой, сделавшей это: его парламент проголосовал за независимость только через восемь дней после того, как о выходе из СССР объявили Россия, Белоруссия и Украина»* [22, с. 53]. Очевидно, тогда просто не представлялось иного выхода. Центрально-азиатские государства были действительно «вытолкнуты» из СССР, против воли своих народов и «высших аппаратчиков» [36, с. 468].

Политическому менталитету президента Казахстана, масштабу его властных амбиций и перспективе стать всесоюзным лидером в этот момент был нанесён сильнейший удар. *«Отныне его потенциал был масштабно умерен до уровня «одного из», - замечает казахстанский эксперт А. Тойганбаев. - ... Такие существенные изменения политической траектории не проходят бесследно. И когда мы пытаемся понимать и предсказывать нынешнего Назарбаева, нелепо упускать из внимания, что его подозрительность и кадровый пессимизм, его политическая осторожность и склонность к византийским решениям – результат шокирующего опыта, а не просто врождённая черта характера. За всеми его интегральными инициативами, начиная от Евразийского союза с Россией, скрывается потенциал политика, не вполне реализованного собственно в Казахстане. И только масштабные межгосударственные проекты дают ему законченную внутреннюю мотивацию видеть себя реализованным и успешным»* [29].

Данное заключение подтверждают дальнейшие действия казахстанского лидера. Он прилагал настойчивые усилия, чтобы реализовать постсоветские интеграционные структуры: СНГ, общие рублиевые зоны, Евразийский союз и пятисторонний таможенный союз, а после поддержал инициативу президента России В. Путина о преобразовании таможенного союза в Евразийское экономическое сообщество [22, с. 266]. Подобные усилия российский политолог А. Дугин склонен называть «еразийством в действии», как *«подготовка реальной платформы для «большого пространства»»*. *«Интеграция по Назарбаеву не просто слова и лозунги. Она должна воплощаться в конкретные шаги. И важнейшими вехами на этом пути были создание «таможенного союза», организация Евразийского Экономического Сообщества, Организация Договора о Коллективной Безопасности, подписание соглашений о Едином Экономическом Пространстве. Эти реально существующие, развивающиеся наднациональные структуры – элементы новой конструкции, узлы будущего «Евразийского Союза», модули грядущей реальности. ... И хотя за этим остовом будущего Союза стоит огромный труд сотен и тысяч высокопоставленных полити-*

ческих деятелей стран СНГ, повсюду мы без труда различаем печать назарбаевской воли» [9, с. 7-8].

Первым наиболее ярким примером желания реализации властных амбиций, имеющих масштаб постсоветского пространства, стало выдвижение Н. Назарбаевым в 1994 году проекта создания Евразийского союза [9], вариант которого, однако, практически исключал мистическое содержание, свойственное традиционному евразийскому мышлению. Проект означал, разъясняет З. Бжезинский, «что Евразия – определяемая географически в границах, аналогичных границам Советского Союза, - представляет собой органичное целое, которое должно также иметь и политическое измерение» [3, с. 135]. Понятно, что по ряду параметров это не совсем отвечает канонам евразийства как в классической, так и современной интерпретации. Ведь, в сущности, под прилагательным «евразийское» в применении к географическому пространству здесь подразумевалось «постсоветское». С этого момента и в дальнейшем все серьёзные интеграционные предложения на пространстве бывшего СССР, президент Казахстана будет выдвигать под лозунгом «евразийской идеи», истоки которой уходят корнями в XIX век. Однако в реальности эти инициативы скорее являются порождением специфики его личного менталитета, сформировавшегося в советский период, а под часто упоминаемым понятием «евразийской идентичности» видится пресловутое «советский народ» и оскорблённое самолюбие по причине невозможности управлять им.

Анализ многочисленных выступлений, статей и книг Н. Назарбаева только убеждает в правильности указанного вывода. Практически во всех своих крупных работах он, так или иначе, упоминает о крайней важности многоуровневой «евразийской интеграции», постоянно предлагает проекты её практического воплощения, акцентируя внимание на том, что уже сделано по его инициативе [16; 18; 20; 21]. Например, обосновывая геополитические и культурные предпосылки образования Евразийского Союза, в 2000 году Н. Назарбаев заявлял: «Центральная Азия истари считалась перекрёстком путей между Востоком и Западом, местом, где соприкасаются Европа и Азия, христианство и ислам, где не просто сливаются материки, но происходит обмен культурными ценностями, идеями, богатствами и товарами» [4]. «...Базовые моменты, - отмечал президент Казахстана в 2004 году, - заложенные в модели Евразийского Союза – а именно многоуровневая и разносторонняя интеграция, основанная на экономической целесообразности, обеспечении внутренней и внешней безопасности государств-участников – все они нашли воплощение в ныне действующих интеграционных объединениях». При этом Н. Назарбаев довольно часто говорит о культурно-психологическом измерении интеграции постсоветского пространства, необходимости формирования некой «культурной идентичности», носителем которой, по крайней мере в отношении масштаба властных амбиций, очевидно, является он сам. Президент часто повторяет, что «потеря культурной идентичности – будущее зерно конфликта внутри общества. ... Поэтому нам (странам «евразийского пространства»). – П. П.) необходима новая идеология развития современного общества, основанная не только на экономическом прагматизме, но и на уникальных общих исторических и культурных корнях, тесном взаимодействии наших народов» [5]. В одной из своих статей в марте 2009 года Н. Назарбаев утверждал, что «реальным воплощением евразийской инициативы стала деятельность целого ряда межгосударственных структур, таких как ЕврАзЭС, ОДКБ, ШОС и других». «Сегодня я ещё твёрже уверен в том, - подчёркивал он, - что в долгосрочной перспективе евразийской интеграции альтернативы не существует». Президент упоминал также «о трёх измерениях интеграции евразийского пространства – экономическом, военно-политическом и культурно-гуманитарном». Приоритет последнего измерения он выделял в контексте, опять-таки, необходимости формирования «на основе общих ценностей, культурного и языкового многообразия единой евразийской идентичности» [17]. Наконец, именно в осуществлении эффективной многоуровневой интеграции «евразийского пространства» Н. Назарбаев видит наиболее действенный выход из современного мирового финансового кризиса для стран бывшего СССР [6; 19].

Из этого следует, что проблема интеграции постсоветского пространства, облачённая в «тогу» особой интерпретации идеи евразийства, берёт начало в менталитете казахстан-

ского лидера. Его политическое сознание характеризуется наличием всесоюзного масштаба властных амбиций, требующих своей реализации. Роль президента пусть и значительной, но только одной из бывших союзных республик – с учётом реальной возможности возглавить Союз в качестве общепризнанного и наиболее перспективного советского политика – кажется ему слишком несоответствующей личному потенциалу. Ощущение психологической «тесноты» от ущемления масштаба властных амбиций во многом бессознательно способствует стремлению Н. Назарбаева к их осуществлению посредством выдвижения значительных проектов интеграции постсоветского пространства, по-видимому, помогающих «заглушить» состояние «душевного» дискомфорта, частично удовлетворяя когда-то оскорблённое самолюбие. Впрочем, существуют и объективные причины указанного явления, которые также представляются достаточно убедительными. Синтез объективных причин и субъективных (ментальных) предпосылок, как «скрытых детерминант» исторического процесса, вероятно, и привёл к имеющимся результатам.

Источники и литература:

1. Ашимбаев Д. Политическая элита Казахстана: издержки роста [Электронный ресурс] // NOMAD. Кочевник. Режим доступа: <http://www.nomad.su/?a=2-200405120023>
2. Ашимбаев Д. Элита Казахстана за десять лет // NOMAD. Кочевник. Режим доступа: <http://www.nomad.su/?a=2-200405300015>
3. Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы; пер. с англ. М., 2005.
4. Выступление Президента РК Н.А. Назарбаева на открытии Евразийского экономического саммита // Официальный сайт президента Республики Казахстан. Режим доступа: http://www.akorda.kz/www/www_akorda_kz.nsf/sections?OpenForm&id_doc=C13A
5. Выступление Президента РК Н.А. Назарбаева на Международном форуме «Евразийская интеграция...» // Официальный сайт президента Республики Казахстан. Режим доступа: http://www.akorda.kz/www/www_akorda_kz.nsf/sections?OpenForm&id_doc=701A
6. Выступление Президента РК Н.А. Назарбаева на III Съезде Лидеров мировых и традиционных религий. 01.07.2009 г. // Официальный сайт президента Республики Казахстан. Режим доступа: http://www.akorda.kz/www/www_akorda_kz.nsf/sections?OpenForm&id_doc=8795F
7. Гозман Л.Я. Психология в политике – от объяснения к действию // Политическая психология: Хрестоматия / Сост. Е.Б. Шестопап. М., 2007. С. 44-58.
8. Горбачёв М.С., Славин Б.Ф. Неоконченная история. Три цвета времени. Беседы М. С. Горбачёва с политологом Б.Ф. Славиным. 2-е изд, доп. – М., 2005.
9. Дугин А. Евразийская миссия Нурсултана Назарбаева. – М., 2004.
10. Ерофеева И. Формирование политической элиты Казахстана. Исторический аспект [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://forum.tore.kz/index.php?showtopic=417>
11. Журабаев Е. Два этноса великой степи [Электронный ресурс] // Евразийский дом. Информационно-аналитический портал. Режим доступа: <http://www.eurasianhome.org/xml/t/expert.xml?land=ru&nic=expert&pid=862>
12. Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация. – К., 2004.
13. Кыдырлина Ж.У. Политические настроения в Казахстане в 1945-1985 гг. // Вопросы истории. 2008. № 8. С. 64-72.
14. Макгроу К. Политические впечатления: формирование и управление // Политическая психология: Хрестоматия / Сост. Е. Б. Шестопап. М., 2007. С. 120-162.
15. Мирский Г. Политическая культура Казахстана – симбиоз Запада и Востока [Электронный ресурс] // Россия в глобальной политике. Режим доступа: <http://www.globalaffairs.ru/articles/2461.html>
16. Назарбаев Н. Десять лет равные столетию / Выступление Н. Назарбаева на Торжественном собрании, посвящённом 10-летию независимости РК. Алматы, 2001. 112 с.
17. Назарбаев Н. Евразийский экономический союз: теория или реальность // Официальный сайт президента Республики Казахстан. – Режим доступа: http://www.akorda.kz/www/www_akorda_kz.nsf/sections?OpenForm&id_doc=7DF8
18. Назарбаев Н. Казахстанский путь. – Караганда, 2006. 372 с.
19. Назарбаев Н. Ключи от кризиса // Официальный сайт президента Республики Казахстан. Режим доступа: http://www.akorda.kz/www/www_akorda_kz.nsf/section?OpenForm&id_doc=5F2F
20. Назарбаев Н. Критическое десятилетие. – Алматы, 2003. 240 с.
21. Назарбаев Н. Стратегия независимости. Алматы, 2003. 312 с.
22. Олкотт М.Б. Казахстан: непройденный путь; пер. с англ. М., 2003. 354 с.
23. Петровский В.В. Этности и политика на исчезающем постсоветском пространстве. Харьков, 2005. 424 с.
24. Президент Республики Казахстан Н.А. Назарбаев // Официальный сайт президента Республики Казахстан. Режим доступа: http://www.akorda.kz/www/www_akorda_kz.nsf/sections?OpenForm&id_doc=09D0

25. Преснякова Л.Я. Структура личностного восприятия власти (теоретический анализ) // Политическая психология: Хрестоматия / Сост. Е.Б. Шестопап. М., 2007. С. 330-342.
26. Рыжков Н.И. Трагедия великой страны. М., 2007. 656 с.
27. Сэмюэлс Э. Тайная жизнь политики; пер. с англ. СПб., 2002. 285 с.
28. Темиргалиев Р. История и Назарбаев // Аналитический центр Разумные решения. Режим доступа: <http://www.analitika.org/article.php?story=20071225054834901>
29. Тойганбаев А. Психологический эскиз Нурсултана Назарбаева // Тойганбаев А. Технология мечты. Режим доступа: <http://territoria.kz/book/krizis-masshtaba-i-nesootvetstvie-rol-i>
30. Уткин А.И. Большая восьмёрка: цена вхождения. М., 2006. 480 с.
31. Уткин А.И. Измена генсека. Бегство из Европы. – М., 2009. 256 с.
32. Фелдман С. Ценности, идеология и структура политических установок // Политическая психология: Хрестоматия / Сост. Е. Б. Шестопап. М., 2007. С. 247-284.
33. Фроянов И. Погружение в бездну. – К., 2003. 436 с.
34. Фурман Д.Е. Постсоветский политический режим Казахстана. М., 2004. 104 с.
35. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций; пер. с англ. М., 2005. 603 с.
36. Хоскинг Дж. История Советского Союза. 1917-1991; пер. с англ. Смоленск, 2001. 496 с.
37. Шестопап Е.Б. Политическая психология: Учебник для студентов вузов. М., 2007. 427 с.
38. Шлезингер-младший А.М. Циклы американской истории; пер. с англ. М., 1992. 685 с.
39. Шубин А.В. Парадоксы перестройки. Упущенный шанс СССР. М., 2005. 480 с.
40. Щевелев С.С. История стран Центральной Азии и Закавказья на рубеже XX – XXI веков. Симферополь-Москва, 2007. 180 с.

IV
ИСТОРИЯ
МЕЖДУНАРОДНЫХ
ОТНОШЕНИЙ

КАВКАЗСКИЙ ВОПРОС ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ ВРЕМЕН КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ

Деникевич С.В.

**Крымское республиканское учреждение
«Алупкинский дворцово-парковый музей-заповедник»**

Крымская война 1853 – 1856 гг. была одним из важнейших международных событий XIX века. Особое место в дипломатическом и военном противостоянии России и Англии занимал кавказский вопрос.

Тема Кавказа в войне 1853-1856 гг. является одной из актуальных, но недостаточно изученных проблем в исторической литературе. Основными были Крымский и Дунайский театры военных действий. Между тем, кавказские события существенно повлияли на ход и результаты войны.

Кавказ издавна являлся во всех отношениях уникальной точкой на земном шаре. Это определялось, прежде всего, его промежуточным положением между Азией и Европой, а также геополитическим значением. Через Кавказ проходили многие торговые пути. Черноморское побережье Кавказа имело важное стратегическое значение в укреплении военного и экономического влияния в черноморском регионе. Обладание каспийским побережьем открывало дорогу в Среднюю и Центральную Азию. Внутреннее развитие Кавказа также имело своеобразный характер. Это определялось его полиэтничностью, крайне неравномерным экономическим и социальным развитием различных народов, междоусобной борьбой племен, соперничеством местных владетелей. Все эти факторы препятствовали образованию на территории Кавказа политически и экономически сильных государств и консервировали политическую раздробленность.

Особое значение Кавказ имел для России. Со времени формирования ее как евроазиатского государства, она вошла в соприкосновение с народами, населявшими Северный Кавказ.

Кавказский вопрос стал главным компонентом восточной политики России еще с XV-XVI веков. От разрешения проблемы выхода России в Черное море зависело развитие хозяйства и торговли страны. Приходилось не меньше думать о безопасности оголенных перед лицом турецкой и иранской агрессии южных рубежей формирующейся империи. В военно-стратегическом отношении Кавказский регион был гигантской горной крепостью, *«системой натуральных укреплений и сильных позиций»* [1, с. 7].

Кавказ с 20-х гг. XIX века имел для России намного большее значение, чем прежде. Необходимо было обеспечить устойчивую связь с недавно присоединенным Закавказьем. В составе империи данный регион открывал широкие перспективы развитию торговли через черноморские порты, а также через Астрахань, Дербент и Кизляр на Каспии. Обеспечивая широкую буферную зону, кавказская территория служила защитой от крупных исламских государств. В то же время, преобладание России на Кавказе давало возможность военно-политического давления на Турцию и Персию. Таким образом, кавказский вопрос становится частью внутренней политики страны, но не утрачивает своего международного значения.

С точки зрения стратегических интересов, особое беспокойство России еще с конца XVIII – начала XIX вв. вызвало английское вмешательство в кавказские дела [5, с. 160]. Восточный кризис 50-х гг., давно вызревавший в столкновениях экономических и политических интересов великих держав на Ближнем Востоке, в истории международных отношений занимает особое место [17, с. 7]. Борьба за влияние на Кавказе, как один из важных аспектов русско-английского соперничества на Ближнем Востоке, способствовала развязыванию войны. Великобритания рассматривала этот регион, с одной стороны, как сред-

ство политического давления на Россию, с другой – как фактор защиты своих интересов на Среднем и Ближнем Востоке [5, с.160].

В 30-е гг. XIX века британское правительство активизировало свою политику в кавказском вопросе. Дополнительным стимулом послужила Кавказская война (движение горцев Дагестана, Чечни и Черкесии против России, 1817 – 1864). Очередное же обострение восточного вопроса, вылившееся в Крымскую войну, позволило британскому руководству как никогда открыто оспаривать права России на владение Кавказом. Была разработана и вступила в действие военно-стратегическая программа, предусматривавшая создание на этой территории «независимых» государственных образований.

Накануне Крымской войны, в переписке британских политических деятелей, прямо говорилось о необходимости отторгнуть от России часть территории Закавказья и Северо-Западный Кавказ с входящим в его состав черноморским побережьем. После разрыва дипломатических отношений Великобритании с Россией английский министр внутренних дел Дж. Пальмерстон 19 марта 1854 года составил официальный меморандум относительно результатов начинавшейся войны, в котором отмечалось: *«Крым, Черкесия и Грузия отделяются от России. Крым, Грузия должны быть переданы Турции, а Черкесия - либо становиться независимой, либо связанной с султаном, как с сувереном»* [3, с. 187]. Англия не признавала русско-турецкого Адрианопольского мирного договора 1829 года, в котором, помимо окончательного признания присоединения Грузии и Восточной Армении к Российской империи, также в расплывчатых формулировках оговаривался переход к России горных районов Северо-Западного Кавказа. В подтверждение независимого статуса Черкесии приводился еще один довод: Россия не владела этим регионом не только *de jure*, но и *de facto*. Там не было российской администрации и не действовали российские законы [8, с. 60]. Это и дало возможность Великобритании не признавать положение русско-турецкого договора о Северо-Западном Кавказе и считать «Черкесию» независимой от России территорией. В беседах с русским послом в Англии К. Поццо-ди-Борго Пальмерстон оспаривал права России на Кавказское побережье, так как Турция, по его мнению, не могла уступать то, чем сама не владела, и черкесы фактически оставались непокоренным народом [6, с. 207].¹

Значение кавказской территории для Запада было настолько весомым, что в ходе обсуждения военной кампании против России, серьезно и основательно рассматривался вопрос о Кавказском театре военных действий и о высадке англо-французского десанта не в Крыму, а на черноморском побережье Кавказа. По ряду причин этот план не реализовался, но кавказское направление оставалось чрезвычайно важным во время войны [5, с. 167].

Для Российской империи ситуация осложнялась тем, что с периодом войны совпало продолжавшееся движение горцев Северного Кавказа, которое возглавлял имам Шамиль. Горскому владетелю удалось создать институт цельного государственного устройства военно-теократического и «тоталитарного» характера – имамат. В период Крымской войны, несмотря на то, что имамат уже не был в расцвете своего могущества, он все еще оставался серьезной преградой для многочисленной российской армии на Кавказе. Сам факт существования государства горцев в полном окружении российских войск воспринимался как слабость российских позиций в регионе [2, с. 101]. Территория же Северо-Западного Кавказа была открыта для иностранного вторжения со стороны Черного моря.

Непонимание военно-политической обстановки, сложившейся к 1853 году на Кавказе, дало основание союзникам планировать открытие второго фронта против России силами Шамиля. Однако надежды на войска имама и его набов (наместников) в Черкесии не оправдались. Фактически, в ходе войны им не удалось наладить с горцами серьезных политических контактов [4; 12]. Внешняя политика горского вождя была неоднозначной и ближе к выжидательной. Шамиль мог посылать турецкому султану почтительные письма, но при этом решительно отказывался превращать себя в инструмент осуществления его замыслов на Кавказе. Он не хотел официально принимать турецкий протекторат, так как

¹ Русские политики подчеркивали юридическую неоспоримость статьи 4 Адрианопольского договора, так как Константинопольской конвенцией 1783 г. Россия признала Черкесию частью Турецкой империи, и это делало законным переход этой территории от прежнего владельца к новому [7, с. 136].

тогда, по исламским законам, лишался бы титула имама. Протурецкое направление и неудачные попытки оказать поддержку туркам в Закавказье сочетались со стремлением достижения выгодного мира с Россией [7, с. 244].

Несмотря на достаточно сложные условия, на Кавказском фронте были одержаны основные победы русской армии в Восточной войне: Ахалцык, Башкадыклар, Баяндур, Кюрюк-Дар. Взятие крепости Карс – одного из важнейших турецких форпостов – ускорило ее окончание и значительно облегчило задачи российской дипломатии в Париже. Появилась возможность, в случае мирных переговоров, использовать Карс и Карский пашалык в качестве компенсации и предмета обмена.

Когда 12(25) февраля 1856 г. в столице Франции открылись заседания Парижского мирного конгресса, правящие круги Великобритании все еще настаивали на продолжении военных действий, главным театром которых должны были стать Кавказ и Балтика [12, с. 407]. Дж. Пальмерстон (занимавший с февраля 1855 года пост премьер-министра) называл «подлинной опасностью» «опасность мира». [16, с. 35]

Был разработан план кампании на весну 1856 г. Еще 29 декабря – 10 января 1855 года в Париже происходило совещание под личным председательством Наполеона III для обсуждения плана действий в случае новой кампании. План состоял в том, чтобы 100 тысяч англичан, сардинцев и турок направить на Азиатский театр войны. Главные силы французов должны были действовать на территории Нижнего Дуная и в Бессарабии, продолжая занимать Крым для отвлечения русских сил [11, с. 400]. *«В то время много толковали об опасном положении, в которое мы будем поставлены на Кавказе в случае продолжения настоящей войны или возникновения новой в будущем. Нам предстояло в том крае бороться с внешними врагами, владеющими Черным морем, имея позади себя многочисленное, воинственное, возбужденное религиозным фанатизмом горское население»* - писал в своих «Воспоминаниях» генерал-фельдмаршал Д.А. Милютин [11, с. 426].

Однако Наполеон III начал склоняться к миру и сближению с Россией. Дело в том, что Англия в предстоящих сражениях хотела отстоять честь своего оружия, ведь в Крымской войне победные лавры достались французам, и англичане на предстоящих переговорах лишались возможности диктовать России свои условия [10, с. 181]. Естественно, оставались и главные, колониальные мотивы.

Что же касается Франции, то в первой половине XIX века она время от времени проявляла к Кавказу определенный интерес. Ее политика в регионе, в отличие от британской, была менее интенсивной и последовательной, что в целом соответствовало ее внешнеполитическому курсу.

Теперь французские политики считали, что основная задача – подрыв русского могущества в черноморском бассейне – была выполнена, и не желали продолжать войну во имя британских интересов на Кавказе. К тому же, французской стороне не хотелось ни слишком усиливать Англию, ни сверх меры ослаблять Россию.

Начали осознавать, что осуществление так называемой «программы-максимум» маловероятно, и многие британские политические деятели. Принц Альберт, супруг королевы Виктории, в целом поддерживавший внешнеполитический курс Дж. Пальмерстона, отмечал, что если ответственность за срыв переговоров о перемирии падет *«на нашу страну, ее позиция станет в высшей степени опасной»* [3, с. 198]. В связи с угрозой изоляции страны на международной арене, британский премьер-министр вынужден был отступить.

В работе мирного конгресса участвовали Россия, Франция, Англия, Австрия, Турция, Сардиния и Пруссия. Председательствовал на заседании французский министр иностранных дел, двоюродный брат Наполеона III, граф А. Валуевский. Делегация России была представлена графом А.Ф. Орловым и бароном фон Брунновым; английскую делегацию возглавил министр иностранных дел граф Кларендон. Порта, вместе с английским послом в Стамбуле С. Рэдклифом, составила меморандум по кавказскому вопросу, куда были включены пункты о независимости Черкесии и Дагестана [9, с. 736]. Лорд Кларендон заговорил о судьбе Имеретии, Абхазии, Гурии и Черкесии [15, с. 576]. Однако русским дипломатам, благодаря позиции Франции, удалось избежать обсуждения вопроса о русско-турецкой границе и отвергнуть вмешательство Англии в кавказские дела.

В тексте Парижского договора (18 марта 1856) Северный Кавказ не упоминался. Когда представитель Англии заявил о необходимости вывода российских войск с территории Черкесии, французская делегация посчитала это несвоевременным, а представитель Османской империи заявил, что «не имеет никаких претензий к Северному Кавказу и Северному Причерноморью» [9, с. 541].

Благодаря позиции французской стороны и успешной военной кампании на Кавказе, России не было предъявлено никаких территориальных претензий. Статья третья Парижского мирного договора гласила: «Его Величество Император Всероссийский обязуется возвратить Его Величеству Султану город Карс с цитаделью оного, а равно прочие части Оттоманских владений, занимаемые Российскими войсками». В статье же четвертой отмечалось: «Их Величества Император Французов, Королева Соединенного Королевства Великобритании и Ирландии, Король Сардинский и Султан обязуются возвратить Его Величеству Императору Всероссийскому города и порты: Севастополь, Балаклаву, Камыши, Евпаторию, Керчь-Еникале, Кинбурн, а равно и все прочие места, занимаемые союзными войсками» [14, с. 312-320]. Фактически, сухопутную крепость Карс обменяли на морскую крепость Севастополь.

Таким образом, Кавказ был одним из важных регионов, где развернулись действия Крымской войны. Россия, Турция и Великобритания рассматривали данную территорию как зону своих стратегических и геополитических интересов. Однако, благодаря победам Кавказского корпуса, российским дипломатам удалось значительно смягчить статьи Парижского договора, а, следовательно, и неудачу всей Крымской войны. Конгресс, носивший характер всеевропейской конференции, зафиксировал принадлежность Кавказа России и как международно-правовую реальность, фактически подтвердив условия прежних двусторонних договоров, создал внешнеполитические предпосылки превращения Кавказа в неотъемлемую часть Российской империи.

Список литературы:

1. Бушуев С. К. Из истории внешнеполитических отношений в период присоединения Кавказа к России. 20-е – 70-е гг XIX века. М., 1955.
2. Вачагаев М. Чечня в Кавказской войне XIX века: события и судьбы. К., 2003.
3. Виноградов К. Б., Суртаев П. Б. Королева Виктория, принц-супруг Альберт и Крымская война. // Новая и Новейшая история. 2004. № 2.
4. Гаммер М. Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму. Завоевание Чечни и Дагестана. М., 1998. 512 с. [Электронный ресурс] // Сайт «Военная литература» Режим доступа: http://militera.lib.ru/research/gammer_m/index.html
5. Георгиев В. А., Георгиева Н. Г. Кавказская война (1829 – 1860) // Сборник русского исторического общества: Россия и Северный Кавказ. Т. 2. М., 2000.
6. Дегоев В. В. Военная тревога 1837 года: к истории англо-русского инцидента со шхуной «Виксен» // История СССР. 1985. № 3.
7. Дегоев В. В. Имам Шамиль: пророк, властитель, воин. М., 2001.
8. Дегоев В. В. Россия и Кавказ XVIII – первой половины XIX вв. // Большая игра на Кавказе: история и современность. Статьи, очерки, эссе. М., 2003.
9. История дипломатии. Сост. Б. Я. Галина, Е. А. Гутерман, Б. А. Кашеницкий, В. И. Мендельсон. М., 1959.
10. Киняпина Н. С., Блиев М. М., Дегоев В. В. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России. Втор. пол. XVIII – 80-е гг. XIX вв. М., 1984.
11. Милютин Д. А. Воспоминания. 1843 – 1856 гг. М., 2000.
12. Орлик О. В., Пономарев В. Н., Сытин А. Н. История внешней политики России. От войн России против Наполеона до Парижского мира 1856 г. М., 1995.
13. Покровский Н. И. Кавказские войны и имамат Шамиля. М., 2000.
14. Парижский трактат. 18 (30) марта 1856 г. // Хрестоматия по истории России с древнейших времен до наших дней. Сост. А. С. Орлов, В. А. Георгиев, Н. Г. Георгиева, Г. А. Сивохина. М., 1999.
15. Тарле Е. В. Крымская война. Т. 2. М. - Л., 1950.
16. Хибберт К. Крымская кампания 1854-1856 гг. М., 2004.
17. Шеремет В. И., Георгиев В. А., Киняпина Н. С., Панченкова М. Т. Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII – нач. XIX вв. М., 1978.

**УИНСТОН ЧЕРЧИЛЛЬ И ПРОЕКТЫ
САМОУПРАВЛЕНИЯ ИНДИИ В 1920-1940 ГГ.**

ШАМРИН О.А.

Крымское республиканское учреждение «Ливадийский дворец-музей»

Исторический закон суров - все империи в истории человечества, достигнув пика своего развития, в конце концов, гибнут. Британская империя – крупнейшая колониальная империя – не стала исключением. Пережив пик своей мощи в конце XIX - начале XX веков, она распадается к середине XX века. Стоит отметить, что распад Британской империи имел ряд особенностей:

1) он не привел к катастрофическим последствиям для метрополии;
2) в отличие от распада других империй в XX веке, не носил столь кровопролитный характер;

3) На обломках Британской империи возникла качественно новая интеграционная структура – Содружество Наций, в состав которой вошла большая часть бывших колоний.

Можно сказать, что Британская империя распалась «плавно», хоть и болезненно, но без катастрофических последствий для имперского центра. Британская политическая элита проявляла в имперском вопросе относительную гибкость. Примечательно, что идея наделения ряда наиболее развитых в экономическом плане колоний империи автономистскими полномочиями возникла в метрополии не в кризисный для империи период, а напротив, на этапе роста ее могущества - в викторианскую эпоху - 80-е гг. XIX века. Настоящий реформаторский всплеск проявляется между двумя мировыми войнами. Законодательно оформляется статус доминионов и объединяющей их с метрополией интеграционной структуры. С другой стороны, реализуются проекты реформирования управления колоний империи. Впрочем, среди британского истеблишмента существовал целый спектр взглядов по вопросу о будущем империи: от мнений, предполагавших кардинальное реформирование империи до идей сохранения ее «в прежнем виде», которой придерживались политики правоконсервативного крыла, отстаивавшего идеалы прошлой викторианской эпохи.

Наличие целого спектра мнений по колониальному вопросу оказало влияние на реализацию правительством в 20-30 гг. XX в. проектов модернизации империи. Показательным примером в этом отношении в межвоенный период занимала Индия - «Жемчужина Британской короны» – одна из обширнейших по территории и ценнейшая для метрополии часть империи. После первой мировой войны в политических кругах метрополии появляется целый ряд проектов по расширению самоуправления в Индии. В этом отношении примечательна позиция видных политических деятелей консервативного крыла британского истеблишмента по колониальному вопросу и, прежде всего, Уинстона Черчилля – в межвоенный период яркого и неординарного политика, не раз высказывавшего свое мнение по имперской проблеме. Стоит отметить, что отношение Черчилля к колониям и, в том числе к Индии сформировалось еще в его молодости, в период службы там в колониальном корпусе. По мнению исследователей, для Черчилля было аксиомой, что Британия унаследовала колонии по праву, заслужила их своим могуществом, и теперь стоит на страже уберегая их по праву сильного от «непроглядного мрака варварства» Даже когда мир неузнаваемо изменился, Черчилль все равно стремился сохранить тот образ империи, который запечатлелся в памяти молодого офицера, воевавшего среди гор и долин Северо-Западной Индии [2, с. 52].

Необходимость реформирования управления Индией была вызвана в значительной степени ростом национально-освободительного движения, выразившегося в активной деятельности оформившихся в начале XX века политических организаций, из которых лидирующими были Индийский Национальный Конгресс и Мусульманская лига. Сразу по-

сле первой мировой войны, в 1919 году, был реализован Закон (Акт) об управлении Индией, известный под названием Акт Монтегю-Челмсфорда. Целью данного проекта провозглашалась подготовка условий для создания в Индии «ответственного правительства». В соответствии с этим законом, предусматривалось некоторое расширение состава избирателей в центральное и провинциальные законодательные собрания (соответственно до 1 и 3% взрослого населения). Индийцам предоставлялись места в исполнительных советах при вице-короле и губернаторах провинций для занятия постов руководителей департаментов здравоохранения, просвещения и некоторых других второстепенных ведомств колониальной администрации [1, с. 387].

Данный проект стал шагом к более широкому привлечению индийской элиты к управлению Индией. Однако фактическая полнота власти продолжала сохраняться в руках англичан. В Индии сложилась так называемая «диархия» – структура власти, в которой выборное начало и ограниченная ответственность министров – индийцев перед законодательными собраниями сочеталась с автократической властью вице-короля и его представителей-губернаторов провинций. Очевидно, поэтому данный проект был достаточно спокойно воспринят правоконсервативными политиками, и в том числе Черчиллем. Черчилль оценил данный законопроект как «изящный акт» и некий эксперимент, который в случае несоответствия его реалиям, мог быть без труда отменен [5, р. 427].

Реализация законопроекта не смогла сбавить накал страстей в деятельности индийского освободительного движения. Конец 10-х - 20-годы XX в. это время массовых антианглийских выступлений, которые поддерживались и мусульманскими политическими организациями и Индийским Национальным Конгрессом. Активность национально-освободительного движения в Индии подталкивала британские власти к силовому решению проблемы. В апреле 1919 года в Пенджабе в городе Амритсар, в ответ на антиправительственные выступления, по приказу губернатора провинции, британские войска расстреляли мирную демонстрацию. Событие в Амритсаре вызвали общественный резонанс в метрополии. Действия британских властей осудил и Черчилль. В своей речи, произнесенной в Палате Общин и посвященной трагедии в Амритсаре, он особо отметил, что *«британская власть в Индии никогда не основывалась только на силе, что было бы гибелью для Британской империи. Британский путь всегда включал и эффективное сотрудничество с народом страны»* [3, р. 439].

Впрочем, в дальнейшем Черчилль продолжает оставаться на позициях бескомпромиссного охранителя старой империи «викторианского образца». И когда в конце 20-х годов умеренное крыло Индийского Национального Конгресса выступает за предоставление Индии статуса доминиона (автономной единицы), Черчилль выступает противником подобных перемен в особой части Британской империи. В своей статье «Статус доминиона» опубликованной в газете Дейли Мейл в ноябре 1929 г., он ярко выражает свое отношение к возможности изменения статуса Индии: *«Статус доминиона не может быть предоставлен Индии, пока она является жертвой свирепой расовой и религиозной вражды, пока индийские политические силы представляют только незначительную часть из 350 миллионов человек, населяющих страну»* [4, р. 444]. Под первым Черчилль в данном случае подразумевал перманентные распри между индуистами и мусульманами, под вторым британский политик указывал на проблему кастовости индийского общества, совсем не согласовывавшейся с идеалами западной демократии. Впрочем, противоречиями внутри индийского общества с успехом пользовались британские власти, сталкивая мусульман и индуистов, касты между собой.

Рост национально-освободительного движения в Индии заставлял британское правительство искать новые пути по урегулированию индийской проблемы. В конце 20-х гг. этот выход, казалось, был найден. Власть метрополии согласилась пойти на диалог сначала с представителями местной элиты, зачастую зависимой от британской колониальной администрации, а затем и с представителями Индийского Национального Конгресса. В 1929 году английское правительство предложило собрать на конференцию «круглого стола» представителей индийских политических организаций для обсуждения нового законодательного проекта об устройстве Индии. Во второй конференции «круглого стола» в сен-

тябре 1931 года принимал участие и лидер индийского национально-освободительного движения Махатма Ганди. В этот период на повестку дня встает вопрос о самоуправлении Индии, за что выступали деятели Индийского Национального Конгресса. Черчилль проявил себя ярким противником любых политических изменений в Индии. В 1931 году целый ряд речей он посвящает Индии. Будучи сторонником утверждения, что «*ввести демократию к востоку от Суэца невозможно*», Черчилль, не скупясь на выражения, декларирует, что Индия не может пойти по пути демократического развития Запада по причине своей отсталости. Он не рассматривает Индию как единое политическое целое, сравнивая ее с экватором. В политическом смысле Индия для Черчилля - недостижимая абстракция [5, р. 428].

Итогом деятельности конференций «круглого стола» стал новый Закон об управлении Индией, принятый в 1935 году. Несколько расширив число избирателей (12% взрослого населения) и увеличив prerogatives местных представительных органов, закон, тем не менее, сохранял принцип диархии и полноту власти в руках аппарата английской колониальной администрации.

В целом, к началу второй мировой войны проблема статуса Индии не была решена.

В период второй мировой войны, в звездный час государственной карьеры Уинстона Черчилля, изменений в колониальном вопросе не произошло. Выступая с позиций сохранения империи в неизменном виде, Черчилль весьма осторожно относился к любым проектам по реформированию управления ею. В 1942 году премьер-министр «положил под сукно» законопроект о формировании структурно нового правительства в Индии с более широким привлечением индийской элиты к государственному управлению. В сложный для Британии период второй мировой войны отсутствие подобного проекта ставило британское колониальное господство в опасное положение. Это касается, прежде всего, колоний в Азии, где формировались не только местные национальные идеи, но и имела место попытка реализации японского имперского проекта с лозунгом «Азия для азиатов». Если последний так и не состоялся, то проекты, появившиеся в кругах национальных элит колониальных стран (в том числе и Индии), так или иначе реализовались, что стало одной из главных причин распада Британской империи в послевоенные годы. Индия в этом отношении стала характерным примером.

В предкризисный и кризисный для Британии периоды ее истории наиболее дальновидные представители британской политической элиты предпринимали попытки модернизировать империю. Эти попытки выливались в проекты по реформированию управления колониями империи и предполагали наделение местной элиты частью властных полномочий центра, однако, они встречали сопротивление со стороны правоконсервативных кругов британского истеблишмента. Отношение Черчилля к проектам самоуправления в Индии стало ярким отражением столкновения консервативных и реформаторских идей по колониальному вопросу.

Источники и литература:

1. История Индии. М., 1973.
2. Роуз Н. Черчилль. Бурная жизнь. М., 2003.
3. Churchill W. Amritsar // *Compilation of the Collected Works of Sir Winston Churchill. The Library of Imperial History. London, 1974.*
4. Churchill W. Dominion Status // *Compilation of the Collected Works of Sir Winston Churchill. The Library of Imperial History. London, 1974.*
5. *Compilation of the Collected Works of Sir Winston Churchill. The Library of Imperial History, London, 1974.*

ТУРЦИЯ В ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПЛАНАХ ВЕЛИКОБРИТАНИИ В 1939-1940 ГОДАХ

Шамрин О.А.

Крымское республиканское учреждение «Ливадийский дворец-музей»

Военно-политическое планирование руководства Великобритании по отношению к Турции в начальный период Второй мировой войны определялось несколькими факторами. Во-первых, это важное геополитическое положение страны, соседствующей с ключевыми сырьевыми регионами Среднего Востока и, безусловно, выгодное стратегическое расположение Турции, контролирующей морские врата из средиземноморского региона в черноморский. Во-вторых, это возможность использования военного потенциала страны, при условии его обеспечения и дооснащения, а также создания военного блока малых держав с ее участием.

В хронологическом отрезке сентябрь 1939-го - май 1940-го года можно выделить два основных сюжета, связанных с военно-политическими планами британского Военного кабинета по отношению к Турции. Каждый из этих сюжетов определялся видением членами английского правительства военно-политической обстановки в Европе и спецификой т.н. «Странной войны».

Первый сюжет заключался в стремлении военно-политического руководства Великобритании сформировать военный блок на Балканах против Германии и ее союзников. Причем, в таком военно-политическом альянсе Турции отводилась бы одна из главных ролей. Активными сторонниками создания военно-политического блока на Балканах были первый лорд Адмиралтейства Уинстон Черчилль, государственный секретарь по делам доминионов Энтони Иден (те самые политические деятели, что будут определять военно-политическую стратегию Великобритании в последующие периоды Второй мировой войны), начальник имперского генерального штаба генерал Айронсайд. В понимании Черчилля создание Балканского блока являлось отражением исторически обоснованной и эффективной коалиционной стратегии, которую Великобритания применяла во всех крупных европейских конфликтах. Цель и суть такой стратегии он довольно четко обрисовал еще в 1936 году: *«На протяжении 400 лет внешняя политика Англии состояла в том, чтобы противостоять сильнейшей, самой агрессивной, самой влиятельной державе на континенте... Мы всегда объединялись с менее сильными державами, создавали из них коалицию, и, таким образом, наносили поражение и срывали планы континентального тирана, кем бы он ни был, во главе какой страны ни стоял»* [4, с. 97-98].

Вопрос о создании военного блока на Балканах и привлечения в него Турции нашел свое отражение в записях заседаний военного кабинета, а также докладах членов правительства - сторонников Балканского проекта. Так, 7 сентября 1939 года, на заседании Военного кабинета, начальник имперского генерального штаба генерал Айронсайд отметил, что в разворачивающихся событиях возможными британскими союзниками будут Турция, Югославия, Греция и Румыния. Из них Турция и Югославия являются самыми важными потенциальными союзниками. Тогда Айронсайд предложил предпринять шаги по укреплению военного сотрудничества с этими странами путем начала переговоров о британских военных поставках в Турцию и Югославию [7, р. 43].

Уинстон Черчилль видел основания для формирования антигерманского военного блока на Балканах в урегулировании ряда споров между странами региона, в том числе территориальных. В частности, на заседании Военного кабинета 14 сентября 1939 года Черчилль отмечал, что британское правительство должно сделать все возможное, чтобы объединить Югославию, Грецию, Турцию, Болгарию и Румынию против Германии. А для этого необходимо использовать совместное дипломатическое давление Англии, Турции и Югославии на Румынию и Болгарию в вопросе разрешения территориального спора меж-

ду ними в Южной Добрудже [7, р. 93]. В послании 16 сентября 1939 года Галифаксу Первый лорд Адмиралтейства отметил, что в случае немецкого наступления на Румынию, в боевых действиях против германских войск могут быть задействованы турецкие войска, переброшенные по болгарским железным дорогам [7, р. 102]. Однако предложения о формировании эффективного военного блока на Балканах не нашли должной поддержки у главных действующих лиц Военного кабинета Чемберлена и Галифакса. В частности, министр иностранных дел, лорд Галифакс, 14 сентября 1939 года следующим образом отметил приоритеты британской дипломатии: *«Нейтральная и дружественная Италия представляется более ценной для нас, чем вовлеченные в войну на нашей стороне Балканы. Совместить же и то и другое, практически, невозможно»* [3, с. 316]. Схожей точки зрения о концентрации дипломатических усилий не на Балканах, а на «умиротворении» Италии придерживался и премьер-министр Чемберлен. Во многом, благодаря этому, планы о создании военного блока на Балканах с участием Турции нашли свое отражение в выраженных членами военного кабинета мнениях, а не в более конкретных действиях.

Второй сюжет, связанный с военно-политическим планированием британского руководства по отношению к Турции, был связан с использованием этой страны в потенциальном противостоянии англо-французских союзников против СССР. Сентябрь 1939 года показал англичанам, что СССР может рассматриваться как партнер Германии и соответственно - потенциальный противник Англии и Франции. После пересечения 17 сентября 1939 года Красной Армией советско-польской границы, в английском правительстве активно обсуждался вопрос о реакции на советские действия. В конечном итоге, на одном из сентябрьских заседаний Военного кабинета в окончательном решении было отмечено следующее: *«...учитывая, что по англо-польскому соглашению, Великобритания не была договорным образом обязана быть вовлеченной в войну с СССР из-за агрессии против Польши, британское и польское правительства согласились в том, что это соглашение было направлено исключительно против Германии»* [1, с. 105].

Однако вопрос о возможности военного противостояния с СССР не снимался с повестки дня Верховного военного совета англо-французских союзников до наступления гитлеровских войск на Западном фронте. Не исключалась британским руководством и возможность прямого военного столкновения с СССР в стратегически важных для Англии регионах. Осенью 1939 г. при британском правительстве был создан комитет помощи Турции от агрессии Германии или России. В этот кабинет входили почти все члены Военного кабинета, курировавшие оборонные ведомства. 26 октября на заседании этого комитета отмечалась важность защиты Босфора и Дарданелл в случае советской агрессии. На заседании было также отмечено, что любая военно-морская помощь Турции, включая проход британских военных кораблей в Черное море для защиты турецких берегов, зависит от согласия турецкого правительства [7, р. 295]. В союзных штабах разрабатывались планы превентивных действий против жизненно важных объектов потенциального противника. По мнению Первого лорда Адмиралтейства, несколько британских подводных лодок своими действиями на Черном море могли парализовать советские морские нефтеперевозки [7, р. 266]. Еще в сентябре 1939 года проявилось внимание англо-французских союзников к бакинским нефтепромыслам и поиск возможных путей к выводу их из строя. Теоретическая возможность нападения с воздуха на советские нефтяные месторождения впервые была рассмотрена уже в сентябре 1939 года офицером связи между генштабом и МИ-Дом Франции, подполковником Полем де Виллелюмом.

К началу Второй мировой войны бакинская нефтяная промышленность давала 80% высокосортного авиационного бензина, 90% лигроина и керосина, 96% автотракторных масел от общего их производства в СССР. 10 октября министр финансов Франции, П. Рейно поставил перед военными конкретный вопрос: в состоянии ли французские ВВС *«подвергнуть бомбардировке из Сирии нефтеразработки и нефтеперерабатывающие заводы на Кавказе»*. Один из первых, собственно, английских документов датирован 31 октября 1939 года и представляет собой письмо министра снабжения Великобритании министру иностранных дел. *«Это письмо написано в реалистическом духе и написал его человек, который потратил очень много времени на изучение данной проблемы и пришел к убеж-*

дению в необходимости иметь определенную возможность, позволяющую лишить своего потенциального противника «карбюратора», питающего весь его механизм», - сообщал автор письма. Он отмечал, что «в армиях многих государств заведен порядок, предусматривающий составление перечня целей, подлежащих первоочередной бомбардировке силами своей авиации. Я думаю, что почти во всех случаях по общепринятому убеждению в качестве цели номер один указываются запасы нефти». В письме указывалось на уязвимость советских нефтяных источников, крупнейшим из которых отмечался Баку, а затем - шли Грозный и Майкоп. Автор констатировал, что «изучение нашим генеральным штабом вопроса... возможности уничтожения нефтяных источников, могло бы оказаться очень эффективным средством устрашения. Если уничтожить русские нефтепромыслы (а все они представляют собой разработки фонтанирующего типа и поэтому могут быть очень легко разрушены), нефти лишится не только Россия, но и любой союзник России, который надеется получить ее у этой страны». В письме были указаны расстояния от некоторых пограничных пунктов Турции и Ирана до Баку, Майкопа и Грозного. Автор предлагал британскому и иранскому генеральному штабу совместно рассмотреть возможность бомбардировки советских объектов, подчеркивая, «что чрезвычайно важно иметь в наших руках своего рода козырь при осуществлении сделок с СССР». Копия этого письма была направлена 6 ноября 1939 года министром иностранных дел Великобритании в Военный комитет начальников штабов, разведывательному подкомитету для проверки изложенных фактов и объединенному подкомитету по планированию с целью изучения стратегической стороны данной проблемы и подготовки проекта доклада.

Особо активный характер разработка планов, предполагающих военные акции против СССР, приобретает с конца 1939 года. В конце ноября 1939 года началась советско-финская война. Англия и Франция декларировали свою поддержку Финляндии. Причем, в планах англо-британского командования, разработанных во время советско-финской войны, предполагался комбинированный удар с севера и юга России. Французский генштаб предлагал тогда захватить Мурманск, Петсамо, а на юге с помощью Турции пройти через Кавказ. И эти два направления удара должны были бы сойтись восточнее Москвы. Из документов английского военного кабинета от 6 декабря следовало, что в Лондоне предполагалось создать на Ближнем и Среднем Востоке "систему против СССР". 19 декабря английский посол в Анкаре Х. Нэтчбулл-Хьюгессен сообщал о переговорах английских, французских и турецких представителей об укреплении турецких войск у советских границ за счет англо-французских поставок и о секретных турецких мерах по подготовке антисоветского восстания местного населения в приграничных советских районах.

24 декабря военный атташе Франции в СССР генерал Паллас Огюст Антуан в ответ на запрос от 19 декабря министра национальной обороны и вооруженных сил Франции и 2-го отделения бюро Генерального штаба французской армии направил в Париж сведения о театре советских операций на Южном Кавказе, где рассматривался и вариант, что СССР, в случае наступления военных действий, может предпринять оккупацию «части Турецкой Армении и Иранского Азербайджана, включающих авиа- и гидроавиабазы, представляющие угрозу району Баку» для «обеспечения безопасности района, жизненно важного для России, который включает центры нефтяной промышленности на Кавказе». Именно о нанесении удара по этим разработкам через Турцию шла речь в документе французского Генштаба от 30 декабря. 31 декабря в Анкару прибыл английский генерал С. Батлер для обсуждения проблем англо-турецкого военного сотрудничества прежде всего против СССР, в частности, вопроса об использовании англичанами аэродромов и портов в Восточной Турции

11 января 1940 года английское посольство в Москве сообщало, что акция на Кавказе может «поставить Россию на колени в кратчайшие сроки», а разбомбление кавказских нефтепромыслов способно нанести СССР «нокаутирующий удар». 15 января генеральный секретарь французского МИДа Леже сообщил американскому послу У. Буллитту, что Даладье предложил направить в Черное море эскадру для блокады советских коммуникаций и бомбардировки Батуми, а также атаковать с воздуха нефтеразработки Баку. Причем, целью этих операций не являлось только лишь предотвращение поставок нефти из СССР в Гер-

манию. 24 января начальник имперского генерального штаба Англии генерал Айронсайд представил военному кабинету меморандум «Главная стратегия войны», где указывал следующее: *«при определении нашей стратегии, в создавшейся обстановке будет единственно верным решением считать Россию и Германию партнерами»*. Стоит отметить, что английские и французские планы разрабатывались, практически, с абсолютной синхронностью во времени. Примерно одинаковым разработчикам казался и практический план осуществления поставленной задачи [2].

28 февраля штаб ВВС Франции подготовил документ, в котором содержались уже конкретные расчеты о силах и средствах, необходимых для разрушения нефтеперерабатывающих установок Баку, Батуми и Потти. Начались англо-французские переговоры по этому вопросу. 7 марта состоялось совещание генерала Вейгана с командующими английскими и французскими ВВС на Ближнем Востоке. Генерал Митчелл, представляющий Великобританию, информировал Вейгана, что получил из Лондона указания о подготовке к возможной бомбардировке и прибыл в Бейрут по пути в Анкару. Митчелл сказал, что намерен просить начальника генштаба турецкой армии маршала Чакмака разрешить осмотреть турецкие аэродромы, могущие быть использованы для промежуточных посадок самолетов, вылетающих из Джебзире. База Джебзире находилась на северо-востоке Сирии, и Митчелл с разрешения Вейгана побывал на этом аэродроме французских ВВС [2].

В мартовском докладе английский комитет начальников штабов представил правительству доклад под названием «Военные последствия военных действий против России в 1940 году». В докладе говорилось: *«Фундаментальной слабостью русской экономики является зависимость от поставок нефти с Кавказа. От них зависят вооруженные силы. Русское сельское хозяйство механизировано... 80% добычи нефти и 90% предприятий по переработке нефти сосредоточены на Кавказе. Крупномасштабное нарушение поставок нефти из этого региона будет поэтому иметь далеко идущие последствия для советской экономики»*. Если произойдет сокращение нефтедобычи, то *«может произойти полный крах военной, промышленной и сельскохозяйственной систем России»*. Рассматривалось три варианта ударов: *«во-первых, нападением с воздуха, во-вторых, действиями военноморских сил в Черном море и, наконец, действиями турецких сухопутных сил из Восточной Анатолии»*... *«Наиболее уязвимыми целями на Кавказе являются нефтепромышленные районы в Баку, Грозном и Батуми»*, - подчеркивалось в докладе. В нем отмечалось: *«План нападения на эти объекты в настоящее время разрабатывается штабом ВВС на Среднем Востоке, а также рассматривается в министерстве авиации. По имеющимся оценкам, уничтожение основных нефтеперерабатывающих заводов может быть достигнуто путем непрерывных операций в течение нескольких недель силами не менее чем трех бомбардировочных эскадрилий... Три эскадрильи самолетов "Бленхейм Mk-4" могут быть предоставлены из сил метрополии, и, если все подготовительные работы будут осуществлены сразу, они к концу апреля будут готовы к действию с баз в Северном Ираке или Сирии»* [5, с. 53].

12 марта 1940 года СССР заключил мир с Финляндией. Но заключение с Финляндией мирного договора не сняло с СССР проблему противостояния с англо-французскими союзниками. Дипломатические отношения между Советским Союзом и двумя этими западными странами достигли критической точки - английский посол выехал из Москвы, советский полпред во Франции 19 марта был объявлен "персоной нон грата". Правительственный кризис во Франции привел к падению кабинета Э. Даладьё, обвиненного в недостаточной помощи Финляндии, и к власти пришло правительство во главе с П. Рейно. Тем не менее, пик обсуждения планирования военных акций против СССР пришелся на вторую половину марта, именно тогда на первое место вышел проект бомбардировки нефтепромыслов в Закавказье и активного привлечения Турции к наземным операциям. Более того, союзное командование касалось этого плана вплоть до мая 1940-го — наступления германских войск в Западной Европе, когда союзникам стало уже не до военных акций против СССР.

Итак, союзное командование имело довольно детальные планы военной акции против СССР, предполагающие вовлечение в эти акции стран Среднего Востока, и прежде

всего — Турции. Но эти планы не были реализованы. Среди причин того, что планы англичан и французов так и не были воплощены в жизнь, следует отметить следующее:

1. Инертность союзного командования: планирование операции и принятие решений по планам затянулось с конца 1939 года, вплоть до первой декады мая 1940 г., и было прервано германским наступлением

2. Позиция ряда стран Среднего Востока и, прежде всего, Турции, не проявлявшей большого рвения в помощи союзникам и предпочитавшей держать нейтралитет. Турция вела очень осторожную политику. Англо-франко-турецкий договор от 17 октября 1939 года предусматривал сотрудничество и взаимодействие трех держав в случае агрессии в Средиземноморье. Но в специальном протоколе к договору было зафиксировано, что *«обязательства, принятые на себя Турцией, в силу вышеупомянутого договора, не могут принудить Турцию к действию, результатом или последствием которого будет вовлечение ее в вооруженный конфликт с СССР»*. 28 марта 1940 года посол Франции в Анкаре направил на Кэ д'Орсе пространную депешу, в которой изложил позицию Турции по отношению к СССР, и высказал свое мнение о планируемых операциях союзников в Закавказье. Не касаясь военно-технических аспектов намечавшихся военных действий, Массигли обращает внимание министерства иностранных дел на политические и дипломатические трудности в отношениях с Турцией. Посол высказал мнение, что, несмотря на существование в турецких официальных кругах определенной враждебности к Советскому Союзу, правительство Турции проявляет осторожность и не склонно участвовать в сомнительных операциях на Кавказе, исход которых не ясен. 27 марта 1940 года один из секретарей Военного кабинета Дж. Колвилл записал в своем дневнике: *«Вопрос о бомбардировке Баку и действиях подводных лодок против советских танкеров зависит от отношения Турции. Наш посол в Анкаре сомневается что турки согласятся содействовать нам сейчас»* [6, с. 39]. Однако Турция давала возможность для пролета разведывательных самолетов союзников над своей территорией. В середине апреля 1940 года иностранные самолеты проникли со стороны Турции и Ирана в воздушное пространство СССР и совершили разведывательный полет над Батумом. 14 апреля советское правительство вручило послу Турции в Москве ноту протеста в связи с этим инцидентом. Реакция Анкары была немедленной. Турецкий МИД заявил протест английскому правительству (самолеты-разведчики принадлежали английским ВВС) и предупредил англичан о недопущении подобных фактов в будущем.

Противоречив вопрос о самом характере этой акции. Хотело ли в действительности политическое руководство этих стран провести военную акцию против Советского Союза, либо это была провокация (уж слишком публичной было обсуждение данной акции, слишком частыми утечки в прессе), и целью этих действий было создать условия для перемирия на Западном фронте и перенаправить Германию на Восток? Английский историк А. Тейлор дает следующее толкование замыслам Англии и Франции: *«... Переключение войны на антибольшевистские рельсы, с тем, чтобы война против Германии могла быть окончена и даже забыта»*.

Источники и литература:

1. Безыменский Л. А. Великая Отечественная в...1940 году? // Международная жизнь. 1990. № 8.
2. Степанов А. "Кавказский кризис" или англо-французская воздушная угроза СССР в 1939-1940 гг. [Электронный ресурс] // ВВС России: люди и самолеты. Режим доступа: <http://www.airforce.ru/history/caucasus/caucasus1.htm>
3. Уткин А.И. Черчилль: победитель двух войн. Смоленск, 1999.
4. Черчилль У. Вторая мировая война. (В 3-х книгах). Кн. 1. Т.-I-II. М., 1991.
5. Якушевский А. Агрессивные планы и действия западных держав против СССР в 1939-1941 гг. // Военно-исторический журнал. 1981. №8.
6. Colville J. Fringes of Power. Dawning Street Diaries 1939–1955. London, 1985.
7. The Churchill War Papers. At the Admiralty. Volume 1. London: Heineman.1993.

V
НАУЧНОЕ
ТВОРЧЕСТВО
СТУДЕНТОВ

ДОКТРИНА ТРУМЭНА КАК ПРЕДПОСЫЛКА НАЧАЛА ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

ЗУСМАНОВИЧ Д.Д.

Филиал МГУ им. М.В. Ломоносова в г. Севастополе

Для лучшего понимания доктрины Трумэна, стоит обратиться к ее истокам, т.к. появление данного документа стало результатом резкого изменения вектора внешней политики США. Поэтому необходимо найти первопричину тех противоречий, которые начали складываться между двумя сверхдержавами в годы второй мировой войны.

После войны перед Вашингтоном, как самопровозглашенным центром мира, стояли три главные цели: *«проблема самостоятельности большого и победоносного Советского Союза; создание плотины на пути левых сил в мире с сохранением базовых основ прежнего порядка; замена западноевропейского колониализма новой международной системой, базирующейся на Организации Объединенных Наций»* [7, с. 4]. В системе ООН Америка отводила себе главенствующую роль.

Стратегия глобальной экспансии принесла в американскую дипломатическую практику правило двойного стандарта. Соединенные Штаты на словах в категорической форме выступили против создания сфер влияния и образования блоков. А на деле США уже доминировали в западном мире, взяли под контроль многие прежние части Британской империи, питали надежды на занятие места Франции и других западноевропейских колониальных метрополий в их важнейших владениях. Западное полушарие США рассматривали уже как свою заповедную зону. Все это никак не укладывалось в рамки провозглашаемых ими демократических принципов. Если Соединенные Штаты стремились к доминированию в далеком Китае, то это подавалось как «содействие прогрессу человечества», а если СССР был озабочен безопасностью своих границ, то это освещалось как его «выход на большую дорогу экспансии» [7, с. 129]. Правило двойного стандарта стало внутренней сущностью послевоенной американской дипломатии.

Но возникает вопрос: чем была вызвана столь резкая перемена отношений между двумя «вчерашними союзниками»? В отечественной историографии существует мнение о том, что с приходом к власти Г. Трумэна в американской политике произошли необратимые изменения, которые повлияли на изменения в международной обстановке. Ранее отношения СССР и США держались лишь на личностных связях лидеров двух государств: И.В. Сталина и Ф. Рузвельта. Как пишет в своей работе Артур Шлезингер: *«Рузвельт до конца сохранял определенную способность влиять на Сталина; показателем этого может служить номинальное советское признание американского универсализма вплоть до Ялты. И именно поэтому смерть Рузвельта имела столь критические последствия — не в том вульгарном смысле, что-де преемник его развернул политику на 180 градусов, чего на самом деле не было, а в том смысле, что никакой другой американец не мог надеяться оказывать столь сдерживающее влияние на Сталина, какое, возможно, некоторое время оказывал Рузвельт»* [10].

Мысль вполне обоснованная, но, несмотря на личные связи лидеров, советско-американская конфронтация была неизбежной: перед каждой страной стояли конкретные цели, и их достижение было важнейшим приоритетом для лидеров двух стран.

В конце второй мировой войны в Вашингтоне утвердились несколько мифологем. Во-первых, Европа периода 1914-1945 гг. ослаблена радикально и надолго. Центр мира переместился за океан, и США не должны бездарно повторить отход от глобализма, выразившийся в отказе от поддержки президента Вудро Вильсона в 1919 г.

«Во-первых, американцы утвердятся на всех континентах и предложат свои решения основных спорных проблем от Филиппин до Греции. Новый американский интервенционизм получит массовую поддержку в США.

Во-вторых, США заполняют вакуум, образовавшийся после крушения Германии и Японии. В Европе американскими сателлитами станут союзники и жертвы Германии. Поражение же Японии выдвинет вперед в Азии сателлита американцев Чан Кайши и всех потенциальных партнеров воинственного Токио по «великой азиатской сфере сотрудничества». Тихий океан превратится в американское озеро, а окружающие народы будут получать от американцев все — начиная с конституции, и кончая долей американского рынка.

В третьих, Россия, ощутившая благоприятные стороны ленд-лиза, будет смиренно ждать помощи и в более широком смысле. Она будет строить свою безопасность на основе дружественности Америки, у нее не будет альтернативы следованию в фарватере США по всему периметру советских границ. Ослабленная чудовищными испытаниями, Москва вынуждена будет пойти на любые уступки при решении германского вопроса, на Балканах, в Польше, на Дальнем Востоке. А иначе ей не видать экономической помощи при восстановлении страны, не получить весомой доли репараций из Германии. Она лишится полностью влияния в таких странах, как Иран и не получит прежде обещанной помощи в турецких проливах.

В четвертых, Атомное могущество нивелирует любые попытки подорванных войной великих держав восстановить долю мирового баланса. Отсталой стране, такой как Россия, понадобятся многие десятилетия для создания своего «абсолютного» оружия, русским не под силу пройти путь американской науки 1939-1945 гг., требующий чудовищной концентрации ресурсов и адекватных научных кадров. Атомная бомба станет неоспоримым аргументом американской дипломатии, тем «козырным тузом», который поможет Америке во всех спорных вопросах». [9, с. 311].

Эти мифологемы следует проанализировать. Если первые два пункта были легко осуществимы: действительно, после войны экономическая мощь США была беспрецедентна, смещение Мирового центра за океан тоже вполне обоснованно, ни одно из европейских государств не могло претендовать на статус сверхдержавы. Но вот в третьем и четвертом пунктах, вставляли неразрешимые проблемы. «Нажать» на СССР с помощью экономического рычага не получилось. Россия, как и после первой мировой войны, показала себя самодостаточной и сумела выйти из послевоенного кризиса. Что касается ядерного оружия, то СССР стал единственной страной, которая могла создать ядерную бомбу в кратчайшие сроки. В европейской политике интересы двух супердержав снова схлестнулись в жесткой борьбе за сферы влияния. Сказанное означает, что кто бы ни стоял во главе государства, столкновение было неизбежно, вопрос заключался лишь в том, когда это случится.

В феврале 1947 года правительство Великобритании сняло с себя обязательства по оказанию помощи Греции и Турции, а это означало, что помощь в развитии этих стран возьмет на себя США.

По мнению правительства Соединенных Штатов, опасность для этих государств представляло распространение коммунизма в регионе, причиной для беспокойства политиков в США стала активизация прокоммунистического национального фронта освобождения Греции, а также стремление правительства СССР установить русско-турецкий контроль над Дарданеллами. Как отмечал один из разработчиков доктрины Трумэна Дин Ачесон, «в случае «потери» Греции и Турции, коммунизм широко распространится по всему азиатскому региону, включая Иран и Индию» [9]. Срабатывала так называемая теория домино, вследствие чего, американскому правительству было необходимо предпринять шаги по защите данного региона всеми доступными средствами.

В это время и появляется внешнеполитическая концепция, которая будет определять американскую внешнюю политику в ближайшие десятилетия. «Доктрина Трумэна» провозглашала, что США должны помочь любому государству, которое не имеет возможности на самоопределение в силу экономических или внешнеполитических причин. Широковещательное провозглашение новых задач нужно было американскому правительству, помимо прочего, для того, чтобы получить поддержку общественного мнения и конгресса: сохранение глобальной зоны влияния, создание новых структур, мобилизация военных

сил и резкое увеличение экономической помощи (становившейся в то время важнейшим рычагом внешнеполитического воздействия) требовали новых бюджетных расходов.

Далее следует обратиться непосредственно к тексту речи Г. Трумэна на заседании Конгресса 12 марта 1947 г. В начале этого обращения говорилось о страшной опасности, грозившей Соединенным Штатам Америки: *«Серьезность ситуации, сложившейся сегодня в мире, требует моего выступления перед объединенной сессией Конгресса. Внешняя политика и национальная безопасность нашей страны находятся под угрозой»* [3]. Но что могло представлять угрозу национальной безопасности США, страны не имевшей себе равных как по экономической, так и по военной составляющей, ведь *«...после второй мировой войны, экономика Америки была независимой от экономики всех других стран и в одиночку обеспечивала более 50% мирового ВВП»* [1, с. 16]?

Угрозу США представлял Советский Союз, который, будучи победителем во второй мировой войне, претендовал на статус сверхдержавы, проводя активную и независимую внешнюю политику. Беспокойство американской администрации было вызвано так называемой «агрессией» СССР в Европе и возможным началом очередной мировой войны, инициатором которой, по мнению американцев, станет Советский Союз. Ситуация в Греции и Турции в 1947 году была воспринята как начало советской экспансии.

Однако, эта убежденность американской администрации не имеет под собой оснований. Достаточно взглянуть на статистику: *«Демобилизация началась сразу же после окончания войны — 23 июня, и демобилизация осуществлялась быстро. К началу 1948 года в вооруженных силах СССР служили 2 874 000 человек. В вооруженных силах Соединенных Штатов в 1947 году служило сопоставимое число военнослужащих — 1 070 000 в сухопутных силах, 558 000 — во флоте, 108 000 в военно-морской пехоте»* [7, с. 214]. Что касается военно-морских сил, перевес был на стороне Соединенных Штатов: *«США и Британия имели 57 авианосцев всех классов и 7700 палубных самолетов, в то время как СССР не имел ничего. США и Британия имели 405 подводных лодок, СССР — 173; соотношение линейных кораблей и больших крейсеров — 36:11; крейсеров — 135:10. Эсминцев и кораблей эскорта — 1059:57. Советский Союз не имел десантных судов, тогда как у США их было 1114 плюс 628 транспортных судов»* [7, с. 231]. Не стоит забывать о наличии у Соединенных Штатов ядерного оружия, а также стратегической авиации и, как показано выше, авианосных соединений, которые могли решать боевые задачи в любой точке мира. Что касается Советского Союза, то ни первого, ни второго, ни третьего у него не было. Это означает, что в случае конфликта с США, Советский Союз был очень уязвим. Не может быть и речи о какой-либо угрозе самим Соединенным Штатам.

Чего же так боялось правительство США? В тот момент наибольший интерес для американцев представляла Европа, так как ни одно государство Старого Света не могло претендовать на статус сверхдержавы и, как не парадоксально, две «не европейские» державы поделили Европу на сферы влияния. Несомненно, геополитические интересы Америки в Европе были чрезвычайно велики и в тот исторический момент приоритетны. В случае конфликта с СССР, в довольно короткий промежуток времени, союзники могли потерять этот регион. Здесь снова следует обратиться к статистике: *«Западные державы имели 375 тысяч солдат оккупационных войск в Германии и Австрии в 1947-1948 гг., в то время как другие страны в Западной Европе (исключая Британию) насчитывали около 400 тысяч»* [7, 217]. Пожалуй, не надо быть военным экспертом, чтобы сделать вывод о том, что Сталин не планировал каких-либо агрессивных действий в Европе, тем более развязывание Третьей Мировой войны. Для Советского Союза это, несомненно, обернулось бы катастрофой.

Но вернемся к Доктрине Трумэна и рассмотрим ее основные позиции и формулировки.

1. *«Считаю, что политикой Соединенных Штатов должна стать поддержка свободных народов, выступающих против подчинения вооруженному меньшинству в своих странах или же давления извне.*

2. *Считаю также, что мы должны помогать свободным народам в определении их судьбы в соответствии с принятыми ими решениями»* [3].

Эти два пункта являются ключевыми. По существу, являют собой декларацию войны против любого влияния СССР за пределами границ, установленных в 1945 году. Война за сферы влияния постепенно переросла в нечто большее, а именно, в противостояние двух сверхдержав в течение более пятидесяти лет. А начало было положено в феврале 1947 года. Греции и Турции Соединенными Штатами была оказана не только финансовая помощь в размере 400 миллионов долларов, но также и военная. В самом обращении президент Г. Трумэн открыто говорит об отправке воинского контингента для защиты этих государств: *«...я прошу конгресс санкционировать направление гражданского и военного персонала в Грецию и Турцию по просьбе этих стран»* [3]. Как справедливо отмечал Джордж Кеннан: *«Такие высказывания ставили нашу помощь Греции в рамки универсальной политики и специального решения, принимаемого в специфических обстоятельствах. А это означало: так, как мы собирались поступить с Грецией, мы готовились поступить и с любой другой страной — в случае, если ей будет угрожать захват власти вооруженным меньшинством населения или давление извне»* [5].

Далее вопрос был в том, смогут ли США вмешиваться во всё и везде. Обладая огромным экономическим потенциалом, США стремились реализовать его во внешней политике. Но вскоре стало очевидно, что действовать только с позиции силы невозможно. Корейская война стала доказательством этого. Доктрину Трумэна критиковали даже в самих Соединенных Штатах: в частности, один из ее авторов, Д. Ачесон высказывал о сказанном президентом Г. Трумэном следующее мнение: *«сказанное президентом является, по сути дела, незаполненным бланком»*. А на заседании сенатского комитета по иностранным делам 24 марта 1947 года он заявил: *«Наша готовность оказывать помощь другим странам не означает, что она будет такой же, как это предусмотрено для Греции»* [3]. Справедливое уточнение, так как вряд ли США собирались выделять 400 миллионов долларов, например, для стран Африки, которые не имели возможности для самоопределения из-за угнетения со стороны соседей.

В этот момент проявляется нежелание Америки идти на компромисс, предельно жесткая политика по отношению к Советскому Союзу, т.к., по мнению президента Г. Трумэна, вести конструктивный диалог со Сталиным невозможно. Его политика в отношении СССР всегда была однозначной: *«нет сомнений в том, что Россия намеревается вторгнуться в Турцию и захватить черноморские проливы до Средиземноморского побережья. Если России не противопоставить военный кулак и жесткий язык, то начнется новая война. Они понимают только один язык — сколько вы имеете дивизий? Я не думаю, что мы должны стремиться к компромиссу»* [7, с. 195].

В этом заявлении правительство США открыто заявляет о «стремлении к экспансии» в отношении своего недавнего союзника – СССР. Стремление к созданию зоны американского влияния в глобальном масштабе сопровождалось ростом яростного антисоветизма. Аналогично, в XXI веке, для поддержания своего влияния в мире и оправдания агрессивных действий, правительство США прикрывается лозунгом борьбы с терроризмом. В послевоенный период для создания проамериканского порядка в мире Соединенным Штатам нужен был предлог, оправдывавший их действия. Он был найден в надуманной коммунистической агрессии, которая якобы угрожает всему миру.

В послевоенный период никаких далеко идущих планов по созданию гегемонии в мире у Советского союза не было. Задача была одна: добиться мира и стабильности. Основные направления политики СССР И.В. Сталин обозначил 9 февраля 1946 года: *«Главная задача страны на грядущие годы – реконструкция»* [7, с. 206]. Также говорилось о принятии пятилетнего плана по восстановлению страны, опираясь только на собственные силы. На западе по какой-то причине приняли это заявление как подтверждение агрессивной политики СССР, трактуя его как возврат к политике изоляционизма. Судья Верховного Суда США Уильям Дуглас сказал министру военно-морского флота, что *«это объявление третьей мировой войны»*. Речь Сталина - объективная реакция на политику США, так как помощи ждать стало неоткуда, кредитов на послевоенное восстановление Америка давать СССР не собиралась, и стало очевидно, что восстанавливать страну придется самим. К проблеме послевоенного обустройства советского государства Америка

прибавила проблему изоляционизма, которую сама навязала СССР, а также жесткую внешнюю политику, сформулированную в «Доктрине Трумэна».

Также в период правления Г. Трумэна появился на свет еще более интересный документ, в котором открыто говорилось о том, что СССР является основным противником Соединенных Штатов Америки. Более того, рассматривался вопрос о мере и способах противодействия Советскому Союзу. Документ назывался «Директива Совета Национальной Безопасности №68».

31 января 1950 г. Г. Трумэн направил секретное указание в Совет Национальной Безопасности США, поручив ему разработать директиву, которая содержала бы всесторонний анализ политических, стратегических, экономических и психологических целей США. В этом документе присутствует анализ возможных вариантов развития событий в новой геополитической обстановке, экономического и военного потенциала СССР и США к 1950 году. Этот документ имеет огромное геостратегическое значение, его можно поставить в один ряд с «Доктриной Трумэна». Но если в Доктрине СССР не был назван как враг США, для борьбы с которым необходимо применить все возможные средства, как экономические, так и военные, то в директиве СНБ-68 уже напрямую говорится о противостоянии Советскому Союзу.

«1. Мы должны наращивать свой потенциал, утверждая наши ценности в жизни, а также развивать нашу военную и экономическую мощь.

2. Мы должны построить успешно функционирующую политическую и экономическую системы в свободном мире. Лишь с помощью подтверждения на практике, как за рубежом, так и дома, наших основных ценностей, мы сможем сохранить свою собственную целостность, что будет означать крах основного плана Кремля.

3. Помимо утверждения наших ценностей, наша политика и действия должны быть направлены на то, чтобы вызвать коренные изменения в характере советской системы, срыв планов Кремля - это первый и важнейший шаг к этим изменениям. Совершенно очевидно, что это обойдется дешевле и будет более эффективно, если изменения явятся результатом действия внутренних сил советского общества» [4].

Это был курс на быстрое увеличение стратегической мощи США параллельно с укреплением военного потенциала главных их союзников. В конечном счете, он стал генеральным направлением американской внешней политики с 1950 года и до конца 60-х годов. Творцы СНБ-68 выступили за долгосрочную программу американского вооружения (в ходе которой США должны были оставить СССР в «холодной войне» далеко позади), за помощь союзным державам повсюду в мире, за усилия по более жесткому контролю над мировым развитием, дабы избежать провалов, подобных китайскому. По существу этот документ впервые в практике американской внешней политики без обиняков и оговорок обосновывал полицейские функции США повсюду в мире. Именно СНБ-68 нес в себе зародыш будущих войн в Корее и Вьетнаме.

Основная направленность директивы СНБ-68 состоит в наращивании военного потенциала. Упор делается на тот факт, что США выделяют недостаточно средств для военной промышленности, а СССР во многом опережает США: *«В настоящее время Советский Союз выделяет почти 40 процентов от общего объема доступных ресурсов на военные цели и инвестирование, большая часть которого идет в военно-промышленный комплекс. Согласно имеющимся оценкам, в чрезвычайной ситуации Советский Союз уже не смог бы поднять эту планку значительно выше 50 процентов, т. е. лишь на одну четверть. Соединенные Штаты в свою очередь выделяют лишь около 20 процентов от своих ресурсов на оборону и инвестирование»[4].*

Путь решения этой проблемы лежит в быстром наращивании военного потенциала, с целью взятия ситуации под контроль США в качестве мирового лидера, о чем откровенно говорится в тексте директивы: *«В тесном мире, который стоит сейчас перед угрозой ядерной войны, простого отслеживания планов Кремля уже недостаточно, так как отсутствие порядка в международных отношениях приобретает форму, с которой уже нельзя не считаться. Этот факт накладывает на нас, что к тому же в наших же собственных интересах, обязательства мирового лидерства. А это требует от нас усилий,*

подразумевающих соответствующие риски, в интересах восстановления порядка и справедливости средствами, согласующимися с принципами свободы и демократии» [4].

По мнению авторов документа, средства для достижения свободы, справедливости и демократии состояли в наращивании ядерного потенциала и ускоренной разработке термоядерного оружия. Такая примитивность восприятия сложной, многообразной, многоплановой ситуации в мире была весьма опасна. Колоссальные ресурсы Америки ставились на защиту существующего порядка; любая перемена регионального масштаба, будь то изменение ориентации одной из «периферийных» стран, отказ от предоставления американцам баз или просто политические колебания в правительстве какой-либо далекой страны, воспринималась сугубо в контексте американо-советского противоборства, как победа или поражение той или иной стороны.

При такой постановке вопроса любое изменение в мире могло привести в действие силы, способные стать носителями общего ядерного конфликта. Возможность ведения конструктивного диалога также полностью отвергалась, так как, по мнению американского правительства, Кремль не был способен к достижению каких-либо долгосрочных решений, а если они и были достигнуты то он тут же их нарушал: *«Не следует требовать от Советского Союза чего-либо кроме этого и конструктивного сотрудничества в рамках международной организации. Эти условия заведомо неприемлемы для Кремля, и даже если он согласится с ними, вряд ли он будет добросовестно относиться к их выполнению. Вот тогда-то и станет очевидна неспособность Кремля к позитивному партнерству без радикального изменения политического курса, а следовательно, и всей системы» [4].* Но тут же говорится о нецелесообразности вообще вести переговоры с СССР, не из-за несогласия Кремля на диалог, а поскольку, переговоры – недостаточно эффективное средство для достижения поставленной цели: *«...переговоры не должны восприниматься как полноценная программа действий. Переговоры - это лишь средство, способствующее наращиванию сил, обретению более выгодных позиций в холодной войне и снижающее риск реальной войны» [4].*

При такой формулировке не оставалось сомнения в том, что строительство «демократического мира» по американским рецептам будет осуществляться военными средствами. После создания Соединенными Штатами кризисной ситуации в 1950 году, требовалось убедить Конгресс в необходимости предоставления средств для предстоящей войны, а общественность – в необходимости этих мер: *«Важнейшими предпосылками успеха этой программы являются: (а) консультации с руководителями Конгресса, направленные на то, чтобы добиться для программы законодательной поддержки, не связанной с партийными взглядами, и (б) представление общественности подробного разъяснения фактов и последствий действующих международных тенденций» [4].*

Таким образом, цель США заключалась в подавлении Советского Союза любыми средствами, а директива СНБ-68 – не что иное, как документ, в котором рассматривались возможные пути достижения этой цели:

«А. Первый курс - продолжение нынешней политической линии с текущими и планируемыми в настоящее время программами для претворения этой линии в жизнь.

Б. Второй курс – изоляция.

В. Третий курс – война.

Г. Оставшийся курс действий - быстрое наращивание политического, экономического и военного потенциала в свободном мире» [4].

Итак, существовало четыре варианта развития событий, который видел Совет Национальной Безопасности в сложившейся ситуации, однако, на мой взгляд, всерьез рассматривались не более, чем два.

Вариант А – был неприемлемым, так как жесткая политика президента Трумэна по отношению к СССР требовала осязаемых результатов, а этот курс был слишком пассивен и не приносил никаких дивидендов, как хороших, так и плохих.

Вариант Б совершенно неприемлем, об изоляции США и речи не могло идти. Еще Ф. Рузвельт говорил, что США не вернется к политике изоляционизма, Америка уже вступила в «Большую игру», да и к тому же с такой колоссальной экономической и военной мо-

щью, как у США, создание бастиона в Западном полушарии, отгораживание его от остального мира довольно сложно представить. Администрация Г. Трумэна была склонна к более решительным действиям. Следующий вариант В – война, наиболее радикальный вариант развития событий. Он всерьез рассматривался, делались бесконечные расчеты, как и что может случиться в случае военного развития событий. Эксперты сходились в одном: война с СССР потребует колоссальных затрат, ликвидировать обороноспособность Советского Союза с помощью ядерной бомбардировки не удастся, к тому же у СССР появились самолеты ТУ-4, способные достигнуть территории Америки, но не имеющие возможности вернуться обратно. Зная самоотверженность и героизм, с которыми способен воевать Советский Союз, такой вариант развития событий был вполне возможен. В таком случае, несколько советских ядерных бомб могли упасть на территорию США, а это было абсолютно неприемлемо.

Другой проблемой была организация оккупации огромной территории СССР в случае победы: это потребовало бы колоссальных затрат и напряжения людских ресурсов США. Следующее обстоятельство – чувствительность американской общественности к потерям. СССР в годы Второй Мировой войны потерял более 30 миллионов человек, а сколько миллионов готовы были потерять США для строительства «демократического мира»? После Второй Мировой войны муссировался постулат о том, что русских силой победить нельзя.

В итоге, вариант Г был принят как наиболее адекватный в сложившейся ситуации. Сделать так, что бы воевал кто угодно, но не американцы. Задача состояла в вооружении союзников и дальнейшего наращивания ядерного потенциала. Выполнение этих задач потребовало бы от Соединенных Штатов и их союзников поднять свою военную мощь до такого уровня, чтобы как на начальном этапе, так и на протяжении войны их объединенные силы превосходили силы, которые смогут выставить Советский Союз и его сателлиты. Наиболее благоприятным вариантом развития событий стала бы война союзников Америки против СССР при поддержке США. Развитие событий по такому сценарию было продемонстрировано в Корее и Вьетнаме. В этих войнах Соединенные Штаты принимали непосредственное участие, но основная тяжесть легла на плечи самих корейцев и вьетнамцев.

В 1950 году лобовое столкновение США и СССР было неприемлемым для США, т.к. в случае глобальной ядерной войны ее итог был бы непредсказуем, а последствия катастрофическими для обеих сторон. Противостояние начинает носить позиционный характер, а ареной боевых действий стали конфликты на периферии.

Действия США по изоляции Советского Союза от остального мира, создание сети военных баз вокруг СССР, побудили И.В. Сталина к принятию ответных военных внешнеполитических мер, но эти действия были настолько преувеличены, что на Западе ситуацию в Греции и Турции в 1947 году восприняли как вызов и начало нового конфликта. 27 февраля госсекретарь США Маршалл высказал серьезные опасения о том, что СССР при помощи Греции, овладеет Восточным Средиземноморьем, что сразу поставит Турцию в положение страны, окруженной со всех сторон и, соответственно, влияние СССР распространится по всему региону. По словам госсекретаря, *«доминирование Советского Союза было, таким образом, распространено на весь Ближний Восток до границ Индии. Влияние этого на Венгрию, Австрию, Италию и Францию невозможно преувеличить. Не было бы данью алармизму сказать, что мы стоим перед первым из серии кризисов, которые могут распространить советское доминирование на Европу, Ближний Восток и Азию»* [8, с. 338]. В этом заявлении Маршалла, «Доктрине Трумэна» и директиве СНБ-68, по сути, представлен кризис, которого не было.

Выше уже приводилась статистика о военном и экономическом соотношении между СССР и США, и нет сомнения, что ни о какой агрессии Советский Союз даже не помышлял, а объяснение действиям Соединенных Штатов есть только одно. Антисоветская направленность внешней политики США (Доктрина Трумэна, СНБ-68) была рассчитана на расширение и без того огромного для мирного времени военного строительства, с целью обеспечения абсолютной гегемонии США в послевоенном мире.

Источники и литература:

1. Бжезинский З.К. «Великая шахматная доска». М, 1998.
2. Емельянов Ю. В. США – Империя Зла. М., 2008.
3. Речь Г. Трумэна на заседании Конгресса 12 марта 1947 г. - "Доктрина Трумэна" [Электронный ресурс] // История США в документах. Режим доступа: <http://www.grinchevskiy.ru/1945-1990/doktrina-trumena.php>
4. Директива-68. [Электронный ресурс] // История США в документах. Режим доступа: <http://www.grinchevskiy.ru/1945-1990/direktiva-snb-68.php>
5. Кеннан Д. Дипломатия Второй мировой войны глазами американского посла в СССР Джорджа Кеннана [Электронный ресурс] // Военная литература. Режим доступа: <http://militera.lib.ru/memo/usa/kennan/13.html>
6. Рукавишников В.О. Холодная война, холодный мир. Общественное мнение в США и Европе о СССР/России, внешней политике и безопасности Запада. М., 2005.
7. Уткин А.И. Всеобщая Холодная война. М., 2005.
8. Уткин А.И. Подъем и падение Запада. М., 2008.
9. Уткин А.И. Русские войны: век XX-й. М., 2008.
10. Шлезингер А. Циклы Американской истории [Электронный ресурс] // Библиотека Гумер. Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/shlez/08.php

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОМАНДУЮЩЕГО ЧЕРНОМОРСКИМ ФЛОТОМ И.В. КАСАТОНОВА В ПЕРИОД РАСПАДА СССР

Чаюн Л.А.

Филиал МГУ им. М.В. Ломоносова в г. Севастополе

В августе 1991 года произошел очередной переломный момент в истории нынешней Российской Федерации. «Рухнуло некогда могучее, самое огромное государство, возникновение и становление которого потребовало огромных жертв: по одним данным, 30-40 миллионов, по другим — до 70 миллионов человек» [3, с. 25]. Вследствие этих событий возникло множество острых вопросов, среди которых было разрешение судьбы Черноморского флота. Дело в том, что на момент распада СССР, военные части ЧФ были расположены в пяти бывших республиках, а ныне независимых государствах: России, Украине, Грузии, Молдове и Азербайджане. Естественным действием со стороны бывших республик было то, что они стремились национализировать все, находящиеся на их территориях объекты, включая и Вооруженные Силы. В этой связи, яблоком раздора стала главная база КЧФ, расположенная в городе Севастополе. Необходимо было сохранить Черноморский флот и его базу в Севастополе, избегая территориальных претензий России к Украине, что могло бы разрушить отношения между двумя славянскими государствами. Первым реализовывать данную задачу пришлось адмиралу Игорю Владимировичу Касатонову.

Игорь Владимирович *«был командующим ЧФ ровно 1 год и 10 дней, хотя в должности фактически находился еще два с половиной месяца. Так мало — в смысле продолжительности — за последние 55 лет флотом не руководил никто. Но зато никому за столь короткий срок не удалось сделать так много»* [4, с. 4].

17 сентября 1991 года И.В. Касатонов занял место командующего Краснознаменным Черноморским флотом. В Севастополе адмирал в представлении не нуждался. Его курсантские годы и две трети офицерской службы были связаны с Черным морем и Севастополем. Кроме того, Владимир Афанасьевич Касатонов (старший) командовал Черноморским флотом во второй половине 50-х годов.

Прибыв на флот, адмирал И.В. Касатонов избрал курс на сохранение единства Черноморского флота. Морально-психологическое состояние личного состава и общественности было депрессивным. *«Подавляющее большинство офицеров высказывают серьезную озабоченность по поводу предстоящего сокращения Вооруженных Сил, предельных сроков выслуги»* [2, с. 41]. Украина была заинтересована в том, чтобы использовать выгодную ситуацию после распада СССР, овладеть всем флотом и оставить Россию ни с чем. Со стороны нового правительства Российской Федерации почти ничего не предпринималось. Флот оказался брошенным на произвол судьбы. В окружении Б.Н. Ельцина высказывались предложения вообще отказаться от борьбы за Черноморский флот. Командованию пришлось брать всю ответственность за происходящее на себя.

Деятельность Игоря Владимировича можно рассматривать в контексте любого вопроса, касающегося времени его пребывания в должности командующего Краснознаменным Черноморским Флотом. В этой связи особого внимания заслуживает проблема переприсягания, возникшая в начале 1992 года: она дает нам возможность показать роль И.В. Касатонova и его команды в разрешении данного вопроса в наиболее широком диапазоне, особенно — опыт работы командующего с общественностью и СМИ.

Начало обсуждения проблемы переприсягания на верность народу Украины было положено 3 января 1992 года. В этот день Президент Украины Л.М. Кравчук объявил, что Украина переходит к реализации права на строительство собственной армии. При этом планировалось распространить этот процесс и на Черноморский флот. В свете данных событий, реагировать необходимо было быстро и четко. 4 января в 11 часов утра Игорь Владимирович собрал в штабе флота флотских руководителей по списку Военного совета и сообщил сле-

дующее: «Черноморский флот находится на территории пяти бывших союзных республик. В нем служат представители 46 национальностей. Заставлять их принимать присягу на верность только народу Украины является неправомерным. По этому вопросу и всем другим, возникшим при распаде великого государства, необходимо принять политическое решение. Флот министерству обороны Украины не подчиняется. Он подчиняется Главнокомандующему ВС СНГ Е. Шапошникову и Главнокомандующему ВМФ В. Чернавину. Черноморский флот готов сотрудничать и взаимодействовать с Министерством обороны Украины. Украинской присяги никому не принимать. Ждать политического решения руководства обеих стран — России и Украины» [3, с. 89]. Этим заявлением командующий Черноморским флотом отдал распоряжения для дальнейших действий и показал, что он верен своему воинскому долгу, стремится выполнять те указания и директивы, которые уже существуют.

Тема Черноморского флота не сходилась как с уст граждан, так и заголовков газет. «Именно с начала января приметой жизни Севастополя стали пикеты, практически ежедневные митинги под лозунгами сохранения единства флота, выполнения им задач в интересах Содружества, народов России и Украины. Однозначно высказывалась гражданами и такая мысль: «Присягой не торгуют»» [2, с. 88]. Более того, на митингах раздавали различного типа листовки, с призывами к морякам-черноморцам быть верными когда-то сделанному выбору.

Из выше изложенного видно, какая неоднозначная обстановка складывалась в городе Севастополе и Крыму. В этой связи командующий Черноморским флотом решает провести пресс-конференцию для информирования общественности, как говорится, из первых уст. Можно сказать, что Командующий превратил встречи с журналистами в обыденное действие. Например, в январе было проведено 3 пресс-конференции с его участием, а 31 января Игорю Владимировичу было предоставлено слово на одиннадцатой сессии Севастопольского Городского Совета. Во всех своих выступлениях И.В. Касатонов придерживался одной мысли: ждать политического решения глав государств России и Украины, сохранять стабильность и боеготовность на флоте.

В свете данных событий, 16 января в Москве состоялась встреча глав государств СНГ. Ими был подписан ряд актуальных документов: заявление глав государств-участников Содружества независимых государств; соглашение государств-участников Содружества независимых государств о военной присяге в стратегических силах и соглашение о военной присяге в силах общего назначения. В протоколе от 16 января вслед за фразой: «Подтвердить, что Военно-морской флот бывшего СССР входит в состав Стратегических Сил Содружества», от руки вписано следующее: «за исключением части сил Черноморского флота, которые войдут в состав вооруженных сил Украины». Эта поправка принадлежит Президенту Украины Л.М. Кравчуку. Все вышесказанное говорит о том, что сам Президент Украины признал, что Черноморский флот входит в Стратегические Силы СНГ и что лишь часть, а не весь флот, как хотели некоторые радикалы в Киеве, отойдут Украине. Также с подписанием Соглашения о военной присяге в стратегических силах появилась хоть какая-то определенность с приемом присяги молодым пополнением осеннего призыва 1991 г.. На ЧФ к тому моменту время приема присяги несколько раз переносилось.

Тем временем, в Москве 17 января проходило Всеармейское Офицерское собрание. В нем приняла участие и делегация из Севастополя в составе 70 человек. На этом собрании выступил И.В. Касатонов. Он осветил сложившуюся обстановку в Севастополе и изложил общую позицию Военного Совета. Она была сформулирована следующим образом:

«Первое. Черноморский флот — неотделимая часть всего ВМФ в системе Стратегических сил.

Второе. Вооруженные Силы должны быть только едиными, под единым командованием, и это мнение самое настоятельное, пусть Правительства займутся экономикой.

Третье. Те офицеры, военнослужащие, которые уже приняли присягу, больше не должны присягать. И флотские офицеры сказали, что вторичное присягание одному государству — это аморально.

Четвертое. В странах Содружества должен быть одинаковый пакет всех законов социального обеспечения и социальной защиты военнослужащих» [3, с. 106].

Сразу после Всеармейского Офицерского собрания в наш город прибыла группа народных депутатов России. Неизвестно, к чему была приурочена такая спешка, или может быть, речь И.В. Касатонова так на них повлияла, но их приезд вселил надежду в черноморцев и жителей города.

Спустя некоторое время, 26 января, отряд кораблей Черноморского флота во главе с крейсером «Москва» вышел в Новороссийск на учения. Как выяснилось позже, учения были лишь предлогом для посещения их Президентом России Б.Н. Ельциным и Главнокомандующим Вооруженными силами СНГ маршалом авиации Е.И. Шапошниковым. Президент осмотрел крейсер, познакомился с личным составом и пообщался как с В.Н. Чернавиным, так и с И.В. Касатоновым, а затем выступил с речью перед личным составом. Б.Н. Ельцин отметил, что выступает против разделения Черноморского флота, хотя и признает право Украины на создание собственного флота. *«Президент России подчеркнул, что стратегические силы СНГ должны быть едиными. А Черноморский флот — оперативно-стратегическое объединение в их составе»* [1, 30 янв.].

По возвращении в Севастополь, 29 января, командующий собрал Военный Совет, на котором была дана установка не допустить деления моряков по национальностям, усилить воспитательную работу и обязательно информировать личный состав о последних событиях.

В этот же день, пока командующий проводил запланированное совещание Военного Совета, в город прибыла делегация народных депутатов Украины. Об их приезде никто не знал. Соответственно, когда они потребовали встречи с И.В. Касатоновым, тот был вынужден отказать, так как присутствовал на военном Совете. Киев на столь дерзкое, по их мнению, поведение командующего Черноморским флотом, отреагировал незамедлительно. Л.М. Кравчук обратился с просьбой о снятии И.В. Касатонова с должности к Президенту Российской Федерации. Но получил ответ, что *«адмирал И.Касатонов честно выполняет свой воинский долг, поддерживает боевую готовность флота на должном уровне, принимает все меры к недопущению конфликтов среди личного состава на национальной почве. Снятие командующего флотом может привести к серьезным последствиям»* [2, с. 102].

Обстановка в городе и на флоте была тревожная. Моряки не знали, что делать и кому верить. В этот период и была начата работа по «украинизации» отдельных частей и кораблей флота. Пик этого процесса пришелся на зиму-весну 1992 года. Первым ошутимым ударом для Черноморского флота стало принятие присяги на верность народу Украины части личного состава СКР «Сметливый». Это произошло 9 февраля. Чуть больше 40 % личного состава, путем индивидуальных уговоров, поставили свою подпись под новой присягой.

22 февраля тайное переприсягание имело место в батальоне морской пехоты. Военную присягу приняли 22 офицера, 8 прапорщиков, 78 сержантов и матросов. Прибывшая на место происшествия группа офицеров штаба ЧФ отметила: *«Принявшие присягу Украине считают необязательным выполнять воинский долг, позволяют грубость, хамство, не выходить на физзарядку, построения»* [2, с. 123].

Далее последовали инциденты на крейсере «Михаил Кутузов», подводной лодке Б-871, БПК (СКР) «Способный» и т.д. Сложность состояла в том, что на Черноморском флоте *«служат воины с четырьмя присягами — бывшего СССР, воина стратегических сил СНГ, украинской и российской. Большинство офицеров и мичманов не изменили однажды данной присяге на верность Родине. Те, кто переприсягнули, в основной своей массе, убыли служить в ВМС Украины. В 1992 году таких оказалось 835 офицеров»* [2, с. 129].

Военный совет во главе с командующим пытался все держать под контролем. Направлялись разного вида обращения и заявления в СМИ, органы власти Украины и России, во всевозможные инстанции. Но главной заслугой командующего и его подчиненных стало то, что они четко соблюдали все соглашения по флоту.

Несмотря на договоренности на уровне правительств воздержаться от переприсяганий, руководство Украины принимает решение расколоть флот путем украинизации изнутри. Новобранцев из России пограничный контроль не пропускает, а из Севастополя и Крыма отправляет служить в Закарпатье. И.В. Касатонов экстренно организовал доставку призывников из России на боевых кораблях морем, а призывников из Украины согласился принять только в том случае, если 20 % из них будут севастопольцы и крымчане. Благодаря таким слажен-

ным действиям командующего Черноморским флотом, 1318 новобранцев из Севастополя и Крыма приступили к службе на флоте.

Вот, что пишет в своих воспоминаниях сам И.В. Касатонов: *«Первых призывников из России доставили на гису «Фаддей Беллинсгаузен». Появления их никто не ожидал. Это был первый бросок, и все случилось для украинских властей внезапно. Последующие призывники доставлялись боевыми кораблями на Угольную. Их, конечно, ждали. От силовых структур Украины были стянуты многие подразделения: Служба безопасности, пограничники, милиция, ОМОН и т.д. Пришлось доставить на Угольную роту морских пехотинцев»* [3, с. 248]. Так командующему ЧФ удалось сорвать замысел Украины «взорвать» флот изнутри еще в начале 1992 года.

Уверенные действия И.В. Касатонина создали предпосылки для переговоров на уровне президентов двух стран. Встреча состоялась 23 июня. Между Президентом России Б.Н. Ельциным и Президентом Украины Л.М. Кравчуком было подписано Соглашение «О дальнейшем развитии межгосударственных отношений». Две его статьи напрямую касались Черноморского флота:

«14. В связи с созданием своих Вооруженных Сил Стороны подтвердили важность продолжения переговоров по созданию на Черном море ВМФ России и ВМС Украины на базе Черноморского флота. Они согласились на договорной основе использовать существующую систему базирования и материально-технического обеспечения. До завершения переговоров Стороны договорились воздержаться от односторонних действий.

15. Военнослужащие России и Украины, призванные для прохождения службы в частях, входящих в состав ОВС СНГ, приводятся к присяге государству, гражданами которого они являются» [1, 25 июня].

Это был реальный шаг к будущему урегулированию проблемы Черноморского флота и подписанию Договора о дружбе между Россией и Украиной. Вклад в это адмирала И.В. Касатонина несомненен. Игорь Владимирович был настоящим военным человеком со стальной силой воли и жестким характером. Он сумел сохранить на флоте порядок и не дать ему развалиться, как это случилось в 1917 году. Все понимали, что потеря флота станет непоправимым ударом по национальной гордости и безопасности России. Игорь Владимирович не допустил этого как военный и как политик.

Вот как он сам оценил свою деятельность, пребывая на посту командующего КЧФ: *«Я стал политиком, когда однажды утром весь Черноморский флот от адмирала до матроса проснулся в чужой стране. Я, морской офицер, стал политиком, когда пять лет не спускал на наших черноморских кораблях Советский флаг, потому что тогда на Украине он стал символом России. Я стал политиком, когда тысячи людей просили меня выдвинуть свою кандидатуру на пост президента Крыма, а Президент Б. Ельцин категорически запретил это делать, потому что он не знал, как быть в ситуации, когда президентом Крыма станет всенародно избранный русский адмирал Игорь Касатонов. Может быть, я был не очень успешным политиком, потому что удалось сохранить только морскую базу, а сам Севастополь, город русской славы, и Крым, завоеванный русской кровью, больше не принадлежат России. И это моя боль. В этом я каюсь. Но совесть моя чиста: я сделал в той ситуации все, что мог»* [4, с. 27].

Источники и литература:

1. Газета «Флаг Родины». 1992.
2. Горбачев С. Севастополь в третьей обороне 1991-19... Год первый: под флагом Касатонина. Севастополь, 1995.
3. Касатонов И.В. Записки командующего Черноморским флотом. М., 2001.
4. Муравьев А., Горбачев С. Феномен адмирала Касатонина. Севастополь, 2001г.

ПРОБЛЕМА БЮРОКРАТИИ В УКРАИНЕ И ВОЗМОЖНЫЕ ПУТИ ЕЕ РЕШЕНИЯ

ШЕВЧЕНКО Е.И.

Севастопольский национальный технический университет

Бюрократия характерна для всех общественных систем, когда-либо существовавших в истории человечества. Она выполняет существенную роль в политической системе общества. При этом для Украины характерно резко отрицательное отношение к ней со стороны большинства населения. В сложноорганизованных государствах постоянно растет роль чиновников — профессионалов, понимающих цели, стоящие перед обществом; эффективно управляющих с помощью различных технологий огромной массой государственных экономических ресурсов, владеющих определенными качествами, знаниями, умениями, и способных быть посредниками в разрешении многих конфликтов, возникающих в гражданском обществе. Поэтому для Украины столь актуальным, на сегодняшний день, является изучение вопроса существования бюрократии, а также проблемы негативного отношения к ней общества.

Проблемы бюрократизма в разные времена исследовались многими отечественными и зарубежными учеными. Среди них было множество как сторонников, так и противников этой системы управления. Среди тех, кто наиболее полно продемонстрировал достоинства бюрократии, был М. Вебер, который считал бюрократию системой, в которой каждый элемент призван работать максимально эффективно, а среди противников наиболее ярко выделились С. Паркинсон и У. Беннис, считавшие бюрократию неспособной решать неприглядные задачи.

Бюрократия (*bureaucrasy*) (от франц. *bureau* – канцелярия и греч. *кратос* – власть) – это система управления, основанная на вертикальной иерархии и призванная выполнять поставленные перед ней задачи наиболее эффективным способом. Само понятие было введено в 1745 г. Винсентом де Гурне и первоначально означало фактический отъем власти бюрократами - чиновниками у монарха. Сегодня под термином «бюрократия» часто подразумевают не только систему управления, осуществляемую специальным властным аппаратом, но и сам этот аппарат. Термины «бюрократия» и «бюрократизм» могут также использоваться в негативном смысле для обозначения неэффективной, чрезмерно формализованной системы управления [1, с.75].

Наиболее полно основные типовые особенности бюрократии определил М. Вебер. Среди них он выделял: специализацию и разделение труда, вертикальную иерархию, четкие правила, обезличенность взаимоотношений [3, с.187].

В демократическом обществе основные функции бюрократии сводятся к:

- Обеспечению функционирования политической системы, политических и социальных институтов;
- Осуществлению контрольных функций за деятельностью отдельных элементов бюрократической системы с целью предотвращения их возможного отхода от демократических принципов политического и общественного управления, закрытости и недоступности для какого-либо гражданина общества.
- Руководству деятельностью специальных институтов по изучению политических процессов, которые происходят в обществе, обобщению опыта и выработке рекомендаций углубления демократизации политической жизни.

Бюрократическая структура может формироваться несколькими способами:

- Вырастая вокруг видного лидера. Этот способ М. Вебер определил как «рутинизация харизмы». Смысл его заключался в том, что группа людей, объединенная вокруг яркой личности, постепенно превращается в бюрократическую структуру, которая своей целью видит внедрение в обществе идей и взглядов своего лидера.

Примером может быть бюрократизация созданной В.И. Лениным партии большевиков.

- Бюрократическая структура возникает вокруг группы людей. В этом случае она с самого начала сознательно создается для выполнения определенных целей и задач. Например, при образовании корпорации (акционерного общества) владельцы капитала нанимают профессиональных управляющих для руководства фирмой. Именно таким образом формируются государственные и корпоративные бюрократические системы.
- Источник бюрократической структуры – уже существующая бюрократическая организация, при этом, новая структура обычно выделяется из уже существующих. Так происходит, когда возникает новое поле деятельности и постепенно образуется новый отдел или департамент, который им занимается.
- Источник создания бюрократии – своеобразное «политическое предпринимательство». Это происходит, когда группа людей, придерживающаяся определенных взглядов и совместными усилиями защищающих их, создают бюрократическую систему, члены которой занимаются политической деятельностью как профессией. Именно так сформировались большинство политических партий.

Ученые выделяют три основные проблемы, порождаемые бюрократической организацией управления [2, с.74].

1. Отчуждение от человека. Бюрократия призвана решать проблемы людей. Обезличенность подхода к клиентам помогает соблюдать их равноправие, однако лишает при этом людей их уникальности. Любая проблема подстраивается под единый для всех шаблон и решается принятым ранее образом. В результате происходит дегуманизация и превращение человека в стандартное «дело» на столе у чиновника.

2. Ритуализм. Стандартная процедура принятия решений зачастую, проходя все необходимые инстанции и согласования, занимает столько времени, что само решение становится уже устаревшим и ненужным. Для описания этой ситуации Р. Мертон ввел специальный термин – «бюрократический ритуализм», обозначающий такую поглощенность правилами и установлениями, которая ставит под угрозу достижение целей организации.

3. Инерция. Хотя бюрократия создается для решения определенных проблем, это не означает, что когда эти проблемы будут решены, организация перестанет существовать. Как и любая другая организация, бюрократия стремится к самосохранению, но в отличие от других структур, бюрократическая имеет больший опыт и большие возможности для того, чтобы не допустить свой роспуск. В результате бюрократическая организация может функционировать уже вне зависимости от ранее поставленных перед ней целей.

Широкое развитие бюрократической власти приводит к тому, что бюрократ становится «хозяином» над теми людьми, которыми он должен руководить. В этих условиях расцветает коррупция.

Если говорить об украинской бюрократии, то она существенно отличается от западной. В свое время этот момент заметил ещё М. Вебер, когда наряду с «чистым» рациональным типом бюрократии, выделил так называемый патримониальный тип, характеризующийся подчиненностью чиновничества господину, хозяину, императору. Этот факт позволяет говорить о специфике исторического развития феномена бюрократии.

По мнению политолога А.А. Кудлая, становление бюрократии в Украине прошло через пять этапов [6]:

Первый этап (I половина XVIII в.) – царствование Петра I. Обусловлен возникновением государственной службы; изменением основ государственного управления по западному образцу (шведская модель); заменой принципа местничества (сословных привилегий) на принцип выслуги, закрепленный в «Табели о рангах» (1722 г.). Четырнадцать рангов, определенных в «Табели о рангах», заложили основу развития профессиональной государственной службы в Российской империи.

Классом, на который изначально возлагались полномочия служения государству, было дворянство. Однако не оно стало тем многочисленным «служилым сословием», который был в Российской империи. Дворянство занимало лишь командные высоты: выс-

шую и среднюю группу должностей. Остальную же массу составляли дети канцеляристов, выходцы из духовенства и податного сословия. Собственно, они и определяли облик имперской бюрократии.

В рассматриваемый период «чиновничье сословие» только лишь формируется.

Второй этап (II половина XVIII – I половина XIX в.в.) – это сравнительно большой временной интервал в развитии государственной службы. В начале он, в основном, связан с укреплением абсолютной монархии и стабилизацией системы управления при Екатерине II. Окончание данного периода ознаменовано реформами М.М. Сперанского в структуре управления и в области государственной службы.

Третий этап (II половина XIX в. – до 1917 года) – определяется окончательным оформлением бюрократической традиции управления государством, где ведущей силой, обуславливающей движение всей системы, был чиновник. Он же, в определенной мере, мешал прогрессивному развитию страны (о причинах этого явления уже упоминалось выше).

С созданием Министерств появляется особый тип гражданского служащего – министерский чиновник. На протяжении всего третьего периода, до падения Империи, этот тип управленца претерпевает эволюционные изменения. Своего наивысшего расцвета он достиг в правление Николая I (1825 – 1855). Черты министерского чиновника: высокомерие, холодность в обращении, низкопоклонство, взяточничество – обусловили и характер взаимодействия как с гражданами, так и с низшими по званию чиновниками.

Наряду с вышеизложенным типом, сформировался и другой тип, объединенный такими чертами, как деловитость, опытность, знание тонкостей делопроизводства. Этот так называемый «николаевский тип чиновника» приводил в действие машину управления империей. Без него, как профессионала в своем деле, не мог обойтись ни один министерский чиновник. Однако, тяжелейшие обстоятельства, в которые был поставлен чиновник – специалист в Российской империи (низкая оплата труда, моральные унижения со стороны высших чинов, условия службы, выхода на пенсию, статус чиновника в обществе и многое другое) толкали его на различные злоупотребления. К тому же, взяточничество не презиралось в общественном мнении. Наоборот, чиновник, не берущий взятку, считался в глазах общественности бесполезным, малодушным, сухим и неспособным помочь в решении дела. Поэтому так ценилось в рассматриваемый период «искусство казнокрадства», передаваемое в чиновничьей среде из поколения в поколение. Нужным качеством для «хорошего» чиновника была способность отписаться от вышестоящего начальства. Процветали волокита и «поклонение бумаге». Однако, несмотря на все это, бюрократия, в вышеизложенные периоды, достаточно сильно влияла на политические процессы, в том числе, и на различного рода преобразования.

Четвертый этап (1917 – 1991 г.г.) – обусловлен существованием Советского государства и особой системой управления, где главным классом становится номенклатура, со своим набором политических технологий и привилегий.

Четвертый период во многом связан с глубинной проблемой бюрократического управления обществом в предыдущие периоды; что позволило многим зарубежным авторам трактовать исторический эксперимент построения коммунистического общества как модификацию старой имперской модели управления. Так, еще М. Вебер отмечал, что в условиях социалистической системы необходима столь же жесткая бюрократическая организация, как и при капитализме. В связи с этим, управление национализированными предприятиями осуществляется группой людей, лучше всего подготовленной к подобной цели, то есть, бюрократией, которой ничто не будет так *«чуждо, как чувство солидарности с пролетариатом»*.

Отсутствие естественных соперников для бюрократии, в виде частного предпринимателя, так же, как и она владеющего приемами управления, позволило У. Пинтеру, исследователю русской бюрократии, говорить о советском обществе как о *«супербюрократическом, в котором бюрократы ответственны только перед бюрократами»*.

В условиях супербюрократического государства, советская номенклатура (номен (лат.) – список имен, наименований, лиц, назначенных на должности) обрела черты груп-

пы, которую в любом другом обществе, по мнению О. Крыштановской, - можно было назвать элитой: мобильность, иерархичность, отсутствие самовоспроизводства, географическая мобильность, внутренняя ротация и система привилегий.

Хотя о профессиональных управленцах говорилось и писалось еще в начале образования СССР В.И. Лениным, оформление советского типа чиновника относится ко времени правления И.В. Сталина. Именно он, создавая «партию в партии», разработал основные правила поведения, секретные принципы власти, нормативно-правовую основу для советской бюрократии. Идеальные характеристики номенклатурного работника были определены и обнародованы Сталиным на XII съезде партии. Чиновник должен был умело осуществлять директивы (понять их и провести в жизнь). Для этого серьезные требования предъявлялись к кадрам.

Советская бюрократия была более или менее однородной лишь в социальном отношении, но в правовом аспекте ее можно было разделить на две категории:

- ведущая и командующая бюрократия, профессиональные аппаратчики или, по М. Веберу, политические чиновники;
- остальная служилая ведомственная бюрократия, чиновники-специалисты.

С точки зрения темпоральности, советскую бюрократию можно было различить, по А. Авторханову на ряд подтипов: ленинского комитетчика, маленького Сталина, хрущевский, брежневский тип (а так же по аналогии – горбачевский тип – Е.Ш.)

Все вышеперечисленные типы различаются по уровню образования, наличию профессиональных навыков, психологических качеств и других элементов. Если, например, в сталинский период ценилась преданность вождю, партии, убеждения, то в 80-е г.г. XX века уже уровень образования, характерные психологические черты (амбициозность, самоутверждение в группе и т.д.).

Как упоминалось выше, серьезные требования в управлении предъявлялись к кадрам. Однако в 70-е - 80-е гг. все более набирал силу отрицательный отбор кадров не с точки зрения профессионализма, а исходя из личной преданности, протекционизма, семейственности.

Этот фактор значительно снизил качество управления, что не могло не сказаться на общем развитии страны в 70-е г.г. XX века (так называемый период «застоя»).

В брежневский период в Украине начинают складываться так называемые протокланы (clan (кельтск.) - наследство, теневое, закрытое объединение на почве общих интересов), что привело к кадровой стабильности, замкнутости территориальных групп, пожизненному руководству «удельных князей» – секретарей райкомов, горкомов, обкомов.

Еще в первые годы советской власти начинает зарождаться система привилегий класса номенклатуры (специальное обслуживание, дача, автомобиль, квартира, спецпайки и прочее).

В поздний период своего развития советская бюрократия все больше начинает отличаться на региональном и центральном уровнях, в зависимости от объема коллективной собственности и количества привилегий. По мнению американского советолога Г. Дергульяна, перед распадом СССР произошло освобождение от центральной суперкорпорации территориального и внутритерриториального типов бюрократии. Кстати, территориальная номенклатура представляла собой 15 национальных республик, 20 этнических автономий и 100 обычных областей, а кроме того, была и внутритерриториальная номенклатура – это представители производственных агломераций, разнообразных министерств.

Приход М.С. Горбачева к власти ознаменовался чисткой кадров в высшей номенклатуре. Шаги М.С. Горбачева: выборы народных депутатов СССР, отбросившие многих партийных руководителей; наступление на бюрократические институты радикальных слоев интеллигенции под лозунгами демократического доступа и подотчетности, политизация национально структурированных гражданских обществ, движений – все они бросали вызов прежде всего высшей и средней правящей номенклатуре. Крушение государственного социализма, по мнению Г. Дергульяна, было революцией не сверху или снизу, а скорее, из середины.

Прежде, чем М.С. Горбачеву удалось создать новый режим, слои номенклатуры, находящиеся в его подчинении, предали его и, нарушив основополагающие запреты номенклатурного поведения, приняли участие в национальных движениях и в частном накоплении. Вобрав в себя отдельных аутсайдеров из числа местной интеллигенции, обеспечившей новые символы и идеологию, бюрократия в начале 90-х г.г. XX века преобразовала свои корпорации территориального типа в независимые государства. Так, в Украине, в результате соглашения контактных групп бывших коммунистов (Л. Кравчук, И. Плющ) и националистов (И. Драч, И. Горинь) было образовано независимое государство.

Тем самым окончился советский период в истории украинской бюрократии.

Пятый этап (после 1991 г. - до наших дней) – постсоветский период; по-прежнему характеризуется доминированием в политической элите бюрократии, обменом привилегий, полученных в предыдущем периоде, на экономический капитал (с помощью так называемой «прихватизации»), переносом патрон - клиентарных связей в сферу рынка [6].

О пятом современном этапе еще достаточно сложно говорить в полной мере, так как он находится на начальном этапе и окончательно не завершен. Но уже можно упомянуть две тенденции, которыми он охарактеризован. Одна тенденция выражена в стремлении бюрократии осуществлять управление по-старому; другая – основывается на понимании того, что необходимо обновление кадрового потенциала, технических приемов и методов, следуя веяниям времени.

Сложившаяся сегодня на Украине система управления эклектична и неэффективна. Ее можно назвать номенклатурной и кланово-бюрократической. Приватизация, которая должна была улучшить экономическую ситуацию в государстве, только ее ухудшила, при этом, сказавшись и на политической ситуации.

Большинство украинских лидеров отказались от будущего народа в пользу своих интересов. Исторический опыт показывает, что бюрократии всегда нужно было иметь конкретные цели и задачи, которые формируются стратегической элитой страны. Для этого необходим лидер, сплачивающий вокруг себя команду единомышленников, объединяющих интересы общества в общую стратегию развития страны, которая затем должна преобразоваться в конкретные политические решения. На этом этапе важна роль профессионалов-чиновников, способных, пользуясь последними техническими и технологическими средствами, грамотно осуществлять эти решения.

Поэтому, столь остро назрела в Украине потребность в реформе Государственной службы. Нынешние государственные служащие практически не защищены в социальном плане (отсутствует четкая система льгот, оплаты труда, пенсий). Не определен статус чиновника, вопросы карьеры и списка услуг, предоставляемых им населению.

Для этого, прежде всего, нужно создать условия, в которых чиновник-профессионал чувствовал бы себя комфортно и смог нормально работать.

На сегодняшний день бюрократизм является нерешенной проблемой, которая продолжает увеличиваться в масштабах.

Возможными рычагами решения проблемы могут стать:

- развитие демократии и превращение процессов гласности и конструктивной критики во всеобщие (сами по себе они не являются панацеей в преодолении бюрократизма);
- установление прямой зависимости заработной платы, карьеры и положения в обществе работника от конечных результатов его деятельности.
- совершенствование хозяйственного механизма, системы рыночных отношений;
- демократизация представительных органов и усиление воздействия на исполнительную вертикаль;
- юридическая ответственность, претворение в жизнь положений о судебном преследовании бюрократов.

Опираясь на данные рычаги, можно попытаться осуществить конкретные мероприятия, позволяющие решить проблему:

1. Четкая, максимально формализованная регламентация служебных действий, в идеале исключая фактор административного усмотрения. Разработка четких процедур, определяющих обязательства госорганов и госслужащих, исполнение которых может быть прокон-

тролировано и оценено. Разумеется, у госаппарата немало функций, выполнение которых требует творческого подхода к принятию ответственных решений. Однако их необходимо сосредоточить в минимальном количестве органов и возложить на немногочисленных, высококвалифицированных представителей высшей бюрократии, оплачиваемых на уровне менеджеров крупных корпораций, деятельность которых должна постоянно находиться в фокусе общественного внимания. Основной же массе чиновничества следует действовать в режиме не более чем двух-трех десятков типовых ситуаций и процедур. В отношении каждой из них можно определить стандартную последовательность действий, отводимое на них время, ожидаемые результаты и т.п. Отклонение от стандарта, скажем, невыдача нужной справки или разрешения в установленное время, должно повлечь за собой санкции.

2. Разделение исполнительских и надзорных функций (создание специальных надзорных структур, обеспечение их независимости от органов исполнительной власти).

3. Прозрачность функционирования государственной службы. Любая информация, которой располагают служащие, за исключением той, что официально (со специальной мотивировкой) призвана конфиденциальной, должна быть открытой для общественности.

4. Эффективное стимулирование служебной деятельности. Чтобы человек дорожил своим местом, он должен сегодня получать в среднем 800-1000 долл. в месяц. Зарплата руководителя департамента в центральном министерстве, учитывая зависящие от него решения, должна быть лишь на 10-15% ниже, чем менеджеров на аналогичных должностях в крупных компаниях, т.е. на уровне не менее 3,5-4 тыс. долл. в месяц. Таким образом, зарплату чиновников центральных ведомств следует повысить примерно в 3 раза при существенном усилении дифференциации: оклады специалистов, влияющих на принятие решений, должны быть выше, чем у клерков, как минимум, в 10 раз. Таким образом, антикоррупционный эффект дает не столько размер заработка сам по себе, сколько его увязка с результативностью работы государственного аппарата. Конечно, рост зарплаты не приведет к немедленному повышению качества работы и работников, не избавит сам по себе и от коррупции. Он – только необходимое, хотя и недостаточное условие серьезного повышения эффективности госслужбы. Тем не менее, свою позитивную роль эта мера должна сыграть. Скажем, если человек дорожит рабочим местом, а значит, своей репутацией, он становится восприимчив к санкциям и поощрениям. Открывается возможность для результативной работы по укреплению дисциплины и порядка, инициативы в интересах дела, а не в вымогательстве взяток.

5. Внедрение методов бюджетирования по результатам, переход от финансирования учреждений к финансированию функций и конечных результатов их исполнения.

6. Проведение тотальной инвентаризации функций органов государственного управления и местного самоуправления. На основании полученных результатов закрытие госорганов (если без них можно обойтись) и ликвидация функций, которые они выполняют. Передача частным компаниям тех функций, которые эффективней выполняются на коммерческой основе. Это касается, например, услуг по сертификации продукции и т.п. Следует иметь в виду, что государство и бюджет из-за неразвитости рынков, например, банковского сектора, страхования, сейчас нередко вынуждены брать на себя несвойственные им функции (в этой связи важно развивать сервис, заменяющий услуги бюрократии). Содействие созданию и развитию саморегулирующихся организаций, объединяющих профессиональных участников тех или иных рынков, с целью передачи им части или всех полномочий по регулированию, предоставленных ныне госорганам (например, организациям участников рынка ценных бумаг, страховщикам и др.). Работа по этим направлениям – важнейшая часть процесса дебиюкратизации экономики.

Таким образом, эффективная борьба с бюрократией требует зрелости гражданского общества и внимания к проблеме бюрократизма политических лидеров. Для уменьшения негативных последствий бюрократизации управления необходима система внешнего контроля за деятельностью чиновников – со стороны граждан (клиентов бюрократии) и/или руководителей. Как правило, оба эти метода сочетаются: гражданам предоставляют право жаловаться на бюрократов в правоохранительные органы, хотя и эти органы могут сами подвергнуться бюрократическому перерождению. Трудность организации контроля над бюрократией является весомым аргументом сторонников анархии, стремящихся отказать-

ся от деления общества на управляемых и профессиональных управляющих. Однако на современном этапе развития общества отказаться от профессионализации управления не представляется возможным. Вследствие чего некоторая бюрократизация управления воспринимается как неизбежное зло.

Источники и литература:

1. Вебер М. Избранное. Образ общества. Пер. с нем. М., 1994.
2. Макарин А.В. Бюрократия в системе политической власти. СПб., 2000.
3. Макаренко В.П. Теория бюрократии М. Вебера и буржуазные концепции организации и управления // Вопросы философии. М., 1986.
4. Петухов В.В. Бюрократия и власть // Социологические исследования. 2006. №3. С. 9-15.
5. Оболонский А.В. Бюрократия для XXI Модели государственной службы. М., 2002.
6. Кудлай А.А. Проблемы формирования профессиональной бюрократии в Украине: исторический аспект [Электронный ресурс] / Сайт «Лаборатория симферопольской молодежной организации». Режим доступа: <http://abris.h1.ru/pro/3.htm>

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

ДЕНИКЕВИЧ

София Владимировна

Младший научный сотрудник Крымского республиканского учреждения «Алупкинский дворцово-парковый музей-заповедник» (г. Алупка)

ЛОГВИНОВ

Олег Алексеевич

Кандидат исторических наук, старший офицер штаба Черноморского флота Российской Федерации (г. Севастополь)

МАЛАФЕЕВ

Леонид Федорович

Доктор философских наук, профессор Таврического гуманитарно-экологического института (г. Симферополь)

МАРТЫНКИН

Андрей Владимирович

Кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе

ПАШКОВСКИЙ

Пётр Игоревич

Аспирант кафедры новой и новейшей истории Таврического национального университета им. В.И. Вернадского (г. Симферополь)

ПЛУЖНИК

Павел Борисович

Старший научный сотрудник Крымского республиканского учреждения «Ливадийский дворец-музей» (г. Ялта)

ТИМОНЕНКОВ

Роман Петрович

Кандидат исторических наук, старший офицер штаба Черноморского флота Российской Федерации (г. Севастополь)

ШАМРИН

Олег Александрович

Старший научный сотрудник Крымского республиканского учреждения «Ливадийский дворец-музей» (г. Ялта)

ЮРЧЕНКО

Сергей Васильевич

Доктор политических наук, профессор кафедры новой и новейшей истории Таврического национального университета им. В.И. Вернадского, профессор кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе, зам. директора по научной работе Крымского республиканского учреждения «Ливадийский дворец-музей» (г. Ялта)

* * *

ЗУСМАНОВИЧ

Дмитрий Дмитриевич

Студент V курса отделения «История» Филиала МГУ в г. Севастополе

ЧАЮН

Людмила Андреевна

Студентка V курса отделения «История» Филиала МГУ в г. Севастополе

ШЕВЧЕНКО

Евгений Игоревич

Студент IV курса Севастопольского национального технического университета

Научное интернет-издание

Избранные статьи по материалам докладов, прочитанных в секции «Международные отношения в Причерноморье» на Международных научных конференциях «Лазаревские чтения» в 2007-2009 годах / под общей редакцией В.И. Кузицина.

ОТВЕТСТВЕННЫЕ РЕДАКТОРЫ ВЫПУСКА:

А.В. МАРТЫНКИН, В.В. ХАПАЕВ

Точка зрения авторов может не совпадать с точкой зрения редколлегии.

НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

**Дизайн, макет и верстка выполнены
в историко-археологической лаборатории
кафедры истории и международных отношений
Филиала МГУ в г. Севастополе**

**Подписано к публикации 21.01.10 г.
Формат 70 x 108 1/16
Объем 10,5 п.л., уч. изд. л. 3,5.
Распространяется через сеть Интернет**

